

А.Ю.Чепуренко

ИДЕЙНАЯ БОРЬБА ВОКРУГ „КАПИТАЛА“ СЕГОДНЯ

*К 170-летию
со дня рождения
Карла Маркса*

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

А.Ю.Чепуренко

ИДЕЙНАЯ БОРЬБА ВОКРУГ „КАПИТАЛА” СЕГОДНЯ

Москва

Издательство политической литературы
1988

*Редактор*доктор экономических наук *В. С. Выгодский**Рецензенты:*

доктор экономических наук *И. М. Осадчая*,
 кандидат экономических наук *В. П. Волобуев*,
 кандидат экономических наук *Рольф Хеккер*

Чепуренко А. Ю.

Ч-44 Идеиная борьба вокруг «Капитала» сегодня.—
 М.: Политиздат, 1988.— 239 с.
 ISBN 5—250—00033—9

«Капитал» К. Маркса ныне является объектом самого пристального внимания отнюдь не только со стороны последовательных марксистов. В монографии кандидата экономических наук А. Ю. Чепуренко рассматриваются важнейшие направления, по которым сегодня ведется критика экономического учения Маркса теоретиками «неомарксизма» (пересмотр теории стоимости и прибавочной стоимости, искаженная интерпретация примененного в «Капитале» метода), дается анализ основных аргументов, выясняются идейные корни и классовая направленность концепций, получивших распространение на Западе в последние десятилетия. Обобщена обширная литература об экономической теории марксизма, выпущенная в ведущих капиталистических странах.

Книга, подготовленная в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, рассчитана на специалистов в области истории и теории марксистско-ленинской политической экономии, философии, критики буржуазной идеологии.

0603010300—142
 Ч 079(02)—88 133—88

ББК 11.29+65.011+65.018

ISBN 5—250—00033—9

© ПОЛИТИЗДАТ, 1988 г.

...То, с чем мы согласны, оставляет нас спокойными, несогласие принуждает наш мозг работать продуктивно (Гёте).

*И. П. Эккерман. Разговоры с Гёте
в последние годы его жизни*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Марксов «Капитал»... Первый том его вышел в 1867 г. тиражом всего в тысячу экземпляров, но к середине 80-х гг. прошлого века книга уже стала, по образному выражению, «библией рабочего класса» Европы, вызвала смятение в стане буржуазных экономистов, философов, социологов. С тех пор, однако, прошло 100 лет. Современное буржуазное общество значительно отличается от капитализма начала и даже середины XX в., тем более от того капитализма, научный анализ которого дан в «Капитале». Так обращается ли сегодня кто-либо на Западе к «Капиталу» в поисках ответа на насущные вопросы бытия?

«На волне бунта 1968 года,— писал западногерманский социал-демократический журнал «Vorwärts», имея в виду памятный всплеск массового студенческого и общедемократического движения в ряде развитых капиталистических стран,— Маркс на долгое время оказался в перекрестье многих, в том числе издательских, интересов. Появившиеся после 1968 г. карманные издания текстов Маркса, равно как и карманные издания, которые так или иначе апеллировали к Марксу, невозможно сосчитать. Ныне потребность удовлетворена. Вместе с ней исчезла и готовность вообще серьезно относиться к Марксу. Так что теперь его принимают во внимание даже меньше, чем это следовало бы делать»¹. Иными словами, отныне-де главному труду Маркса уготована незавидная судьба — прочно занять место на книжной полке.

«Мода на Маркса» среди мнимых радикалов с середины 70-х гг., действительно, постепенно сошла на нет; многие из тех, кто щеголял прежде марксистской фразой, ныне не любят вспоминать о грехах своей молодости. Однако «моду» на Маркса, вызванную рядом временных причин и приводящих обстоятельств, следует отличать от глубокого интереса к марксистской теории, и прежде всего к экономическому учению марксизма. Интерес этот растет, что проявляется, в частности, в скачкообразном увеличении количества журнальных публикаций и монографических исследований по различным проблемам марксизма, в том числе по теоретическим и методологическим аспектам «Капитала», происшедшем в последние 10—15 лет; в «бескровной марксистской революции» в университетских кампусах, о которой с тревогой пишет правая пресса. В чем тут дело?

Во-первых, выход в свет «Капитала» означал, что в экономической науке, наряду с теорией, выражающей интересы и точку зрения буржуазии на процессы, происходящие в экономике, появилась теория, рассматривающая общественные производственные отношения с позиции рабочего класса. С тех пор изменилась, усложнилась экономическая жизнь общества, но сохраняется противоположность интересов, а потому и теоретических точек зрения буржуазии и рабочего класса на ее проблемы. Не прекращается борьба идей между буржуазной и марксистской политической экономией — тем более ожесточенная, что ныне она ведется в контексте идеологического противоборства двух общественных систем. «Капитал» по-прежнему остается вызовом, брошенным буржуазной науке.

Во-вторых, к середине 70-х гг. сложились специфические условия, определяющие весьма своеобразное отношение к Марксу со стороны представителей некоторых немарксистских школ и течений. Речь идет о новом этапе кризиса буржуазной политической экономии², который явствен-

но проявился в ее растерянности, неспособности дать ответ на вызов времени. В контексте обострения общего кризиса капитализма на современном этапе можно, пожалуй, говорить о новом этапе кризиса буржуазной экономической мысли как одном из частных проявлений усугубляющегося кризиса буржуазного сознания в целом.

Этими условиями порождены два противоположных, но взаимосвязанных процесса. С одной стороны, наблюдается отход значительной части приверженцев традиционной буржуазной экономической мысли от преобладавшей в период относительно безболезненного развития капитализма (конец 40 — конец 60-х гг.) линии на частичную интеграцию теории Маркса, отдельных ее положений, в структуру современной «экономикс». Миновал период либерального реформизма и оптимизма — кончился флирт идеологов истеблишмента с учением Маркса. С другой стороны, в обстановке девальвации идей буржуазной политической экономии на Западе набирает силу тенденция к социологизации и «реидеологизации» экономической науки. Она сопряжена с попытками нового, более или менее целостного прочтения «Капитала» Маркса — ибо никто более него в истории этой науки не способствовал превращению ее в инструмент познания социально-исторических закономерностей общественного развития — и сопровождается переносом центра тяжести с важных, но второстепенных аспектов марксистской политической экономии на фундаментальные теоретические и методологические проблемы. Данная тенденция связана в основном с работами представителей радикальной политической экономии и других групп и направлений, ориентирующихся на марксизм и проповедующих левосоциалистические взгляды на проблемы и перспективы современного буржуазного общества.

«Для левых социалистов, тех или иных революционно-демократических движений или группировок обращение к марксизму естественно выражает одно из направле-

ний развития...— подчеркивают авторы недавно вышедшего труда, подготовленного международным коллективом ученых-марксистов.— Отмеченная тенденция... обусловленная влиянием классовой борьбы, так явно отличается от буржуазных «исследований марксизма», что ее можно рассматривать именно как специфическую форму взаимодействия марксизма...»³

Леворадикальные идеологи в большинстве своем искренне убеждены, что являются полноправными и единственными наследниками Маркса. То обстоятельство, что идеологи промежуточных слоев проявляют ныне повышенный интерес к Марксовой политической экономии, не только вполне объяснимо, но, по сути, и объяснено... самим Марксом, который в свое время писал: «*Мелкий буржуа* в развитом обществе, в силу самого своего положения, с одной стороны, делается социалистом, а с другой — экономистом, то есть он ослеплен великолепием крупной буржуазии и сочувствует страданиям народа»⁴. Вполне очевидно, что сегодня нельзя быть социалистом и экономистом, не выразив так или иначе своего отношения к «Капиталу» — произведению, где дано экономическое обоснование научного социализма. Противоречивое промежуточное положение, занимаемое теми слоями современного капиталистического общества, которые в наибольшей мере обнаруживают черты сходства с описанным Марксом мелким буржуа, приводит к тому, что одной из главных форм восприятия ими экономического учения, изложенного в «Капитале», становится его фактическая ревизия под лозунгом обновления.

В первой половине 90-х гг. прошлого века, когда в западноевропейской социал-демократии начала проявляться тенденция к ревизии учения Маркса под видом его научной критики, В. И. Ленин писал: «... пусть новое «критическое направление» вырисовуется с полной определенностью, не ограничиваясь одними намеками. Чем скорее это произойдет, тем лучше, ибо тем меньше будет пу-

таницы и тем яснее будет публика сознавать различие между марксизмом и новым «направлением» буржуазной критики Маркса»⁵. Нужно сказать, что при несомненном родстве идей современных интерпретаторов Марксовой экономической теории с эклектическими концепциями, выдвигавшимися на заре ленинского этапа развития марксизма, нынешнее «критическое направление» вырисовалось вполне. «В течение последнего десятилетия,— читаем в одной книге,— сформировалось направление, которое сейчас выступает как общественная теория нового рода — аналитически утонченный (впрочем, английское «sophisticated» допускает и другой перевод: «извращенный». — А. Ч.) марксизм»⁶. Это — лишь одно из многих определений, которые используются для отграничения данного направления от прочих — наряду с терминами типа «западный марксизм», «неомарксизм», «новая социалистическая экономическая теория» и т. д. Сторонники такого «утонченного анализа» считают, что пора отказаться от «талмудистской защиты» каждого слова у Маркса и разработать «такую интерпретацию, которая соответствует исторической реальности»⁷, а затем соотнести ее с теорией, разработанной основоположником научного социализма, прежде всего — с его «Капиталом».

Ниже читатель познакомится — на примере тех авторов и работ, которые, как правило, сыграли и играют роль камертона, — с некоторыми интерпретациями Марксовой политической экономии, трактовками диалектического метода «Капитала», распространившимися на Западе в последних кругах за последние 10—15 лет, и, надеемся, согласится, что высказанное все в том же сборнике «Аналитический марксизм» замечание: «... поиск более глубоких оснований приводит... к схематизации, упрощению...»⁸ — следует отнести в первую очередь на счет современных «неортодоксальных» последователей Маркса.

Но для чего же знакомить нас с ошибочными взглядами на существо экономической теории Маркса, применен-

ный в «Капитале» метод — вправе спросить читатели. Ответим: не только для того, чтобы размежеваться, но и для того, чтобы попытаться выявить те моменты, в которых леворадикальные критики «Капитала» нащупывают действительно сложные и, может быть, не до конца выясненные марксистско-ленинской наукой вопросы. Выявление таких вопросов — это уже определенный шаг по пути к новому прочтению «теоретического наследия, созданного нашими предшественниками во имя социального освобождения человека», — такому прочтению, которое позволит «иметь точный анализ новых реальностей и формировать оптимально правильные политические выводы»⁹.

К сожалению, марксистско-ленинская критика пока робко берется за эту работу. Между тем дебаты на Западе вокруг ряда проблем шли и идут отнюдь не на пустом месте. В сложившейся ситуации приходится признать, что составители одного из сборников критических статей о Марксовой экономической теории в известном смысле правы, говоря, что иногда «именно обществоведы, не считавшие себя марксистами, давали больше для понимания наследия Маркса, чем некоторые марксисты, которые так и не вышли за рамки простого (и часто неудачного) воспроизведения «основополагающих принципов»»¹⁰. Наслоения догматизма и схоластического теоретизирования в советском обществоведении, бесспорно, сказались на общем уровне восприятия, понимания марксизма, привели к тому, что зачастую у Маркса находят ответы там, где он лишь ставил вопросы. Взвешенный критический анализ немарксистской и околomarксистской литературы, со всеми ее ошибками и заблуждениями, но иногда и с нешаблонной, оригинальной формулировкой проблем, может способствовать активизации дискуссии по фундаментальным аспектам теории и метода «Капитала». Именно эта мысль побудила автора вынести в эпиграф книги слова великого Гёте. Критика — вообще революционная сила в науке, она — в традициях творческого марксизма. Не слу-

чайно первое произведение Маркса, в котором он публично выступил с изложением своих экономических воззрений, «Нищета философии», было полемикой с Прудоном, а плод его многолетних экономических штудий, «Капитал», имеет подзаголовок «Критика политической экономии».

Не менее важно и другое. Обращение к истории теории показывает, что Маркс, Энгельс, Ленин умели разграничивать неверные ответы, которые они подвергали беспощадной критике, и острую постановку мелкобуржуазными идеологами проблем, раздумья над которыми стимулировали в определенной мере развитие самого марксистского учения: достаточно вспомнить критику утопической концепции «рабочих денег» прудониста Даримона в рукописи Маркса 1857 — 1858 гг., которая помогла ему сформулировать ряд важнейших идей в области теории стоимости и денег ¹¹.

За последние годы советским и зарубежным марксоведением немало сделано для пополнения источниковой базы, разработки целостной концепции формирования и развития марксизма, в том числе его экономического учения, вершиной которого является «Капитал». Более внимательный учет сделанного в этой области, как стремился показать автор в историко-теоретических экскурсах, которые имеются в большинстве глав данной книги, является неперенным условием как эффективной критики «неомарксистских» теорий, так и преодоления до некоторой степени упрощенных представлений о содержании и значении «Капитала», имеющих место в отечественной научной литературе.

Разумеется, очень многие важные проблемы, обсуждавшиеся в ходе дискуссий последнего времени на Западе, в монографии сравнительно небольшого объема неминуемо окажутся «за кадром». Поэтому обратим внимание читателей только на две фундаментальные темы, дебатирующиеся наиболее широко, — теорию стоимости и прибавочной стоимости и метод «Капитала». Во-первых, характер

трактовки этих вопросов определяет понимание всех других теоретических аспектов экономического учения Маркса. Во-вторых, в условиях перехода к преимущественно экономическим методам управления социалистической экономикой, набирающей темп перестройки, в высшей степени необходимо, говоря словами автора «Капитала», понимание того, что «теперешнее общество не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения»¹², т. е. мышление категориями диалектики.

Выяснение вопросов, поднятых в ходе полемики вокруг трудовой теории стоимости и Марксовой концепции эксплуатации, обнажит (по крайней мере, на это хотелось бы надеяться) коренной порок «неомарксистской» экономической теории — непонимание принципиальной новизны разработанного в «Капитале» метода. В таком случае, казалось бы, логичнее было начать книгу именно с методологического раздела и уже затем переходить к анализу собственно политико-экономических аспектов современных дискуссий. Автор, однако, избрал противоположный путь. И не только потому, что при таком подходе читатель с самого начала увидит, что за схоластическими спорами о кунштштюках диалектики «Капитала» стоят вполне реальные проблемы экономической науки, но и потому, что особенности метода «Капитала» в решающей степени определяются особенностями его предмета, а следовательно, всякие рассуждения о методе вне и до рассмотрения важнейших содержательных моментов были бы забеганием вперед. Вспомним слова Маркса из предисловия к первому выпуску «К критике политической экономии»: «Общее введение, которое я было набросал, я опускаю, так как по более основательном размышлении решил, что всякое предвосхищение выводов, которые еще только должны быть доказаны, может помешать, а читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему»¹³. От важных, но частных тео-

ретических вопросов (раздел I) к общим методологическим проблемам (раздел II) решил двигаться автор настоящей монографии.

Нужно сказать, что по теме, рассматриваемой в настоящей книге, не только в советской, но и в зарубежной марксистско-ленинской литературе обобщающих трудов фактически нет. С момента выхода в свет монографии ученого из ГДР Вольфганга Яна, в которой были проанализированы важнейшие тенденции буржуазной критики Маркса в западногерманской политико-экономической литературе первого послевоенного двадцатилетия, прошло уже свыше 20 лет; в исследованиях же И. Н. Дворкина и А. Г. Худокормова на первом плане находились по преимуществу иные вопросы, нежели в нашей работе. По существу, автор мог опираться лишь на статьи в научной периодике и некоторые разделы в монографиях В. С. Афанасьева, А. С. Гальчинского, Индржиха Зелены (ЧССР), Гюнтера Краузе и Герберта Майснера (ГДР), А. И. Малыша, И. М. Осадчей, Гезы Риппа (ВНР), В. Г. Шемятенкова, а также на обзор дебатов 70-х гг. по фундаментальным проблемам экономического учения Маркса в Великобритании, сделанный английскими марксистами Беном Файном и Лоуренсом Харрисом¹⁴. В наименьшей степени получили освещение и интерпретацию ученых-марксистов методологические аспекты дискуссий вокруг «Капитала».

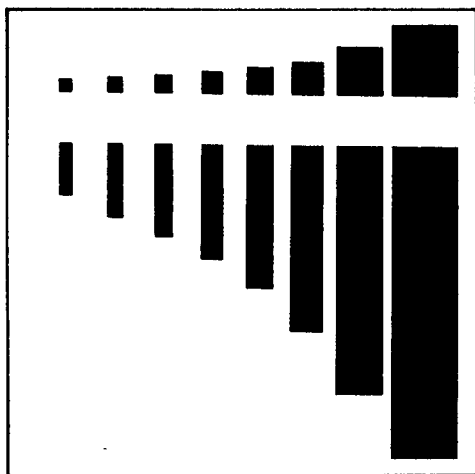
Тем больше у нас оснований выразить искреннюю признательность рецензентам доктору экономических наук И. М. Осадчей и кандидатам экономических наук В. П. Волобуеву и Рольфу Хеккеру (ГДР), редактору доктору экономических наук В. С. Выгодскому, а также докторам экономических наук А. И. Малышу и Л. С. Микше, докторам исторических наук Е. Я. Виттенбергу и Н. Ю. Колпинскому, кандидатам экономических наук Л. Л. Васиной, В. П. Гутнику, В. А. Красильщикову, С. Л. Леонову, Е. А. Меликьян, А. Г. Сырову, М. В. Терновскому, кандидатам философских наук И. К. Аптоновой, В. Н. Кузне-

цову и В. Я. Липкину за то, что они нашли возможность ознакомиться с рукописью и высказали конструктивные замечания. Дружеская и бескорыстная помощь д-ра Ханса-Георга Бакхауза и д-ра Винфрида Шварца (ФРГ), профессора Тейпосуке Отани (Япония) облегчила ориентировку в потоке исследовательской литературы о «Капитале», вышедшей за последние десятилетия в несоциалистическом мире.

Критикуя зарубежных исследователей, автор, в свою очередь, отнюдь не считает неподвластными критике суждения, высказываемые в настоящей работе, и охотно прислушается к замечаниям в свой адрес.

Раздел I

**СТОИМОСТЬ
И ПРИБАВОЧНАЯ
СТОИМОСТЬ:
ФУНДАМЕНТ МАРКСОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ ИЛИ
„ОКОЛЬНЫЙ ПУТЬ“?**

Если бы кто-нибудь [после выхода в свет I тома «Капитала» и Парижской коммуны] нашел экономическую теорию, не ссылающуюся на труд, средства производства, а возможно, даже и на само производство,— перепуганный истеблишмент, не будучи в силах сделать это сам, горячо приветствовал бы такую находку.

Л. Л. Пазинетти

Маркс писал Энгельсу незадолго до выхода в свет 1-го немецкого издания I тома «Капитала» (1867 г.): «Самое лучшее в моей книге: 1) подчеркнутый уже в *первой* главе *двойственный характер труда*, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается *все* понимание фактов); 2) исследование *прибавочной стоимости независимо от ее особых форм*: прибыли, процента, земельной ренты и т. д.»¹.

В современных дискуссиях на Западе вокруг экономического учения Маркса самая оживленная полемика идет именно по этим вопросам, т. е. по поводу теоретического значения и практических выводов трудовой теории стоимости и прибавочной стоимости.

Наиболее «взрывоопасным» элементом марксистской политической экономии является, безусловно,— и в этом едины представители всех направлений общественной мысли, независимо от их субъективного отношения к марксизму,— теория *прибавочной стоимости*. Именно она дала объяснение тайны капиталистической эксплуатации и позволила обосновать необходимость и неизбежность революционного ниспровержения капиталистического способа производства.

Однако не менее ясно и другое — как позитивное, так и негативное отношение к теории прибавочной стоимости

должно быть сопряжено с анализом существа трудовой теории стоимости Маркса².

Как известно, ключевую роль в теории прибавочной стоимости играет категория «товар рабочая сила»³. Раскрыть его специфику нельзя, если не различать потребительную стоимость и стоимость рабочей силы, но для этого необходимо понимание товара вообще как единства стоимости и потребительной стоимости. И обратно, если признать Марксову теорию товара, центральное место в которой принадлежит понятию стоимости, то дальше сама внутренняя логика «Капитала» приводит к признанию теории прибавочной стоимости как единственно научного объяснения существа капиталистической эксплуатации. Так что поколебать Марксову теорию прибавочной стоимости удалось бы, лишь опровергнув его трудовую теорию стоимости. Это хорошо понимали и понимают все сколько-нибудь серьезные оппоненты экономического учения Маркса⁴.

Разумеется, в своем подходе к оценке содержания и значения трудовой теории стоимости Маркса ортодоксальные представители буржуазной экономической мысли и мелкобуржуазные «неомарксисты» отнюдь не во всех вопросах едины — ведутся споры, существуют заметные различия и оттенки мнений. Однако в действительности при всем видимом различии позиции противников и мнимых сторонников экономического учения Маркса, как мы увидим ниже, весьма близки в методологическом отношении. Теоретический орган шведской социал-демократии журнал «Tiden» поэтому совершенно прав, когда он, имея в виду некоторых современных «легальных марксистов», замечает, что «сегодня исследователи, ориентирующиеся на марксизм, не выделяются сколько-нибудь заметно на общем фоне»⁵. Анализ нынешних дискуссий по поводу Марксовой теории стоимости позволяет выделить три основные линии: отрицание ее, как и всякой вообще научной, объективной теории стоимости, с позиций субъек-

тивно-психологического направления вульгарной буржуазной политической экономии; полемика, ведущаяся по сути с тех же методологических позиций, но по видимости стремящаяся «только» примирить теорию Маркса с теорией предельной полезности; наконец, попытки лево-радикальных теоретиков обновить Марксову трудовую теорию стоимости, «исправив» ее в духе Рикардо — Сраффы.

Первый вариант восходит к Акилле Лориа и Евгению Бём-Баверку. Ныне он взят на вооружение идеологами неоконсерватизма. Новых аргументов по сравнению с теми, что выдвигали первые буржуазные толкователи Маркса «Капитала», они не приводят, да едва ли и могут привести. Вырождение и очевидное ныне банкротство субъективно-психологической школы проявляется в том, что полемика против трудовой теории стоимости ведется на обывательском уровне и имеет отчетливо выраженную идеологическую, пропагандистскую направленность: об этом свидетельствовала, например, волна публикаций в самых реакционных периодических изданиях Запада, хлынувшая в 1983 г. в связи со 165-летием со дня рождения и 100-летием со дня смерти К. Маркса⁶.

Апеллируя к «здравому смыслу», неоконсервативные марксологи Конрад Лёв, Пауль Мартин и др. доказывают, что Марксова теория стоимости противоречит повседневному опыту, а потому неверна. Конечно, таким путем можно добиться некоторого успеха у не слишком разбирающейся в теоретических вопросах аудитории. Однако «научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей»⁷.

Что касается попыток «синтетического» прочтения теории стоимости Маркса, то и эта линия отнюдь не нова. Еще в конце прошлого века Карл Каутский, а затем и В. И. Ленин показали теоретическую беспочвенность, методологическую бесплодность эклектической версии, с ко-

торой выступил Эдуард Бернштейн⁸. Ныне, однако, в сущности, тех же взглядов придерживаются многие сторонники «неоклассического синтеза», начиная с признанного лидера данного направления Пола Самуэльсона, представители либерально-консервативного крыла современной «марксологии» (например, западногерманский философ Вернер Беккер), ряд буржуазных историков экономической мысли (профессор Лондонского университета Марк Блауг и др.).

Их возражения против важнейших теоретических положений «Капитала» свидетельствуют, как обстоятельно выяснено в работах советских и зарубежных марксистов⁹, о тенденциозной интерпретации Марксова учения о товаре и стоимости, что является следствием неспособности подойти к этому учению с несвойственных вульгарной буржуазной политической экономии методологических позиций — с позиций диалектики и материализма. Между тем, «если выделить некоторые положения марксистской политической экономии из их взаимосвязей и рассматривать в условиях чуждой им теоретической системы, тогда их содержание будет определяться уже не сущностным значением, а логикой новой теоретической системы. Именно так и происходит в случае с буржуазной и реформистской интерпретацией марксистской теории трудовой стоимости»¹⁰.

Центральный пункт данного направления буржуазной критики Марксовой теории — тезис о невозможности эмпирического доказательства реальности стоимости. Поскольку «осязаемой» стоимость становится, согласно Марксу, лишь в образе своей превращенной формы — цены, точнее, цены производства, постольку стоящие на позициях «неоклассического синтеза» критики «Капитала» предпочитают оперировать различного рода моделями цен, третируя стоимость как фикцию, «лишний окольный путь» в решении прикладных вопросов капиталистического ценообразования. Сторонники данной версии в содержатель-

ном плане мало что добавили к сказанному еще на рубеже XIX—XX вв. Вернером Зомбартом, Конрадом Шмидтом, П. Б. Струве¹¹; модернизации подвергся главным образом научный аппарат, в котором сегодня превалируют математические методы.

Наконец, третье направление немарксистской критики изложенной в «Капитале» теории стоимости, сформировавшееся в работах леворадикальных теоретиков¹², о котором по преимуществу и пойдет речь в первом разделе настоящей книги,— весьма своеобразное и заслуживающее, по нашему мнению, самого пристального внимания. Его сторонники пытаются выработать собственную концепцию, не укладывающуюся в рамки ни буржуазной политэкономии (которую они резко и метко критикуют), ни марксистско-ленинской экономической теории (ее содержание, впрочем, они толкуют зачастую упрощенно и приблизительно).

Последнее направление в буржуазной литературе обычно трактуют как марксистское. При этом исходят из прокламируемого его приверженцами — и у большинства из них вполне искреннего — стремления опереться на Маркса.

Ниже мы увидим, куда, в какую сторону — к марксизму или же от него — ведут идеи леворадикальных критиков, что представляют собой эти идеи в контексте длящейся вот уже более века идейной борьбы вокруг «Капитала».

Глава 1

ТРАНСФОРМАЦИЯ МАРКСИЗМА ВМЕСТО РЕШЕНИЯ «ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ»

Итак, речь ниже пойдет о такой линии критики экономического учения Маркса, которая, с точки зрения субъективных намерений и устремлений наиболее последователь-

ных ее приверженцев, может быть охарактеризована как «неомарксистская», ибо «неомарксизм» как современный вариант ревизии марксистского учения отличает в первую очередь именно намерение создать некую философскую, экономическую (и т. д.) теорию, стоящую над «односторонностью» как буржуазного, так и марксистского общественно-научного познания.

Что же касается содержательной характеристики указанного варианта прочтения Марксова «Капитала», то наиболее точным и удачным определением, с которым согласны как его адепты, так и критики на Западе, является определение его как *неорикардианской* интерпретации теории стоимости и прибавочной стоимости.

Неорикардианство как относительно самостоятельное течение экономической мысли Запада сложилось приблизительно к середине 70-х гг., когда назревающее банкротство традиционных доктрин вульгарной «экономикс» привело к разочарованию в них значительной части прогрессивно настроенных исследователей¹³, возрождению некоторых восходящих к классической буржуазной политэкономии идей, переосмыслению с ее позиций основных экономических категорий — стоимости, капитала, прибыли и т. д. Новое, неорикардианское течение, пытаясь соединить некоторые основополагающие идеи Рикардо с постулатами левого неокейнсианства¹⁴, в лице наиболее радикальных его представителей обнаружило интерес к экономической теории Маркса.

Как и либеральная буржуазная марксология, неорикардианская критика фактически отождествляет учение Рикардо и Маркса. Отличие состоит в том, что формально неорикардианцы используют этот прием не для тотальной критики трудовой теории стоимости вообще, а для «исправления» марксистского ее варианта. Большинство неорикардианцев стоит на левом политическом фланге и причисляет себя к социалистическому направлению в современной экономической теории.

Критика неорикардианской «корректировки» трудовой теории стоимости необходима по двум причинам. Во-первых, на общем фоне неоконсервативных нападок на марксизм и коммунизм неорикардианство выглядит «почти марксистской» теорией, освобожденной лишь от некоторых (фундаментальных) положений Маркса. Сколь бы радикальными ни были политические установки неорикардианцев-социалистов, в теоретической области неорикардианство — лжебрат марксизма, и это следует видеть и подчеркивать. Кроме того, что не менее важно, в поле зрения неорикардианцев попали некоторые проблемы, действительно, как представляется, не получившие исчерпывающего решения у Маркса. (Возможно, этим и объясняется то обстоятельство, что в конце 60 — начале 70-х гг., когда неорикардианство еще лишь давало многообещающие авансы, декларировало возможность нового прочтения «Капитала», но еще не обнаружили до конца глубокие принципиальные расхождения между новым направлением и марксистской экономической теорией, даже такие видные английские специалисты по Марксу, как Рональд Л. Мик и Морис Добб, поддались очарованию концепции, обещавшей «простые и убедительные» ответы на сложные, дискуссионные вопросы политической экономики¹⁵.)

Неорикардианская интерпретация Маркса характеризуется, прежде всего, признанием роли труда как важнейшего источника общественного богатства, далее, восходящим к Рикардо переносом центра тяжести на проблему измерения стоимости и цены.

Выяснение этой проблемы предполагает решение *двух* взаимосвязанных, хотя и относительно самостоятельных, вопросов: о *внутренней мере стоимости* (и цены), а также о конкретных факторах, влияющих на *величину стоимости* (соответственно цены) товара. Рикардо, по существу, внес вклад в решение обоих вопросов, хотя постоянно их смешивал и отдавал безусловный приоритет второму из них.

Неорикардианцы — и в этом проявляется их несомненное идейное родство с традиционной вульгарной политической экономией — в отличие от своего предшественника не просто смешивают, а полностью подменяют вопрос о том, *что* лежит в основе цены и стоимости, вопросом о том, *как* на практике осуществляется (капиталистическое) ценообразование. Фактически это означает перенос центра тяжести с исследования отношений *производства* на выяснение важного, но имеющего подчиненный характер круга проблем, связанных с функционированием отношений *распределения*.

Когда с этих позиций они обращаются к Марксу, то на передний план выдвигается количественный аспект «проблемы трансформации», т. е. превращения стоимости в цену производства. Для Рикардо и всей последующей домарксовской политической экономии вопрос согласования цены производства, или «цены издержек», с законом стоимости стал подлинным камнем преткновения. Естественно поэтому, что новое направление, стремящееся опереться в своих теоретических поисках на Рикардо, не могло обойти стороной эту проблему. В 70 — 80-е гг. возникла обширная литература по «проблеме трансформации», последняя получила статус одной из основных тем во всех написанных леворадикальными экономистами учебных пособиях и популярных и исследовательских работах об экономическом учении Маркса ¹⁶.

В чем же заключается проблема? Как известно, согласно закону стоимости, последняя определяется количеством овеществленного в товаре общественно необходимого труда. Но в реальной действительности равновеликие капиталы применяют весьма различные количества живого труда, хотя получают — во всяком случае, стремятся получить — равную прибыль. Равенство прибылей на *равновеликие* капиталы, применяющие *различное* количество живого труда, и представляет собой содержание закона средней прибыли.

Средняя прибыль, получаемая на индивидуальный капитал, отклоняется и по видимости не находится ни в какой связи с величиной производимой данным капиталом прибавочной стоимости. Соответственно и цена каждого отдельно взятого товара бывает далека от его стоимости. Понятно, что доказательством истинности трудовой теории стоимости может быть в таком случае только объяснение средней прибыли на основе закона стоимости. Иначе, как отмечал в III томе «Капитала» Маркс, «кажется, будто теория стоимости не согласуется с действительным движением, не согласуется с действительными явлениями производства, и что поэтому приходится вообще отказаться от надежды понять эти последние»¹⁷.

Диалектическое противоречие между стоимостью и ценой производства является осью теоретической системы «Капитала». И в этом смысле неорикардianцы, ставя во главу угла современных дискуссий вокруг Марксова труда «проблему трансформации», привлекают внимание действительно к узловой проблеме марксистской политической экономии капитализма. Известно также и мнение Энгельса — он, имея в виду механизм превращения стоимостей в цены производства, писал, что «это чрезвычайно интересный вопрос, о котором сам Маркс говорит не много... Здесь... предстоит еще некоторая работа, которую сам Маркс в этом первом наброске (а III том «Капитала», написанный лишь вчерне, действительно, был лишь наброском, а не завершенным целым.— А. Ч.) не довел до конца»¹⁸.

Но в том ли направлении пытаются вести эту работу неорикардianцы? Чтобы ответить на этот вопрос, придется вернуться к предыстории «Капитала» и проследить, как развивались взгляды самого Маркса на соотношение стоимости и цены производства, прибавочной стоимости и средней прибыли.

1. Марксов подход к превращению стоимости в цену производства

Первоначальный вариант «Капитала», экономическая рукопись 1857—1858 гг., стала первым этапом на пути к правильному — и, что важно, принципиально иному, нежели в предшествующей экономической науке, в частности у Рикардо, решению «проблемы трансформации». Здесь Маркс впервые установил важнейшее, отнюдь не количественное, а *качественное* различие между прибавочной стоимостью и прибылью. В отличие от прибавочной стоимости, являющейся материальным результатом отношения между капиталом и наемным трудом в процессе производства, прибыль выступает как отношение капитала к самому себе. Таким образом, прибыль — это превращенная (и в известном смысле иррациональная) форма прибавочной стоимости; форма, действительный источник происхождения которой скрыт¹⁹. Делясь с Энгельсом научными результатами работы над рукописью, Маркс с полным основанием писал в начале 1858 г.: «...я опрокинул все учение о прибыли в его прежнем виде»²⁰.

Лишь на основе последовательного различия между прибавочной стоимостью как глубинной основой и прибылью как поверхностной, превращенной ее формой становится возможным правильное понимание и количественного их различия; между тем, как неоднократно отмечает уже в этой рукописи Маркс, буржуазная политическая экономия постоянно смешивает прибавочную стоимость с прибылью, сводит (в лице, например, Мальтуса) вопрос о природе прибыли к вопросу о количественных пропорциях распределения уже произведенной прибыли²¹. Здесь же Маркс обращает внимание на то, что этот недостаток в полной мере присущ и Рикардо²².

Рассматривая вопрос о величине прибыли как вторичный и производный от вопроса о ее источнике, основоположник пролетарской политической экономии подчеркива-

ет, что «совокупная прибавочная стоимость, как и *совокупная прибыль*, которая представляет собой *прибавочную стоимость*, лишь иным образом исчисляемую, никогда не могут при этой операции (обмене.— А. Ч.) ни возрасти, ни уменьшиться; *изменяется здесь не сама прибавочная стоимость, а лишь ее распределение между различными капиталами*»²³.

Хотя в данной рукописи проблема соотношения между стоимостью и ценой производства еще не была поставлена, все же Маркс создал важные предпосылки ее научного решения. Фактически уже в 1857—1858 гг. он выделил существенное звено в превращении стоимости в цену производства — превращение прибавочной стоимости в прибыль — и решительно подчеркнул роль качественного аспекта, аспекта перехода сущности (прибавочной стоимости) в явление (прибыль, средняя прибыль), указал на его приоритет над количественным аспектом.

Как справедливо заметила И. М. Осадчая, эти два аспекта теоретического анализа не равнозначны. «Первый говорит о переходе сущности в явление, о связи между сущностью и явлением; в первом присутствует, если можно так выразиться, отношение многомерности. Во втором предполагается одномерность пространства, когда связь устанавливается на одном и том же уровне. Эти два аспекта проблемы трансформации не только не идентичны, но и не равноценны по существу. Если первый аспект говорит о существе явления, то второй скорее имеет своей целью иллюстрацию этого существа»²⁴.

Тем не менее все дискуссии вокруг проблемы трансформации сосредоточились, как мы увидим дальше, вокруг ее количественного аспекта, что и определило ошибочный характер не только критики Маркса, но и его «защиты».

Однако и при рассмотрении этого количественного аспекта участники сегодняшних дискуссий на Западе, в том числе неорикардянцы, не учитывают в полной мере все-

го, что было сделано Марксом. Между тем уже во втором черновом варианте «Капитала», созданном в 1861—1863 гг., Маркс сначала в теоретической части (тетрадь XVI), а затем в связи с критическим разбором теории цены издержек Рикардо (тетрадь XI)²⁵ — дал первый набросок собственного решения вопроса о соотношении, в том числе и количественном, между стоимостью и ценой производства.

Сначала были сформулированы впервые некоторые теоретические предпосылки выяснения действительного соотношения между стоимостями и ценами товаров. Во-первых, Маркс установил общие границы, в пределах которых может колебаться прибыль. В частности, он показал, что «товары могут продаваться ниже своей стоимости, но с прибылью»²⁶. Без понимания этого обстоятельства, писал Маркс, «было бы совершенно невозможно объяснить... основное явление... а именно, *общую норму прибыли* или тот способ, каким капиталисты делят между собой всю произведенную капиталом прибавочную стоимость»²⁷.

Во-вторых, Маркс показал, что решение проблемы общей, или средней, нормы прибыли предполагает понимание того, что «о *средней норме прибыли* речь может идти вообще только в том случае, если в различных отраслях производства капитала нормы прибыли являются различными, а не одними и теми же... прежде всего в природе общей или всеобщей нормы прибыли заложено то, что она является *средней прибылью*, средней из весьма различных норм прибыли»²⁸. Иными словами, среднюю прибыль нельзя «постулировать», ее еще необходимо вывести, исходя из наличия неодинаковых отраслевых норм прибыли. В этом, собственно, и заключается основная трудность.

Наконец, была в общем виде намечена логика перехода от стоимости и прибавочной стоимости к цене и общей (средней) норме прибыли. Такой переход, по мысли Маркса, должен в теории происходить в два этапа. Сначала не-

обходимо рассмотреть превращение прибавочной стоимости в прибыль, а уже на этой основе — превращение прибыли в среднюю прибыль²⁹. Причем «прибыль в качестве первого превращения прибавочной стоимости — и норма прибыли в этом первом превращении — выражает прибавочную стоимость в ее отношении к отдельному капиталу», тогда как «эмпирическая или средняя прибыль... выражает отношение общей суммы прибавочной стоимости... реализованной всем классом капиталистов, к совокупному капиталу, или к капиталу, примененному всем классом капиталистов...»³⁰. Это последнее превращение — и только оно — «изменяет абсолютную величину прибыли, а стало быть, и прибавочной стоимости, выступающей в форме прибыли»³¹.

Нетрудно видеть, однако, что здесь Маркс находится еще в начале пути к решению загадки средней прибыли. Не вполне выяснен механизм превращения стоимостей в цены производства, как и само существо данного процесса. Не случайно отсутствуют пока такие понятия, как рыночная стоимость и рыночная цена, цена производства: определено только понятие издержек производства, говорится об отличии «действительных цен товаров — даже нормальных цен товаров (под «нормальными ценами», очевидно, имеются в виду цены производства. — А. Ч.) — от их стоимостей», в самой общей форме указано, что «более подробное исследование этого вопроса относится к главе о конкуренции»³².

Но уже в историко-критической части рукописи 1861—1863 гг. Марксу удалось в основном решить проблему превращения стоимости в цену производства, а прибавочной стоимости — в среднюю прибыль. Весьма примечательно, что такого продвижения он добился именно в ходе разбора методологических и теоретических ошибок Рикардо, концепцию которого некоторые нынешние критики Марксовой теории пытаются использовать для того, чтобы «уточнить» положения, развитые в «Капитале».

Что же не удовлетворяло Маркса в рикардовском подходе к проблеме согласования с трудовой теорией стоимости феномена средней прибыли? Прежде всего, он обратил внимание на методологическую ошибку всей теоретической конструкции Рикардо. Она, эта ошибка, заключалась в том, что Рикардо заранее предполагал как нечто само собой разумеющееся общую норму прибыли и цены производства. Причем Рикардо не видел, что эти цены отличны от стоимостей, не совпадают с ними. Между тем «Рикардо, наоборот, должен был бы исследовать,— писал Маркс,— в какой мере вообще ее (общей нормы прибыли.— А. Ч.) *существование* соответствует определению стоимостей рабочим временем, и тогда он нашел бы, что, вместо того чтобы соответствовать этому определению, она *prima facie* ему *противоречит*, что, следовательно, ее существование надлежит еще вывести [entwickeln] при помощи целого ряда посредствующих звеньев...»³³. Таким образом, здесь была сформулирована задача исследования.

В этом же разделе рукописи Маркс устанавливает и последовательно вводит в рассмотрение указанные «посредствующие звенья»³⁴. В качестве первого шага в исследование вовлекается внутриотраслевая конкуренция. Поскольку любой отдельно взятый товар определенной отрасли выступает как кратная доля производимой в ней совокупной товарной массы, постольку его стоимость представляет собой соответствующую часть стоимости этой товарной массы. Это значит, что его стоимость определяется не индивидуальным, а общественно необходимым (при данных условиях) рабочим временем. Иными словами, внутриотраслевая конкуренция «выравнивает... *различные индивидуальные стоимости* в одинаковую, равную, лишенную различий рыночную стоимость тем... путем, что она допускает различия между индивидуальными прибылями... и их отклонения от средней нормы прибыли данной сферы»³⁵.

Но, с другой стороны, *«норма прибыли должна быть одна и та же для всякой затраты капитала... Своим вторым действием (которое, впрочем, и осуществляется иначе; это — конкуренция капиталистов в различных сферах, перебрасывающая капитал из одной сферы в другую, тогда как указанная выше конкуренция... имеет место между капиталами одной и той же сферы) конкуренция создает цену издержек, т. е. одну и ту же норму прибыли в различных сферах производства, хотя эта тождественная норма прибыли противоречит неравенству стоимостей и, следовательно, может быть создана только посредством цен, отличающихся от стоимостей»*³⁶. Таким образом, вторым шагом в переходе от стоимостей к общей норме прибыли и ценам производства является анализ межотраслевой конкуренции, в ходе которой рыночные стоимости превращаются в цены издержек (цены производства), действительно отличные от стоимостей соответствующих товаров.

Однако это не означает какого-либо отказа от трудовой теории стоимости. Маркс специально подчеркивает, что *«цены издержек всех товаров, вместе взятых, будут в своей сумме равны их стоимости. Точно так же совокупная прибыль будет равна совокупной прибавочной стоимости, которую эти капиталы, вместе взятые, приносят в течение, например, года. Средняя прибыль, а следовательно также и цены издержек были бы чем-то только воображаемым и лишенным опоры, если бы мы не взяли определения стоимости в качестве основы. Выравнивание прибавочных стоимостей в различных отраслях производства ничего не изменяет в абсолютной величине этой совокупной прибавочной стоимости, оно изменяет только распределение ее по различным отраслям производства. Но определение самой этой прибавочной стоимости проистекает только из определения стоимости рабочим временем. Без этого определения средняя прибыль представляет собой среднее из ничего, чистую фантазию»*³⁷.

Итак, в ходе критики Рикардо Маркс конкретизировал понимание роли конкуренции в установлении средней прибыли, указав на различное действие внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции, которое зафиксировано в категориях «рыночная стоимость» и «цена производства». Кроме того, он сформулировал вывод о том, что не только сумма прибылей должна быть равна совокупной прибавочной стоимости, но и суммарная стоимость произведенных за определенный период времени товаров равна сумме их цен производства.

В рукописи 1864—1865 гг., на основе которой Энгельс подготовил к печати III том «Капитала»³⁸, Маркс строит свое исследование в обратной последовательности; сначала он исследует те превращения, которые стоимость претерпевает в результате межотраслевой конкуренции, а затем анализирует феномен рыночных цен и рыночных стоимостей. Об этом идет речь в IX и X главах III тома.

В них, как известно, сначала исследуются понятия издержек производства и нормы прибыли, а затем в качестве иллюстрации приводится пример с пятью капиталами различного органического строения и соответственно с различным уровнем издержек и прибылей. Маркс показывает, что возникающие под воздействием межотраслевой конкуренции цены производства таковы, что «из различных норм прибыли в различных сферах производства выводится средняя и эта средняя присоединяется к издержкам производства в различных сферах производства», замечая, что «предпосылкой их является существование какой-то общей нормы прибыли, а эта последняя предполагает, в свою очередь, что нормы прибыли в каждой особой сфере производства в отдельности уже сведены к соответствующей средней норме»³⁹. (Иными словами, внутриотраслевая конкуренция здесь не анализируется, а пока лишь предполагается.)

Заметим, что эта предпосылка — не произвольная абст-

ракция, она отражает тот действительный факт, что внутриотраслевая конкуренция обуславливает тенденцию к выравниванию органического строения индивидуальных капиталов, так что устанавливается некий нормальный средний уровень технической оснащенности и стоимостного строения в каждой отрасли.

Далее, Маркс отмечает, что средняя норма прибыли представляет собой не среднюю арифметическую, а средневзвешенную величину — с учетом «соответственной величины капиталов, вложенных в разные сферы производства» ⁴⁰, а потому приходит к заключению, что «общая норма прибыли определяется двумя факторами:

1) органическим строением капиталов в разных сферах производства, следовательно различными нормами прибыли в отдельных сферах;

2) распределением совокупного общественного капитала между этими различными сферами, следовательно, относительной величиной капитала, вложенного в каждую отдельную сферу и имеющего поэтому особую норму прибыли, т. е. той долей, которая поглощается каждой отдельной сферой производства из всей массы общественно-го капитала» ⁴¹.

Здесь же Маркс показывает, как по мере движения исследования от «святая святых» капиталистического способа производства, процесса производства прибавочной стоимости, к поверхностным, превращенным формам — прибыли, средней прибыли — затемняется, извращается действительный источник прибавочной стоимости, и наконец фетишизация достигает того предела, когда «с превращением стоимости в цену производства скрывается от глаз самая основа определения стоимости... Так как теперь, если рассматривать отдельную сферу производства, прибыль, надбавляемая к издержкам производства, действительно определяется не границами процесса образования стоимости, совершающегося в данной отрасли, а условиями, лежащими совершенно вне ее» ⁴².

В этой связи автор «Капитала» развивает идеи, сформулированные, как мы видели, в общем виде еще в рукописи 1857—1858 гг., замечая, что вся «политическая экономия... до сих пор или произвольно абстрагировалась от различия между прибавочной стоимостью и прибылью, нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли с тем, чтобы иметь возможность сохранить в качестве основы определение стоимости, или же отказывалась от этого определения стоимости и вместе с ним от всякой почвы для научного отношения к вопросу, чтобы ухватиться за различия, лежащие на поверхности явлений и бросающиеся в глаза...»⁴³. (Последний путь, как мы увидим далее, и избрали неорикардиевские критики Маркса.)

Между тем Маркс разрешил это затруднение, не отказываясь от принципа определения стоимостей (и в конечном счете цен) товаров общественно необходимым рабочим временем, но и не закрывая глаза на действительное расхождение, несоответствие прибавочной стоимости и прибыли, стоимости и цены товара. «...Как бы ни отклонялись издержки производства товара от стоимости потребленных им средств производства,— писал он,— для капиталиста эти прошлые отклонения не имеют никакого значения. Издержки производства товара есть данная, независимая от его, капиталиста, производства предпосылка, в то время как результат его производства есть товар, содержащий прибавочную стоимость, т. е. некоторый избыток стоимости над издержками его производства... Издержки производства товара соответствуют только количеству заключающегося в нем оплаченного труда, стоимость — всему количеству заключающегося в товаре оплаченного и неоплаченного труда, цена производства — сумме оплаченного труда плюс определенное количество неоплаченного труда, независимое от особых условий данной сферы производства»⁴⁴. Применительно же к совокупному общественному капиталу цепа производства равна стоимости⁴⁵ — в противном случае пришлось бы

признать, что либо (в случае, если сумма цен производства *меньше* суммарной стоимости произведенных обществом товаров) некоторая часть общественно необходимого труда на деле таковой не является — но это невозможно по определению; либо же (в случае, когда сумма цен производства *больше* суммы стоимостей) необходимо было бы найти какой-то независимый от труда, самостоятельный фактор ценообразования. Может ли на роль такого фактора претендовать пресловутый закон спроса и предложения, столь любимый вульгарной буржуазной политической экономией, — об этом, как мы увидим, Маркс со всей определенностью высказывается в следующей, X главе III тома «Капитала».

Что же касается этой, IX главы, то отметим, что в ней Маркс, во-первых, вывел цену производства — через анализ издержек производства и средней прибыли — из стоимости и на основе закона стоимости; во-вторых, он показал необходимый характер количественного несовпадения цен производства индивидуальных товаров с их стоимостями, а отсюда объяснил и неспособность буржуазных теоретиков, ухватывающих лишь внешние взаимосвязи, понять внутреннее единство стоимостей и цен производства.

Теперь, в X главе, перед ним стояла задача исследовать то, что в предыдущем изложении выступало в качестве готовой предпосылки: «каким образом происходит... выравнивание прибылей в общую норму прибыли, раз оно, очевидно, есть результат и не может быть исходным пунктом»⁴⁶.

Это исследование Маркс строит в два этапа. На первом этапе доказывается, что, поскольку существуют отрасли, в которых органическое строение точно (или приблизительно) совпадает со средним строением совокупного общественного капитала, постольку «средняя норма прибыли есть не что иное как выраженная в процентах прибыль в указанной сфере производства среднего строения,

где, следовательно, прибыль совпадает с прибавочной стоимостью»⁴⁷. Отсюда два вывода: во-первых, сумма прибыли всех различных отраслей производства должна равняться сумме произведенной в них прибавочной стоимости, а сумма цен производства — сумме стоимостей (Маркс по-прежнему стоит на точке зрения, сформулированной, как мы видели выше, в рукописи 1861—1863 гг.); во-вторых, вся задача сводится теперь к тому, чтобы показать, как устанавливается общая норма прибыли в данной отрасли среднего строения.

Указанную задачу Маркс и решает на втором этапе исследования в X главе, анализируя процесс превращения индивидуальных стоимостей в рыночную стоимость товаров данной отрасли (причем последняя определяется, «с одной стороны, как средняя стоимость товаров, произведенных в данной сфере производства, с другой стороны, как индивидуальная стоимость товаров, которые производятся при средних условиях данной сферы и которые составляют значительную массу продуктов последней»⁴⁸), установления одинаковой рыночной стоимости и рыночной цены. Проведенный анализ остается корректным и по отношению к цене производства, «раз последняя заступает место рыночной стоимости», подчеркивает Маркс⁴⁹.

Далее он рассматривает то модифицирующее воздействие, которое оказывают на процесс ценообразования спрос и предложение, и приходит к выводу, что «действительные внутренние законы капиталистического производства... не могут быть объяснены из взаимодействия спроса и предложения... так как законы эти оказываются осуществленными в чистом виде лишь тогда, когда спрос и предложение перестают действовать, т. е. покрываются»⁵⁰. Само же «отношение между спросом и предложением объясняет, с одной стороны, лишь отклонения рыночных цен от рыночных стоимостей и, с другой стороны, тенденцию, стремящуюся уничтожить эти отклонения, т. е. уничтожить влияние отношения между спросом и предложением».

ем»⁵¹. Это — весьма важный вывод, мимо которого (как и мимо предваряющих его рассуждений) зачастую проходят сегодняшние критики и комментаторы Маркса⁵².

Основные выводы, важные для последующего рассмотрения существа неорикардиянской критики Марксовой теории стоимости, сформулированы самим Марксом:

1. «Так как совокупная стоимость товаров регулирует совокупную прибавочную стоимость, а эта последняя регулирует — как общий закон, управляющий колебаниями, — высоту средней прибыли, а следовательно общую норму прибыли, то, очевидно, закон стоимости регулирует цену производства»⁵³.

2. Все рассмотрение строится при том предположении, что спрос и предложение уравниваются: «...мы имеем здесь дело не с рыночной ценой, поскольку она отличается от рыночной стоимости, а с различными определениями самой рыночной стоимости»⁵⁴. Многочисленные случаи неравенства спроса и предложения не являются непосредственным следствием действия закона движения капиталистического способа производства, а потому выходят за рамки исследования в трех томах «Капитала». «Дальнейший анализ этого вопроса относится к специальному исследованию конкуренции».

3. «...Средняя норма прибыли зависит от степени эксплуатации совокупного труда совокупным капиталом», и «средняя прибыль совпадает со средней прибавочной стоимостью, производимой капиталом на каждую сотню...»⁵⁵

* * *

Что бросается в глаза даже при столь беглом историческом экскурсе? Во-первых, преемственность между его взглядами на каждом последующем этапе по сравнению с идеями, сформулированными еще в рукописях 1857—1858 и 1861—1863 гг. Эта преемственность — отнюдь не признак догматизма, она свидетельствует о том, что фун-

даментальные выводы, полученные в самом начале пути (о прибыли как превращенной форме прибавочной стоимости, а затем и о цене производства как превращенной форме стоимости, о первостепенном значении качественного, а не количественного аспекта проблемы), сохраняли свою методологическую роль на протяжении всех лет работы над «Капиталом». Во-вторых, становится видно, что если общее направление, логика превращения стоимости в цену производства была Марксу вполне ясна, то по некоторым частным аспектам количественного характера оставались еще некоторые лишь намеченные, но окончательно не решенные вопросы (о которых более подробно речь еще пойдет ниже). Нельзя не обратить внимание и на то уже отмеченное выше обстоятельство, что в двух созданных друг за другом черновых вариантах «Капитала», рукописях 1861—1863 и 1864—1865 гг., в которых рассматриваемая проблема получила наиболее полное освещение, последовательность анализа внутриотраслевых и межотраслевых процессов, приводящих к складыванию цен производства и средней нормы прибыли, прямо противоположная. Это свидетельствует, по-видимому, об определенных колебаниях Маркса относительно конкретного отображения механизма превращения стоимостей в цены производства.

Во всяком случае, уже вскоре после выхода в свет III тома «Капитала» предложенное в нем решение проблемы вызвало возражения. Опровергая их в главных пунктах, Энгельс, однако, писал, имея в виду, очевидно, IX и X главы: «Обе главы третьего тома «Капитала», конечно, не разрешают тех вопросов, которые могут поставить буржуазные экономисты всякого рода в отношении теории стоимости. Ответы на эти вопросы тщетно искать в той или другой главе книги. Но то, что в этом отношении еще не могло быть разработано в I томе, ясно изложено в первом — четвертом отделах третьего тома»⁵⁶. Иными словами, Энгельс полагал, что Маркс указал общее направ-

ление решения проблемы превращения стоимости в цену производства без нарушения и корректировки основных положений трудовой теории стоимости.

Как бы то ни было, оппоненты не удовлетворились ни III томом «Капитала», ни написанной в его дополнение статьей Энгельса «Закон стоимости и норма прибыли», где была предпринята попытка «подлинно исторического изложения этого процесса» превращения стоимостей в цены производства товаров⁵⁷. На рубеже XIX—XX вв. сложились, по существу, две версии «противоречия» между I и III томами «Капитала» — хорошо знакомая и многократно критиковавшаяся в марксистско-ленинской литературе качественная (Е. Бём-Баверк) и менее известная у нас количественная (Л. Борткевич). Без разбора выдвигавшихся тогда аргументов против Марксовой теории, в первую очередь аргументов Борткевича, которые служат методологической базой современным неорикардианским критикам «Капитала», невозможно в полной мере разобратся в существе сегодняшних споров.

2. Предтечи неорикардианской ревизии марксизма: Л. Борткевич и П. Сраффа

Как известно, в числе первых попытался оспорить правильность Марксова решения проблемы превращения стоимости в цену производства Бём-Баверк, один из родоначальников субъективно-психологического направления; ему ответил выступавший тогда в общем с марксистских позиций Рудольф Гильфердинг⁵⁸.

Однако гораздо более серьезный, хотя по видимости частный, характер носили возражения со стороны одного из немногочисленных тогда последователей Рикардо. Речь идет о профессоре статистики Берлинского университета (а до этого — преподавателе Александровского лицея под Петербургом) Ладислаусе Борткевиче. Если Бём-Баверк и его сторонники использовали проблему превращения

стоимости в цену производства для тотальной атаки на трудовую теорию стоимости, то статистик из Берлина, формально не возражая против принципа определения стоимости трудом, сосредоточил свое внимание на проверке корректности количественных взаимосвязей между величиной стоимости и ценой производства⁵⁹. Возможно, именно спокойный тон выступления Борткевича, а также отсутствие сколько-нибудь заметного резонанса на его выступления в буржуазной литературе привели к тому, что предпринятый им разбор III тома «Капитала» и полученные выводы не привлекли сразу внимания марксистской критики.

Анализируя Марксово решение, Борткевич пришел к выводу, что его необходимо «исправить» в одном пункте. А именно, он считал, что при переходе от «стоимостного расчета» к «расчету по ценам производства» следовало бы и элементы издержек производства пересчитать в ценах производства: ведь в реальной действительности факторы производства — машины, сырье, рабочую силу — капиталист также получает с рынка, где они продаются по ценам производства, а не по стоимости. Между тем в упоминавшихся выше примерах с пятью капиталами различного органического строения Маркса из IX главы III тома «Капитала» издержки фигурируют в стоимостном выражении.

Скорректировав эти расчеты, Борткевич построил систему уравнений цен производства, рассчитанных не по стоимостям, а по ценам производства:

$$\begin{aligned}(1 + \rho) (c_1x + v_1y) &= (c_1 + c_2 + c_3)x \\(1 + \rho) (c_2x + v_2y) &= (v_1 + v_2 + v_3)y \\(1 + \rho) (c_3x + v_3y) &= (m_1 + m_2 + m_3)z,\end{aligned}$$

где c_n , v_n и m_n — соответственно постоянный капитал, переменный капитал и прибавочная стоимость, как части стоимости продукта подразделения n ; ρ — общая норма

прибыли; $\frac{x}{1}$, $\frac{y}{1}$, $\frac{z}{1}$ — отношение цены к стоимости продукта соответственно I подразделения (производство средств производства), II подразделения (производство предметов потребления рабочих) и III подразделения (производство предметов потребления капиталистов).

Таким образом, Марксова двухсекторская модель воспроизводства и обращения совокупного общественного капитала была дополнена третьей строкой — «производство предметов потребления капиталистов», причем последнее Борткевич свел к производству золота, а цену производства последнего приравнял к стоимости, т. е. $z = 1$. В итоге своих вычислений он пришел к выводу, что сумма цен производства превышает сумму стоимостей, совокупная прибавочная стоимость не равна совокупной прибыли⁶⁰. А раз так, то приходится признать, что Марксова теория стоимости не объясняет механизм капиталистического ценообразования. Допущенная «ошибка в расчете» привела Маркса, полагал Борткевич, к заблуждению относительно действительного значения созданной им теории стоимости.

Итак, о чем идет речь? Пусть:

$$\overbrace{C_1 + V_1 + M_1}^{c_A} + \overbrace{C_2 + V_2 + M_2}^{v_A} + m_A = w_A,$$

где c_A — потребленный при производстве товара A постоянный капитал; v_A — авансированный на производство товара A переменный капитал; m_A — созданная в процессе производства товара A прибавочная стоимость; w_A — стоимость товара A ; $C_1 + V_1 + M_1$ — «поэлементная» стоимость постоянного капитала, потребляемого в производстве товара A ; $C_2 + V_2 + M_2$ — «поэлементная» стоимость жизненных средств рабочих, занятых производством товара A .

Борткевич утверждал, что Маркс переходит от стоимости к цене производства, рассматривая лишь превращение

m_A в p_A (прибыль, полученную при производстве товара A). Однако в реальной действительности $C_1 + V_1 + M_1$ и $C_2 + V_2 + M_2$ также следовало бы рассматривать уже не в стоимостных категориях, а в ценах производства, ибо и элементы постоянного капитала A , и рабочая сила покупаются капиталистом по ценам их производства. Таким образом, для того чтобы адекватно представить происходящий процесс, необходимо принять за переменную величину не только m_A , но также и c_A и v_A . Маркс, полагал Борткевич, не видел того, что P (цена производства товара A) отличается от w_A не только в силу превращения m_A в p_A . Дело выглядит сложнее: $P_A = f(c_A, v_A, m_A)$, а не только $f(m_A)$, как, по мнению Борткевича, считал Маркс.

Из текста III тома «Капитала» следует, однако, что Маркс отчетливо видел сложность, которая возникает в связи с необходимостью оценивать и элементы постоянного капитала, и рабочую силу не по стоимости, а по действительным ценам производства. Во-первых, в последнем, третьем черновом варианте «Капитала» он определенно отметил: «Так как, за исключением вновь присоединенного труда, элементы капиталистического производства сами входят в процесс производства уже как товары, следовательно, с определенными ценами, то стоимость, прибавляемая постоянным капиталом, уже дана как *цена...*»⁶¹ Что Маркс здесь имел в виду, становится ясно из следующего места IX главы III тома «Капитала», где говорится: «...в масштабе общества, — если рассматривать все отрасли производства как одно целое, — сумма цен производства произведенных товаров равна сумме их стоимостей.

Кажется, будто этому положению противоречит тот факт, что в капиталистическом производстве элементы производительного капитала покупаются обыкновенно на рынке, следовательно, цены их содержат уже реализованную прибыль, и поэтому цена производства вместе с заключающейся в ней прибылью одной отрасли промышленности входит в издержки производства другой. Но если

мы подсчитаем, с одной стороны, сумму издержек производства товаров в целой стране, с другой стороны, — сумму производимой в ней прибыли, или прибавочной стоимости, то, очевидно, мы получим правильный итог. Возьмем, например, какой-либо товар A ; пусть в издержки его производства входят прибыли от B, C, D , а в издержки производства B, C, D , в свою очередь, входит прибыль от A . Производя вышеуказанный подсчет, мы не будем прибыль от A причислять к его собственным издержкам производства, и точно так же прибыли от B, C, D и т. д. не войдут в их собственные издержки производства... И следовательно, если имеется, например, n отраслей производства и в каждой из них прибыль равна p , то издержки производства всех их вместе взятых $= k - np$. Рассматривая весь расчет в целом, мы находим таким образом, что прибыли одной сферы производства, поскольку они входят в издержки производства другой сферы, уже учитываются здесь как составная часть общей цены окончательного продукта и не могут снова появиться в графе прибылей. Если же они появляются в этой графе, то только потому, что данный товар сам есть окончательный продукт и, следовательно, его цена производства не входит в издержки производства какого-либо другого товара... В общем итоге прибавочная стоимость A не может засчитываться два раза»⁶².

Таким образом, Маркс фактически рассмотрел здесь влияние превращения M_1 и M_2 в P_1 и P_2 соответственно (прибыли, входящие в цены производства элементов постоянного капитала A и жизненных средств, потребляемых рабочей силой A).

Во-вторых, следующее место в тексте свидетельствует о том, что он видел и проблему трансформации $C_1 + V_1$ и $C_2 + V_2$ в издержки производства: «Мало того, что цена продукта, произведенного, например, капиталом B , отклоняется от его стоимости, так как прибавочная стоимость, реализованная в B , может быть больше или меньше, чем

прибыль, присоединенная к цене продуктов B , — то же самое обстоятельство сохраняет свою силу и по отношению к товарам, которые образуют постоянную часть капитала B , а косвенно — в качестве жизненных средств рабочих — и переменную его часть. Что касается постоянной части, то она сама равна издержкам производства плюс... прибыль... Что касается переменного капитала, то хотя дневная заработная плата в среднем всегда равна новой стоимости, созданной в течение того количества часов, которое рабочий должен работать для того, чтобы произвести необходимые жизненные средства, однако само это количество часов, в свою очередь, непостоянно в силу того, что цены производства необходимых жизненных средств отклоняются от их стоимостей»⁶³. Таким образом, Маркс видел, что не только M_1 и M_2 , превращаясь в P_1 и P_2 , влияют на отклонение цен производства от стоимостей, но и что $C_1 + V_1 + M_1$ и $C_2 + V_2 + M_2$ в целом, трансформируясь в цены производства, тем самым изменяют величины c_A и v_A . Не случайно он подчеркивал: «Первоначально предполагалось, что издержки производства товара равны *стоимости* товаров, потребленных при его производстве. Но цена производства данного товара для покупателя последнего является его издержками производства и может таким образом войти в образование цены другого товара в качестве издержек производства. Так как цена производства товара может отклоняться от его стоимости, то и издержки производства товара, в которые включена эта цена производства другого товара, могут быть выше или ниже той части всей его стоимости, которая образуется стоимостью входящих в него средств производства. Не следует забывать об этом модифицированном значении издержек производства, не следует поэтому забывать, что всегда возможна ошибка, если приравнять в какой-либо отдельной сфере производства издержки производства товаров к стоимости потребленных при их изготовлении средств производства»⁶⁴.

Мог ли Маркс в свете данного замечания рассматривать свой пример с пятью капиталами разного органического строения как нечто большее, нежели простую иллюстрацию некоторых теоретических рассуждений и выводов? Думается, нет. Во-первых, в «Капитале» числовые расчеты — в отличие от алгебраических формул — не являются самостоятельным шагом в теоретическом доказательстве; они призваны лишь сделать более наглядными некоторые рассуждения⁶⁵. Во-вторых, для того чтобы корректно формализовать данную экономическую задачу, потребовалось бы построить систему нелинейных уравнений со многими синхронно варьирующими неизвестными⁶⁶. Очевидно, это не входило в намерения Маркса⁶⁷; для него главным было решение проблемы трансформации на *качественном* уровне, т. е. доказательство того, что в капиталистическом обществе стоимость с необходимостью выступает в виде цены производства⁶⁸.

Прежде всего, он считал, что все затруднение «разрешается... благодаря тому, что в один товар прибавочной стоимости входит на столько больше, на сколько ее недостает в другом, а следовательно, отклонения от стоимости, заключающиеся в ценах производства товаров, взаимно уничтожаются»⁶⁹. Кроме того, как об этом уже говорилось выше, Маркс показал, что при сопоставлении стоимостного расчета с расчетом суммы цен производства неизбежно возникает повторный счет в части прибылей, так что по видимости сумма прибылей всегда будет превышать совокупную прибавочную стоимость, произведенную за соответствующий период времени. У Борткевича как раз получается, что прибавочная стоимость (как прибыль) фигурирует в расчетах дважды — отсюда его сенсационный вывод. Но «ошибки» Маркса тут нет — скорее, речь должна идти о том, что Борткевич проглядел у Маркса ряд важных замечаний, которые, по сути, в значительной мере делают критику в адрес «Капитала» с этой стороны необоснованной.

И тем не менее в 40—50-е гг. нашего столетия, после того как американский профессор Пол Суизи, впоследствии один из идеологов «новых левых», открыл для англоязычного мира забытые статьи Борткевича, тезис об «ошибке» Маркса был подхвачен рядом экономистов-неоклассиков⁷⁰. А английский экономист Фрэнсис Сетон, используя аппарат линейной алгебры, разработал генерализованную версию для n -секторной модели и пришел к выводу, что лишь при введении дополнительных допущений (например, предположения о том, что органическое строение капитала в производстве предметов роскоши равно среднеобщественному) выполняются фундаментальные Марксовы равенства между суммой стоимостей и суммой цен производства, а также между суммарной прибавочной стоимостью и общей величиной прибыли. «Однако это — в высшей степени ограничительная модель, и она не может быть рекомендована ввиду того, что требует радикального отказа от попытки решить проблему в общем виде»⁷¹. Иными словами, Сетон практически пришел к выводу о том, что теория стоимости и цены производства Маркса не пригодна в качестве общей теории, объясняющей механизм функционирования капиталистической экономики.

В 70-е гг. усиление влияния в студенческих и академических кругах леворадикальной политэкономии с присущим ей стремлением переосмыслить основы не только буржуазной, но и марксистской экономической науки привело к тому, что полемика вспыхнула снова, и по «проблеме трансформации» к настоящему времени создана, как уже отмечалось, обширнейшая литература. Тон в ней задают сегодня сторонники неорикардизма, получившего известное распространение в леворадикальных кругах Западной Европы, США, некоторых развивающихся стран Азии, Латинской Америки.

В теоретическом и методологическом отношении неорикардизмская интерпретация Марксова «Капитала» опи-

рается на идеи, сформулированные в книге издателя и комментатора произведений Рикардо, одного из виднейших представителей кембриджской школы Пьеро Сраффы «Производство товаров посредством товаров» (1960)⁷².

* * *

Сраффа, итальянец, с конца 20-х гг. работающий в Англии и всю жизнь посвятивший пропаганде и возрождению теории Рикардо, рассматривал свою книгу прежде всего как критику неоклассического направления вульгарной буржуазной политэкономии. Однако сегодня последователи используют методологию Сраффы главным образом как средство решения вопросов, на которые, по их мнению, не удалось найти удовлетворительного ответа Марксу⁷³.

Разработанная Сраффой теория неоднократно анализировалась как в советской, так и в зарубежной марксистской и леворадикальной литературе⁷⁴, поэтому ниже мы обратим внимание читателя лишь на некоторые методологические моменты концепции «производства товаров посредством товаров», на наш взгляд, закрывающие путь к правильному восприятию экономической теории Маркса и приводящие приверженцев Сраффы в лоно вульгарной буржуазной политэкономии, которую сами же они резко и справедливо критикуют.

Суть концепции Сраффы — в рассмотрении «производства ради потребления» и тех связей, которые возникают при этом в экономике и которые он выражает с помощью системы линейных уравнений. Цены товаров Сраффа трактует исключительно как воплощение материально-вещественных затрат на производство того или иного товара. Анализ цены в системе Сраффы ограничен лишь чисто количественным аспектом. Качественное содержание стоимости у Сраффы не раскрывается, а сама она выступает исключительно в денежной форме, т. е. как цена.

Причем затраты живого труда прямо сводятся к издержкам производства рабочей силы, а последние — к издержкам производства предметов, потребляемых носителями этой рабочей силы.

Как же конкретно у Сраффы определяется цена товара?

Пусть имеются товары $a, b, c, \dots k$, каждый из которых произведен соответствующей отраслью, пишет Сраффа. A — количество товара, произведенного за год отраслью a , B — отраслью b , и т. д. $A_a, B_a, \dots K_a$ — количества продукции $a, b, \dots k$, которая в течение года используется для производства товаров A ; соответственно $A_b, B_b, \dots K_b$ — количества, израсходованные для производства B ; $A_c, B_c, \dots K_c$ — для производства C . Далее предполагается, что $P_a, P_b, \dots P_k$ — стоимости каждой единицы товаров $a, b, \dots k$. Отсюда Сраффа выводит условия производства:

$$\begin{array}{cccccccc} A_a P_a + B_a P_b + C_a P_c + \dots + K_a P_k & = & A P_a \\ A_b P_a + B_b P_b + C_b P_c + \dots + K_b P_k & = & B P_b \\ \cdot & & \cdot \\ \cdot & & \cdot \\ \cdot & & \cdot \\ A_k P_a + B_k P_b + C_k P_c + \dots + K_k P_k & = & K P_k, \end{array}$$

где $\sum_{n=a}^k A_n = A, \sum_{n=a}^k B_n = B, \dots, \sum_{n=a}^k K_n = K,$

поскольку предполагается, что система находится в состоянии равновесия.

Таким образом, у Сраффы цены (т. е. цены производства) вводятся в систему уравнений заранее, причем цена любого товара определяется через цены других товаров. Строя цены на основе сугубо технологических соотношений между трудом и средствами производства и выражая их в «физических единицах», кембриджский экономист рассматривает лишь технико-технологическую сторону ка-

питалистического производства, вынося за рамки экономического анализа общественные отношения. Излишне было бы говорить, что «ни одно из основополагающих понятий Маркса — как, например, товар как нечто «двойственное», абстрактный труд, стоимость, деньги — не находит у Сраффы никакого отражения»⁷⁵. Он конструирует «воображаемый мир, в котором вещи (потребительные стоимости) производят другие вещи (потребительные стоимости)»⁷⁶. Отсюда проистекает фетишизм Сраффы и его современных последователей⁷⁷, здесь же — истоки того процесса, который привел сегодняшних неорикардianцев к полной подмене социального анализа прикладной математикой⁷⁸. В советской литературе подмечено, что этот процесс привел к складыванию новой формы фетишистского сознания в политической экономии — «модельного фетишизма», заключающегося в приписывании объекту свойств, которыми обладает не он, а описывающая его модель, и необоснованном приписывании модели свойств реального объекта, которые ей не присущи⁷⁹.

Итак, нет решительно никаких оснований сблизать Сраффу с Марксом, трактовать его концепцию как обогащенную достижениями современной экономической науки марксистскую теорию. Более того, Сраффа во многом отходит и от учения Рикардо. Если великий английский экономист прошлого признавал труд единственным источником стоимости, то Сраффа доказывает, что в создании стоимости помимо труда «участвуют» также капитал и технология. В «производстве товаров посредством товаров» у Сраффы отсутствует такой товар, как рабочая сила. Вводя вместо стоимости рабочей силы «долю живого труда во вновь созданной стоимости», он тем самым возвращается к пресловутой теории факторов производства.

В данной связи нельзя не отметить, что в последние годы даже некоторые правоверные неорикардianцы, указывая на ряд положительных моментов книги Сраффы «Производство товаров посредством товаров» (особенно

при сопоставлении ее с неоклассической теорией), в то же время подчеркивают неправомочность попыток подменить марксизм неорикардизмом, причислить Сраффу к марксистам⁸⁰. Марксисты же высказывают вполне правомочную точку зрения, согласно которой воззрения Сраффы гораздо ближе по своему объективному содержанию стоят к неоклассической школе буржуазной политической экономии, чем к марксизму⁸¹. Так, английский марксист Бен Файн обратил внимание на близость исходных предпосылок неоклассической теории цены и концепции Сраффы (извне заданы технические условия производства, капиталисты стремятся максимизировать свою прибыль, предполагается господство совершенной конкуренции), а также на то, что обе теории не проводят различия между стоимостью и ее формой и не объясняют существования цен, заработной платы и прибыли, а рассматривают их как нечто само собой разумеющееся⁸².

Одного только этого перечисления серьезнейших методологических изъянов концепции «производства товаров посредством товаров» достаточно, видимо, для того, чтобы согласиться с выводом западногерманской исследовательницы Кристины Пеннавайя: «...«Введения к критике экономической теории» (этот подзаголовок явно должен, по замыслу Сраффы, вызвать у сведущего читателя ассоциацию с Марксовым «Капиталом». — А. Ч.) недостаточно, чтобы обосновать небуржуазную теорию»⁸³.

Но почему же все-таки книга профессора из Кембриджа и сегодня вызывает жаркие споры на Западе, почему основывающиеся на ней концепции в представлении сторонников Сраффы (и некоторых марксистов на Западе⁸⁴) выступают как необходимая и достаточная альтернатива Марксовой теории стоимости?

В первую очередь потому, что Борткевич, Сетон и другие буржуазные экономисты сумели убедить многих леворадикальных исследователей в том, что Марксово решение «проблемы трансформации» окончательно превзой-

дено (а вместе с ним — и трудовая теория стоимости). В этих условиях концепция Сраффы представляется им надежным ориентиром, позволяющим найти свой путь между Сциллой «опровергнутого» марксизма и Харибдой буржуазной экономической ортодоксии. «...Трудовая теория стоимости может, конечно, рассматриваться как полезный измеритель (rod) для оценки экономических величин... — пишут, например, авторы предисловия к одному из многочисленных ныне на Западе сборников статей об экономической теории Маркса. — Однако нужно еще ответить на вопрос, нельзя ли заменить Марксову версию трудовой теории стоимости формулировкой Сраффы, у которого цены производства определяются непосредственно коэффициентами материало- и трудозатрат, так что не приходится становиться на «осложняющий дело окольный путь» («complicating detour») ... трудовой теории стоимости. Как нам представляется, нет никаких оснований не воспользоваться такой возможностью, ибо... два этих подхода формально эквивалентны, но подход Сраффы более прост и элегантен»⁸⁵.

Откуда, однако, берутся эти «простота и элегантность»? Фактически в их основе лежит элементарная погрешность против формальной логики, истоки которой, в свою очередь, — в уже упоминавшемся «модельном фетишизме» сраффианцев. По верному замечанию С. В. Казанцева, «...исследовав математические свойства... моделей и найдя решение, они выставляют ранее неявно введенную предпосылку о независимости задаваемых параметров от стоимости как содержательный результат, полученный на основе строго математического исследования: получаемая в модели система цен может быть определена без использования категории стоимости»⁸⁶. Этот вывод, собственно, и составляет главную ценность, которую предложенный Сраффой подход к решению фундаментальных вопросов политической экономии капитализма имеет в глазах неорикардианских критиков «Капитала».

3. Нужна ли замена трудовой теории стоимости?

На первый взгляд имеются пункты, в которых последователи Сраффы соглашаются с Марксом. Однако в свете вышесказанного, думается, ясно, что их трактовка закона стоимости, товара, труда и т. д. фактически не имеет ничего общего с марксизмом⁸⁷. Попытки эклектически соединить теорию Маркса и Рикардо — или доказать, что по существу у последнего присутствовали почти все элементы марксистской теории (различение труда и рабочей силы, стоимости и цены и т. д.)⁸⁸ — непостижимым, на первый взгляд, образом, но неизбежно приводят их к отказу от трудовой теории стоимости вообще⁸⁹.

Действительно, ниже мы увидим, что в сущности операции, проводимые неорикардианцами, сводятся к тому, чтобы сначала цену производства определить как сумму издержек производства и прибыли, а затем показать задним числом, что эти элементы, а потому и сама цена производства, не зависят от стоимости, которая в таком случае представляется неким фантомом.

Основные положения альтернативной теории, позволяющей, по мнению неорикардианцев, решить фундаментальную «проблему трансформации», разработаны японским экономистом Мичио Моришимо⁹⁰ и развиты Иэном Стидменом. Сегодня дискуссия на Западе разворачивается в основном вокруг «альтернативы» теории стоимости Маркса, которая изложена в книге Стидмена «Маркс после Сраффы» (1977).

В чем же видят уязвимые места теории Маркса неорикардианцы? Вот что пишет на этот счет виднейший представитель данного направления Иэн Стидмен: «С формальной точки зрения ошибка Маркса заключается в том, что он хотел сначала определить норму прибыли, а затем нормальные цены товаров (или «цены производства», как называл их Маркс). Фактически же норма при-

были и цены производства должны рассматриваться в теории одновременно»⁹¹. На этом основании и утверждается, что Марксово решение не может быть признано правильным. (Более того, Стивден отвергает и основной аргумент, выдвинутый Марксом против рикардовской теории цены издержек, — тезис о том, что нельзя исходить при рассмотрении превращения стоимости в цену производства из наличия средней прибыли, как это делал Рикардо и как делают его сегодняшние последователи⁹².)

Выше об этом вопросе уже шла речь в связи с разбором тезиса об «ошибке» Маркса, выдвинутого Борткевичем. На наш взгляд, марксистско-ленинская политическая экономия — хотя и с опозданием, которое до некоторой степени позволило захватить инициативу в дискуссии неорикардianцам, — нашла вариант решения проблемы синхронного превращения прибавочной стоимости в прибыль и стоимости в цену производства. Этот вариант также основывается на математической формализации, но при этом модель не противоречит основным положениям «Капитала» и в общем подтверждает справедливость большинства выводов, к которым Маркс пришел, рассматривая процесс превращения стоимостей в цены производства. В частности, К. Вальтух в ряде статей пришел к следующим результатам:

«...— превращение прибавочной стоимости в среднюю прибыль, соответственно стоимости в цену производства, может быть выражено точной математической формулой, показывающей равенство суммы прибыли в капиталистическом обществе сумме цен прибавочного продукта, воплощающего прибавочный труд рабочего класса (результат получен на основе модели межотраслевого баланса); — это превращение неизбежно связано с несовпадением (точнее, лишь приблизительным совпадением) двух отношений: отношения прибавочной стоимости к переменному капиталу и отношения суммы прибыли к фонду заработной платы пролетариата...;

— поскольку «критика» Марксовой теории превращения прибавочной стоимости в среднюю прибыль сводится к демонстрации того, что указанные соотношения не совпадают, она некорректна: превращение происходит, и количественные пропорции при этом несколько меняются; здесь перед нами лишь один из моментов несовпадения явления и сущности, детально проанализированного в марксистской политэкономии;

— ...«критика» ведется с использованием таких приемов, как... некорректный перевод положений К. Маркса на язык математических формул и т. п.»⁹³.

Два последних вывода в полной мере справедливы в отношении неорикардianских критиков Маркса. Исправить Маркса они стремятся, применяя вслед за Сраффой (а по существу, за Леонтьевым) модель «затраты — выпуск» для исследования капиталистического ценообразования. В общем их подход сводится к следующему: если A — матрица материальных затрат, \bar{l} — вектор трудовых затрат и B — матрица выпуска в масштабах общества, то

$$A\bar{y} + \bar{l} = B\bar{y},$$

где \bar{y} — вектор «трудовой стоимости». Поскольку $B - A = C$, где C — матрица чистого продукта, то получается:

$$C\bar{y} = \bar{l}(1).$$

Отсюда находится значение вектора y , т. е. становится, по мнению неорикардianцев, возможным определить стоимости товаров, произведенных в данной системе и вошедших в дальнейший процесс «производства товаров посредством товаров» в качестве средств производства. Причем, доказывают последователи Сраффы, решение, имеющее с Марксовой точки зрения смысл, возможно, лишь если выполняются следующие три основных условия: во-первых, система в целом продуктивна (создается положительный конечный стоимостной продукт); во-вторых,

вектор трудозатрат строго положителен (иначе говоря, товары создаются только трудом человека); в-третьих, в каждом производственном процессе создается только один товарный вид, и притом лишь единственным способом.

Против первых двух условий возражений у неорикардянцев не возникает, но вот третье, как противоречащее капиталистической практике диверсифицированного производства, они отвергают, вводя понятие «сопряженного производства» (joint-production), т. е. такого производства, результатом которого является не один товарный вид, а несколько; далее, они допускают сосуществование нескольких альтернативных методов производства одного и того же товарного вида, в связи с чем возникает проблема «выбора технологии» (choice of technique).

Исходя из этих скорректированных предпосылок, выстраивает свою аргументацию, приводящую к отрицанию теории стоимости и прибавочной стоимости Маркса, Стидмен. Его расчеты призваны доказать возможность получения «положительной прибыли при отрицательной прибавочной стоимости» и «положительной цены товара при отрицательной стоимости». Вот его напумевший пример⁹⁴.

Предполагается, что существует два различных процесса производства сопряженных товаров A и B , таких, что:

1. 5 единиц A + 1 единица труда \rightarrow 6 единиц A и 1 единица B ;
2. 10 единиц B + 1 единица труда \rightarrow 3 единицы A и 12 единиц B .

(Цифры здесь, что само по себе примечательно, совершенно произвольные.) Указав величины затрат и выпуска, Стидмен предполагает затем, что реальная заработная плата за 1 единицу труда равна $\frac{1}{2}$ единицы A + $\frac{5}{6}$ единицы B . Если теперь «цену» реальной заработной платы принять за 1, т. е. приравнять ее к стоимости товаров, которые можно на нее купить, а цены A и B выразить соответственно как p_1 и p_2 и общую норму прибыли —

как r , допустив, что норма прибыли входит только в цены средств производства, то получается следующая система уравнений:

$$\begin{aligned}(1+r) 5p_1 + 1 &= 6p_1 + p_2 \\(1+r) 10p_2 + 1 &= 3p_1 + 12p_2 \\1 &= \frac{1}{2} p_1 + \frac{5}{6} p_2.\end{aligned}$$

Отсюда $r = 20\%$, $p_1 = \frac{1}{3}$, $p_2 = 1$.

Обозначив далее количество труда, воплощенного в единице товара A и B , как l_1 и l_2 соответственно, Стидмен получает:

$$\begin{aligned}5l_1 + 1 &= 6l_1 + l_2 \\10l_2 + 1 &= 3l_1 + 12l_2, \text{ откуда следует: } l_1 = -1, \\l_2 &= 2.\end{aligned}$$

Иначе говоря, стоимость товара A отрицательна, хотя цена его положительна и система в целом продуктивна.

Думается, этого вывода любому экономисту, на каких бы теоретических позициях он ни стоял, было бы достаточно, чтобы усомниться в правдоподобии примера Стидмена: ведь сколь бы могущественной ни была математика, законы экономики берут свое — ни количество общественно необходимого труда, ни даже «предельная полезность» как основа стоимости не могут быть величинами отрицательными, ибо это означало бы, что данный товар — попросту не товар. Но не так рассуждает Стидмен. Он, видимо, готов опровергнуть самоочевидные экономические истины, лишь бы в созданном им опрокинутом мире удалось опрокинуть и трудовую теорию стоимости. Завидное упорство для автора, считающего себя последователем Рикардо!

Наконец, Стидмен приводит последний — по его мнению, решающий — аргумент против Марксовой теории. Предположив, что в 1-м процессе применяется 5 единиц

труда, а во 2-м — 1 единица труда, он получает, что прибавочный продукт равен 5 единицам $A + 2$ единицы B . (Он исчислен как разность между чистым продуктом, 8 единиц $A + 7$ единиц B , и заработной платой, составляющей 3 единицы $A + 5$ единиц B .) Отсюда:
 стоимость рабочей силы $V = 3 \cdot (-1) + 5 \cdot 2 = 7$,
 прибавочная стоимость $S = 5 \cdot (-1) + 2 \cdot 2 = -1$,
 вновь созданная стоимость $V + S = 6$.

Иными словами, получается, что прибавочная стоимость отрицательна при положительной прибыли.

Стидмен полагает поэтому, что «всякая трудовая теория с необходимостью является барьером для развития теории, основывающейся на принципе излишка... Отрицанию «трудовой теории стоимости» в любом ее виде, как следует из работ... Борткевича, Сраффы, могут быть найдены прочные основания *в рамках самой концепции излишка*»⁹⁵.

Что такое излишек? Об этом профессор из Манчестера много не рассуждает: для него экономические отношения — некий «черный ящик», на выходе из которого мы получаем нечто, чего не содержалось на входе. Что это за «нечто», откуда оно возникает — какая разница? Главное, полагает Стидмен, его можно посчитать, в чем он и видит задачу политической экономии. Правда, на наш взгляд, разработанное им понимание экономических процессов — это скорее взгляд бухгалтера, чем теоретика-экономиста. Но какова же конечная цель, так сказать, сверхзадача этой бухгалтерии?

Исходя из «физических величин» затрат и выпуска в каждой отрасли, включая рабочее время, и набора товаров, определяющих реальную заработную плату, Стидмен стремится доказать, что, «*во-первых*, этих величин вполне достаточно для определения нормы прибыли и цен производства. *Во-вторых*, норма прибыли фактически зависит не от всех указанных величин, а только от реальной заработной платы и прямых и косвенных условий производства

товаров, составляющих заработную плату (wage goods). Условия производства тех товаров, которые не входят в набор, прямо или косвенно определяющий размеры реальной заработной платы, не влияют на норму прибыли». (Это второе утверждение Стидмена — наиболее яркое свидетельство его фактического отхода от классической теории Рикардо, за возрождение которой он вроде бы ратует, ибо Рикардо никогда не приходило в голову отрицать влияние затраченного на производство товара рабочего времени на норму прибыли.) «В-третьих, никакие количества воплощенного в товарах труда не играют необходимой роли в определении как нормы прибыли, так и цен производства — они абсолютно излишни»⁹⁶.

Некоторые авторы на Западе, однако, расценивают выводы Стидмена и его последователей в отношении Марксовой теории стоимости как основанные на весьма шатких в политэкономическом смысле рассуждениях.

Профессор математики из Иерусалима Эммануэль Фарджун показал, насколько нелепы — даже с точки зрения ортодоксального рикардизма — примеры Стидмена. Так, в книге последнего содержится следующая иллюстрация «сопряженного производства» станков и автомобилей:

	Станки	Автомобили	Единицы труда		Станки	Автомобили
(4) I процесс:	25	0	5	→	30	5
II процесс:	0	10	1	→	3	12

Но это значит, рассуждает Фарджун, что в I процессе 1 единица труда производит 1 станок и 1 автомобиль, тогда как во II процессе — 3 станка и 2 автомобиля. Каким же образом в экономике, основанной на конкуренции, I процесс мог бы существовать не как частный случай, а как устойчивое явление? Никакой проблемы «выбора технологии» здесь не возникнет — рыночный механизм однозначно «выскажется» в пользу II процесса⁹⁷.

Турецкий экономист Сунгур Савран также обращает внимание на ошибки в пресловутом примере Стидмена.

Этот пример, отмечает Савран, основывается на предположении, что между обоими процессами существует абсолютное различие в производительности. Но в таком случае невозможно, чтобы индивидуальные стоимости были равны сразу у *обоих* товаров и в *обоих* процессах: иначе проблема альтернативных методов производства вообще не вставала бы. Следовало бы показать, каким образом эти различные индивидуальные стоимости складываются в общественные стоимости товаров *A* и *B*. Стидмен же, вопреки логике, утверждает, что индивидуальные стоимости товаров *A* и *B*, производимых как первым, так и вторым методом, равны. Только это расходящееся с очевидным положением дел утверждение и позволяет Стидмену прийти к выводу о том, что стоимость одного из товаров отрицательна. Таким образом, заключает Савран, ««сложные» проблемы отрицательных стоимостей и положительных прибылей при отрицательной прибавочной стоимости — не что иное, как псевдопроблемы, возникающие вследствие неудачной математической формализации реальных отношений»⁹⁸.

Один из представителей так называемой школы Уно (о концепции ее родоначальника Козо Уно речь пойдет в 5-й главе данной работы), профессор Макото Ито, критикуя произвольный характер построений Стидмена, их оторванность от реальностей капитализма, пишет: «Хотя числовой пример Стидмена прост, в более общем случае сопряженное производство *A* и *B* связано процессом воспроизводства с другими отраслями. Кроме того, затраты на производство *A* и *B*, прямо или косвенно, будут включать в себя *A* или *B*. В таком случае стоимость затрат, а потому и общая стоимость *A* и *B*... будет, в свою очередь, зависеть от того, как распределяется между *A* и *B* труд»⁹⁹. Иначе говоря, все пропорции «сопряженного производства» зависят от *общественного разделения труда* и его распределения между отраслями общественного производства. Таким образом, общественное разделение труда лежит в основе

стидменовских «физических величин», так что эти последние отнюдь не являются ни автономными, ни сугубо технологическими переменными. Поэтому, заключает Ито, «проблема сопряженного производства, выдвинутая Стидменом, чтобы показать аномалии Марксовой теории стоимости, скорее обнаруживает узость одностороннего, абстрактно технологического подхода неорикардianцев к теории стоимости»¹⁰⁰.

Другой довод против стидменовской критики Маркса выдвигает работающий в ФРГ итальянский ученый Марио Когой. Он справедливо подчеркивает, что, по Марксу, стоимость создается не просто трудом, а *общественно необходимым трудом* (это замечание, особенно в устах сторонника неорикардianства, каким является Когой, многого стоит; ниже мы еще вернемся к данному вопросу). В капиталистическом обществе не всякий труд, затраченный на производство товаров, является общественно необходимым. Поэтому, полагает Когой, следовало бы трансформировать (1) $C\bar{y} = \bar{l}$ в $C\bar{y} \geq \bar{l}$ и ввести в систему (1), помимо вектора технологически заданных трудовых затрат \bar{l} , вектор «общественно необходимого труда» \hat{l} , причем $0 \leq C\bar{y} = \bar{l} \leq \hat{l}$ ¹⁰¹. Но такая система может иметь однозначное решение, лишь если ввести ряд дополнительных ограничений, которые, однако, будут внешними для теории стоимости Маркса. Иначе говоря, существует абстрактная возможность построения различных «альтернативных» моделей, но ни одна из них не может быть доказательством ошибочности марксистской теории стоимости¹⁰².

Можно было бы приводить и другие аргументы, свидетельствующие о теоретической несостоятельности неорикардianской критики трудовой теории стоимости¹⁰³. Отметим еще лишь те исходные допущения, на которых зиждется ревизия «Капитала» последователями Сраффы.

Стидмен не формулирует их прямо, но в работах другого видного представителя данного направления, уже упо-

минавшегося выше Моришими, они прямо обозначены в качестве исходных предпосылок, причем несколько положений приписываются Марксу ¹⁰⁴.

Во-первых, Моришима предполагает, что в каждой отрасли производится только один продукт и только одним технологическим способом. Это допущение нужно, чтобы свести общественную стоимость товаров к индивидуальной, а последнюю — непосредственно к затратам труда.

Но в «Капитале» ничего подобного не говорится. Специфика капитализма — даже современного, в котором тенденция к унификации технологии значительно сильнее, чем во времена Маркса, — в том и заключается, что существует множество товаров одного вида, производимых при весьма различной технологии, а потому индивидуальные затраты труда весьма неодинаковы и лишь в обмене обнаруживается, в какой мере они были общественно необходимы. Поэтому-то и стоимость не может быть измерена в часах рабочего времени, ибо она выражает не индивидуальные, а общественно необходимые затраты труда ¹⁰⁵. И если неорикардиянцы отождествляют индивидуальные затраты труда с общественно необходимыми и тем самым «избавляются» от неустранимого при капитализме противоречия между общественным и частным трудом, то Маркс здесь ни при чем ¹⁰⁶. Более того, как доказывает один из ведущих представителей сложившегося в конце 70-х гг. в Гёттингенском университете марксистского «Объединения по развитию общественно-теоретических исследований», Георгиос Статис, допущение о равенстве индивидуальных и общественно необходимых затрат труда, соответственно индивидуальной и общественной стоимости товаров, прямо противоречит остальным посылкам Стидмена и его последователей — причем именно в тех случаях, когда, согласно их утверждению, должны возникать «отрицательные стоимости» ¹⁰⁷.

Возьмем другой постулат Моришими, согласно которому у Маркса-де труд является единственным фактором про-

изводства, при этом он выступает как необученный, или (для него это синонимы) абстрактный. Но разве когда-либо Маркс отрицал тот очевидный факт, что «труд не единственный источник производимых им *потребительных стоимостей*, вещественного богатства»? ¹⁰⁸ Он говорил, что *стоимость* создается единственно трудом, в его качестве абстрактно человеческого, общественно необходимого труда. Что же касается понимания абстрактного труда как труда необученного, то и здесь Моришима смешивает труд как субстанцию стоимости и конкретный, особенный вид труда, участвующий в производстве потребительных стоимостей. Если классическая политическая экономия не проводила, по выражению Маркса, «сознательного различия между трудом, как он выражается в стоимости, и тем же самым трудом, поскольку он выражается в потребительной стоимости продукта» ¹⁰⁹, то после Маркса не видеть этого различия, да еще приписывать подобный взгляд самому же автору «Капитала», недопустимо ¹¹⁰.

Однако дело не только в том, что ошибочны и произвольны исходные допущения последователей Сраффы. Основной порок их концепций, которые они сами рассматривают либо как развитие экономической теории Маркса, либо как ее научную альтернативу, коренится в методологической несовместимости их построений с методом, примененным в «Капитале».

Маркс, как отмечалось выше, еще в первоначальном варианте «Капитала» пришел к пониманию того, что ключевым вопросом при переходе от прибавочной стоимости к прибыли (а значит, в конечном счете, от стоимости к цене) является вопрос о качественной специфике поверхностных, превращенных форм экономических отношений буржуазного общества. Маркс показал, что стоимость в капиталистической экономике с необходимостью выступает как цена (производства), и обратно — цена (производства) может быть рационально понята лишь как проявление стоимости. В качественном отношении цена производства

есть развитая форма стоимости, в количественном отношении это различие между сущностью (стоимостью) и явлением (ценой производства) проявляется в возможности несовпадения их величин¹¹¹.

Однако для неорикардианцев количественный аспект стал главным — и единственным — критерием проверки истинности Марксовой теории стоимости. Узкий — в традициях Рикардо — взгляд и привел постсраффианцев к тому, что диалектический переход стоимости в цену производства превратился в «проблему трансформации», теоретическое осмысление реальных экономических процессов выродилось в чисто умозрительную задачу, относящуюся скорее к компетенции прикладной математики, нежели политической экономии, как об этом откровенно пишут западногерманские сторонники «синтеза» Маркса и Сраффы: «Когда рассматривают вопрос о формально корректной трансформации стоимостей в цены производства, часто забывают, что это — чисто техническая проблема, решение которой ничего не объясняет (!) и которая не в состоянии указать направление дальнейшего движения в сторону эмпирических (*vorfindbaren*) величин, например рыночных цен»¹¹².

Неорикардианцы находятся в плену фетишистских воззрений, ухватывающих лишь внешние проявления, превращенные формы, в которых эти отношения выступают на поверхности. Взгляды последователей Сраффы не выходят за пределы того — весьма ограниченного — круга идей, который сформулирован вульгаризаторами теории Рикардо еще во времена Маркса. Как тут не вспомнить слова автора «Капитала», который отмечал в рукописи 1861—1863 гг., что рикардовское смешение стоимости и цены производства сыграло роковую роль: «этой путаницей», писал он, «объясняется то, почему после Рикардо многие позднейшие молодчики... могли принимать «издержки производства» за последний регулятор цен, не имея ни малейшего понятия об определении стоимости ра-

бочим временем, более того, даже прямо отрицая это определение при одновременном отстаивании «издержек производства»»¹¹³.

Неорикардианцы, как мы видели, пытаются обойти то неразрешимое противоречие теории классиков буржуазной политэкономии, на которое неоднократно указывали Маркс и Энгельс, а именно выйти из заколдованного круга, где стоимость определяется «трудом», который, в свою очередь, сам имеет «стоимость». Выход из этого затруднения они находят самый простой: применение модели «затраты — выпуск» позволяет, как им кажется, его узаконить, раз цена товара *A* определяется через прямые затраты *B*, *C* и т. д. и заработную плату, выплаченную в отрасли *A*, цена *B* — через прямые затраты *A*, *C* и т. д. и реальную заработную плату, полученную рабочими отрасли *B*, и так дальше. Но тем самым проблема не решена — она «изгнана» из теории стоимости в теорию цены.

С другой стороны, даже эта сомнительная победа не решает другой не менее значительной трудности, которую неорикардианцы либо не замечают, либо не хотят замечать.

Метод «затраты — выпуск», лежащий в основе всех расчетов неорикардианцев, в принципе применим для составления балансов товарной продукции в *ценах*, но всякие попытки ввести в данную модель некие «трудовые единицы», или цены, исчисленные «в трудовом выражении», теоретически несостоятельны. Еще в полемике с Прудоном и его последователями Маркс однозначно доказал принципиальную невозможность выражения цены товаров непосредственно в труде. В экономической рукописи 1857—1858 гг. он писал: «Различие между ценой и стоимостью, между товаром, измеренным в том рабочем времени, продуктом которого он является, и тем рабочим временем, на продукт которого этот товар обменивается, это различие требует третьего товара как меры, в которой выражается действительная меновая стоимость товара. *Так как цена не равна*

стоимости, то элемент, определяющий стоимость, — рабочее время — не может быть тем элементом, в котором выражаются цены, ибо в этом случае рабочее время должно было бы выражать себя одновременно как определяющее и неопределяющее, как равное и неравное самому себе. Так как рабочее время как мера стоимости существует лишь идеально, то оно не может служить материей для сравнения цен... Различие цены и стоимости требует, чтобы стоимости как цены измерялись другим масштабом, а не своим собственным. Цена в отличие от стоимости необходимо должна быть денежной ценой. Здесь проявляется то обстоятельство, что номинальное различие между ценой и стоимостью обусловлено их реальным различием»¹¹⁴.

До тех пор пока в экономике господствуют стоимостные отношения, учет общественно необходимого труда может осуществляться только а posteriori, через стоимость как «кристалл» этого общественно необходимого труда. Даже в условиях современного государственно-монополистического капитализма, с его гигантски возросшими масштабами обобществления производства в рамках циклопических ТНК, осуществляемый в них внутренний учет затрат труда ведется на основе условных (расчетных) цен, а не «трудовых единиц».

Только с развитием непосредственно общественного характера труда, по мере превращения его, по выражению Маркса, во «всеобщий труд», т. е. отнюдь не в капиталистическом обществе, стоимостная оболочка производственных отношений станет излишней. Математическое моделирование и расчет общественных трудовых затрат превращается из утопии в прикладную экономическую задачу только в обществе ассоциированных производителей, основная сфера трудовой деятельности которых лежит по ту сторону «царства необходимости», т. е. непосредственного процесса материального производства¹¹⁵. Иными словами, для этого необходима гораздо более высокая ступень социального развития, нежели та, на которой находится как современ-

пое капиталистическое общество, так и, в известной мере, общество социалистическое. Поэтому совершенно прав каннадец Роберт Олбриттон, когда он пишет, что теория цен приверженцев Сраффы вовсе не является «теорией *капиталистических* цен, а их понимание закона стоимости совершенно неадекватно его действительному содержанию» ¹¹⁶.

Наконец, необходимо отметить еще одно, едва ли не самое важное, обстоятельство. Маркс писал в связи с анализом теории «цены издержек» Рикардо, что последний «совсем не исследует стоимость со стороны формы,— той определенной формы, которую принимает труд как субстанция стоимости,— а исследует только величины стоимости, т. е. те или иные количества этого абстрактно-всеобщего и, в этой форме, общественного труда, которые обуславливают различие *в величинах стоимости* товаров» ¹¹⁷. Иначе говоря, Рикардо не пошел дальше рассмотрения чисто количественного аспекта — выяснения факторов, влияющих на величину стоимости, как она обнаруживается в процессе обмена товаров. Хотя он и ощущал, очевидно, что «абсолютная» (или «действительная») стоимость, просто *стоимость*, и «относительная» стоимость, т. е. *меновая стоимость*,— это не одно и то же ¹¹⁸, однако этот вопрос, как уже говорилось выше, никогда не находился в центре внимания Рикардо. Поэтому Рикардо «очень часто забывает... «действительную стоимость», или «абсолютную стоимость», и имеет в виду только «относительную стоимость»...» ¹¹⁹, писал Маркс.

Сам же Маркс не только проводил различие между меновой стоимостью как пропорцией, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода, и стоимостью товаров как кристаллизацией заключенного в них общественно необходимого труда. Более того, он доказал своим анализом товарной формы продукта труда, что меновая стоимость есть лишь форма проявления стоимости. Как таковая, она есть форма *стоимости* ¹²⁰.

Стоимость и величина стоимости обнаруживаются, проявляются в форме стоимости. Но это отнюдь не значит, что «стоимость и величина стоимости товара существуют лишь в том выражении, которое они получают в меновом отношении товаров, т. е. лишь на столбцах текущего прейскуранта товаров»¹²¹. Хотя в меновом отношении величина стоимости (цена) приобретает известную самостоятельность движения: меновая пропорция является отношением между двумя товарами, величина стоимости *каждого* из которых может варьировать, — понять и объяснить эти вариации невозможно, не выяснив качественного своеобразия, внутренней их природы.

* * *

Именно в методологическом отношении неорикардиянская концепция самым разительным образом отличается от учения Маркса. Приверженность теории Рикардо объективно ведет к тому, что, как бы ни стремились неорикардиянцы доказать обратное, критика ими Марксовой теории стоимости ведется не с более передовых, а с превзойденных пролетарской экономической теорией позиций. В полемике с марксизмом представители данного направления фактически покидают почву трудовой теории стоимости и, вольно или невольно, становятся, по выражению Ленина, «пленниками буржуазных идей»¹²². Не случайно ведь итоговый вывод Стидмена о «ненужности» трудовой теории стоимости в точности повторяет сказанное по этому поводу таким столпом «неоклассического синтеза», как Самуэльсон, еще в конце 50-х гг.!

В то же время ошибкой было бы полагать, будто вся вообще бурная полемика вокруг «проблемы трансформации» с ее далеко идущими выводами в отношении Марксовой теории стоимости развернулась, что называется, на пустом месте. Дискуссия в немарксистской литературе на Западе ставит, как представляется, на повестку дня неко-

торые вопросы, требующие дополнительного обсуждения со стороны марксистов.

Исходя из безусловного примата качественного аспекта превращения стоимостей в цены производства, нельзя в то же время не видеть, что Маркс понимал важность и количественных взаимосвязей и пропорций. В предыдущем изложении, в частности, было показано, что автор «Капитала» не раз подчеркивал: в масштабе всего капиталистического общества не только суммарная прибыль равна суммарной произведенной прибавочной стоимости (т. е. эксплуатация является единственным источником дохода капиталистов), *но и сумма цен производства произведенных товаров должна быть равна суммарной их стоимости* — на том, разумеется, уровне исследования, когда еще не учитывается весь комплекс более конкретных причин, приводящих к их расхождению (ложная социальная стоимость, устойчивое несовпадение спроса и предложения и т. п.). Маркс, как уже отмечалось, не ставил своей целью в «Капитале» формализованное доказательство, однако и в современной марксистско-ленинской литературе, опирающейся на мощный инструментарий прикладной математики, пока нет корректного в политико-экономическом и математическом отношениях решения, при котором одновременно выполнялись бы *оба* требования. Более того, приходя, как и ряд советских экономистов, на основе математического расчета трансформации стоимостей в цены производства к выводу о равенстве суммарной прибыли и суммарной прибавочной стоимости, исследователь из ГДР Манфред Хике, например, констатирует, что равенство суммы цен производства сумме всех стоимостей достигается фактически лишь при том совершенно нереальном условии, что... органическое строение капитала во всех отраслях одинаково!¹²³ Иными словами, получается, что сумма цен производства, как правило, не равна суммарной стоимости товарной массы, она либо меньше, либо больше последней.

Возникает вопрос: как отнестись к такому выводу? Можно ли, как это иногда делается ¹²⁴, удовлетвориться уже приводившимся выше высказыванием Маркса о том, что «вообще при капиталистическом производстве общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний» ¹²⁵, и прекратить на этом основании дальнейшие поиски? Или же, памятуя слова Ленина о том, что «теория Маркса оставляет еще не разъясненными ряд проблем» ¹²⁶, марксистская политическая экономия должна продолжить исследование данного вопроса?

У автора нет готового ответа. Хотелось бы лишь привлечь внимание специалистов к так называемой теореме о неполноте формальных систем, сформулированной в 1931 г. австрийским логиком Куртом Гёделем. Эта теорема гласит, что в достаточно содержательных формальных системах (а математизированный вариант решения проблемы превращения стоимости в цену производства такой системой, бесспорно, является) имеются неразрешимые, т. е. недоказуемые и одновременно неопровержимые в рамках данной системы, положения ¹²⁷. Именно так обстоит дело с системой уравнений «цен производства в ценах производства»: количество неизвестных во всех до сих пор предлагавшихся вариантах ее математического решения — предлагавшихся как сторонниками традиционной буржуазной экономической теории и неорикардianцами, так и исследователями-марксистами — неизменно превышает число строк, так что всякий раз в систему вводятся дополнительные допущения, ограничения, условия.

Теорема Гёделя о неполноте имеет важное гносеологическое значение, ибо она «показывает невозможность полной формализации человеческого мышления» ¹²⁸. Приложима ли она к данному случаю? Ответ на этот вопрос может быть получен только соединенными усилиями экономистов, математиков, философов. Если ответ будет

положительным и, кроме того, удастся доказать, что в «Капитале» невозможно обнаружить такое теоретическое положение, которое благодаря корректной в политэкономическом и математическом отношении формализации может быть введено в качестве недостающей строки в систему уравнений без увеличения числа неизвестных в ней,— только в этом случае «проблему трансформации» в ее количественном аспекте можно будет снять с повестки дня теоретической дискуссии, аналогично тому, как когда-то была снята с повестки дня научных дебатов проблема «философского камня».

Нужно, однако, еще раз со всей определенностью подчеркнуть, что речь идет лишь о количественной стороне превращения стоимостей в цены производства и возможности ее рассмотрения на том уровне теоретического исследования, на котором оно анализируется в «Капитале». Что же касается качественной стороны данной проблемы, то ничто не поколеблет того фундаментального вывода, что трудовая теория стоимости — не «окольный путь», а единственно возможная база научного объяснения функционирования капиталистической экономики. Что же до опытной, эмпирической ее проверки, то отнюдь не сложные вычисления, а практический опыт класса капиталистов, его «неутолимая жажда прибавочного труда» доказывают, что источником вновь созданной стоимости является труд. Не об этом ли свидетельствовала столь подробно описанная в «Капитале» борьба английских рабочих за нормальный рабочий день, исход которой Маркс охарактеризовал как победу политической экономии рабочего класса над политической экономией буржуазии?¹²⁹ И разве не об этом же говорит происходящая в наши дни перестройка всей системы организации рабочего времени в странах развитого капитализма, нацеленная на максимально полное использование прибавочного и сокращение необходимого рабочего времени как средство минимизации издержек и максимизации прибылей монополистического капитала, или,

например, ожесточенная битва, развернувшаяся в наши дни в ФРГ вокруг требования нескольких профсоюзов об установлении 35-часовой рабочей недели? ¹³⁰

Правда, неорикардрианские теоретики, указывая на усиливающуюся тенденцию роботизации материального производства в ходе нынешнего этапа НТР, утверждают, что полная автоматизация уже в исторических рамках капитализма положит предел существованию трудовой теории стоимости и «теоретизированию, основывающемуся на концепции прибавочной стоимости» ¹³¹.

Правильнее, однако, было бы говорить о другом — о том, что, как писал Маркс еще в первоначальном варианте «Капитала», рукописи 1857—1858 гг., «...в буржуазном обществе, основанном на *меново́й стоимости*, возникают такие производственные отношения и отношения общения, которые представляют собой одновременно мины для взрыва этого строя», что в нем наличествуют «материальные условия производства и соответствующие им отношения общения, необходимые для бесклассового общества...» ¹³².

Под материальными условиями производства Маркс в данной связи имел, очевидно, в виду подробно описанную и проанализированную им тенденцию к превращению процесса производства в технологическое применение науки, выступающей в качестве непосредственной производительной силы, к становлению нового технологического способа производства — автоматической фабрики. Что же касается новых производственных отношений, подспудно вызревающих в недрах буржуазного общества, то итог их развития, по Марксу, мог быть таков, что «*кража чужого рабочего времени, на которой зиждется современное богатство*» неминуемо оказалась бы «жалкой основой в сравнении с... основой, созданной самой крупной промышленностью. Как только труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства, рабочее время перестанет и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потреби-

тельной стоимости... Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости...»¹³³.

Конечно, современные исследователи, которым в отличие от Маркса приходится воочию наблюдать развитие указанных процессов и тенденций, могут во многом дополнить, а кое в чем и оспорить его прогноз, однако кризисное состояние капиталистической общественной системы едва ли дает основания полагать, что эти процессы и тенденции приобретут заверченный вид в ее исторических рамках. «Тот, кто говорит о конце эпохи наемного труда, либо не додумывает до конца, либо же имеет в виду устранение капиталистических общественных форм в частности или товарпроизводящего общества вообще, — справедливо отмечает один западногерманский профсоюзный лидер. — Было бы во всяком случае иллюзией полагать, что благодаря технологическим переворотам, новым формам организации труда... мы достигли пределов «царства свободы». «Царство необходимости» является и долгое время будет еще являться доминантой в нашем обществе»¹³⁴. Автор этих строк отнюдь не марксист, но он смотрит на вещи более реально и судит более трезво, нежели иные «левые» экономисты, поспешившие сдать в архив трудовую теорию стоимости Маркса. Между тем и современное развитие говорит за то, что подрыв основанной на стоимости системы производственных отношений при капитализме и в его исторических рамках, как убедительно показал в своем анализе империализма Ленин, лишь начинается, а не завершается. А это и означает, что трудовая теория стоимости в целом сохраняет свое научное и методологическое значение.

«Информационный капитализм» остается капитализмом, стоимость и прибавочная стоимость по-прежнему производятся живым трудом, хотя труд этот весьма далек от той исторически конкретной формы наемного труда, которая господствовала во времена Маркса (по существу, мы наблюдаем сегодня тенденцию к превращению слож-

ного умственного труда в доминирующую форму субстанции общественного богатства в ведущих капиталистических странах), и хотя — это самое важное — производительным силам, складывающимся в «технотронную» эру, все теснее и неуютнее становится в оболочке капиталистических производственных отношений.

Здесь, однако, мы вплотную подходим к следующей большой теме — о трактовке теории прибавочной стоимости Маркса, данного им объяснения сущности и механизма капиталистической эксплуатации, идеологами левого радикализма, выступающими под флагом «неомарксизма».

Чехословацкий исследователь Штефан Геретик отмечал, что «с возвратом к традициям буржуазных классиков в западный экономический анализ «вернулась» и категория эксплуатации, используемая как для «развития», так и для «опровержения» теории эксплуатации Маркса»¹³⁵. Представители «новой социалистической» (или радикальной) экономической теории уверены в том, что они в новых условиях, но в духе Маркса обличают капиталистическую эксплуатацию. Есть ли основания для такой уверенности? Об этом речь пойдет ниже.

Глава 2

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

В отличие от буржуазных и реформистских марксологов, для которых неприемлем подход к объяснению капиталистической эксплуатации как феномена, порожденного самим способом *производства* и обуславливающего существование антагонистических классов, представители леворадикальной экономической мысли ратуют за материалистический подход к этой фундаментальной проблеме. Правда, большинство из них стремится освободиться при этом от «нежизнеспособной» теории стоимости и прибавочной

стоимости. «...Марксова концепция «эксплуатации» никак не зависит от определения стоимости трудом, хотя, понятно, ее обоснование облегчается и ее правдоподобие возрастает благодаря использованию такой фразеологии. Но поскольку «прибавочная стоимость» — это просто разность между заработной платой и средним продуктом труда рабочего, ее существование может быть описано и теорией предельной производительности заработной платы в условиях совершенной конкуренции на рынке», — полагает, например, американский автор Томас Соуэлл¹³⁶.

Некоторые неорикардианцы — экономисты и социологи — считают даже, что и сам Маркс-де «никогда... не нуждался в трудовой теории стоимости как в основе для своего понимания революционной перспективы. Не является она и необходимым условием создания теории эксплуатации, т. е. распределения доходов на собственность, которая... может быть выведена непосредственно из исследования существующих классовых отношений в капиталистическом обществе»¹³⁷. Такую теорию эксплуатации пытаются обосновывать либо эмпирическими данными (Э. Глин и Б. Сатклифф, М. Буравой и др.), либо рассуждениями общесоциологического, юридического, морального порядка (Дж. А. Коэн, Дж. Ходжсон, Дж. Элстер, Дж. Ремер и др.)¹³⁸.

Другая, менее значительная часть леворадикальных теоретиков стремится примирить неорикардианскую концепцию эксплуатации с марксизмом, доказывая, что в сущности они якобы не противоречат друг другу (примером могут служить взгляды Э. О. Райта). Впрочем, последовательные неорикардианцы сами ясно показывают, насколько тщетны подобные попытки соединить несоединимое¹³⁹.

Наконец, третья группа теоретиков — левых радикалов, близкая к марксизму, критикует неорикардианцев, заявляя, что отказ от Марксовой теории прибавочной стоимости закрывает путь к пониманию исторически преходя-

щего характера капитализма и механизма функционирования его экономики (М. Ито, М. Де Врой, А. Шейх и др.)¹⁴⁰. При этом порой им удается создать интересные исследования по проблемам новых потребностей рабочего класса и их влияния на стоимость рабочей силы, форм отчуждения труда в современном буржуазном обществе, новейших проявлений капиталистического угнетения труда и форм классовой борьбы и т. д.¹⁴¹

Однако доминируют в дискуссии, ведущейся сегодня в различных периодических изданиях левосоциалистического характера, последовательные неорикардянцы. Признавая противоположность классовых интересов труда и капитала, они иногда заявляют и о признании основных положений Марксова учения об эксплуатации наемного труда, а их фактическую ревизию объясняют стремлением дополнить и развить идеи «Капитала» применительно к сегодняшним условиям. Как и почему сложилась такая ситуация?

Начавшись с «переосмысления» трудовой теории стоимости, искания многих леворадикальных экономистов неизбежно привели их к необходимости определить свое отношение и к Марксовой теории прибавочной стоимости. В 70-е гг. полемика велась главным образом вокруг так называемой фундаментальной теоремы Маркса (формулировка которой, впрочем, принадлежит отнюдь не Марксу, а японским экономистам Нобуо Окишио и Мичио Моришима), гласящей, что «эксплуатация рабочих капиталистами является необходимым и достаточным условием существования такой системы цен и заработной платы, которая обеспечивает положительные прибыли, или, иными словами, условием существования капиталистической экономики»¹⁴². Спор сводился в основном к тому, что одни (К. фон Вайцзеккер, Э. Вольфштеттер и др.) критиковали «жесткую» версию теоремы, согласно которой *только* эксплуатация рабочих является источником капиталистической прибыли, тогда как другие, идя на попятный, выдвигали

гали «мягкую» версию (И. Сидмен), по которой эксплуатация рабочих — вовсе не единственный источник прибыли, ибо эксплуатируется-де не только рабочая сила, но и другие товары¹⁴³. В итоге распространилось убеждение, что если подставить в «фундаментальную теорему» любой другой товар вместо рабочей силы, то в результате получится соответствующая «теория эксплуатации» (например, нефти)¹⁴⁴.

Под влиянием этой догмы с конца 70-х гг. развернулись поиски «новой» теории, объясняющей природу, причины и механизм эксплуатации при капитализме¹⁴⁵. Создатели таких — альтернативных Марксу — версий настойчиво изгоняют из своих работ всякое упоминание о стоимости и прибавочной стоимости¹⁴⁶, рассуждая лишь о прибыли и труде¹⁴⁷.

1. Новый вариант «морализирующей критики» капитализма

Пример отхода от экономического учения Маркса является английский философ Дж. А. Коэн. В первой половине 70-х гг. он выступал с марксистских позиций, однако в 1978 г. в вызвавшей весьма оживленные споры на Западе книге «Теория истории Карла Маркса. Защита» им была предпринята весьма своеобразная попытка: сохранить материалистическое понимание истории, отказавшись в то же время от последовательно материалистического и диалектического объяснения функционирования капиталистического способа производства на основе трудовой теории стоимости. Коэн продолжал развивать эту линию. Так, в одной из своих более поздних статей он пишет: «...трудовая теория стоимости и концепция эксплуатации никак друг с другом не связаны. Трудовая теория стоимости не может служить основанием выдвигаемого марксистами против капитализма обвинения в эксплуата-

ции. Реальным основанием такого обвинения является гораздо более простая вещь, которую... часто смешивают с трудовой теорией стоимости»¹⁴⁸.

Что же это за «более простая вещь»? Коэн разъясняет свою мысль: «...допустим, что рабочий нечто производит. Он производит продукт. Он не создает *стоимость*, но он создает *нечто, имеющее стоимость*. Небольшая разница в выражениях скрывает (!) громадное концептуальное различие. Обвинение в эксплуатации основывается не на том, что капиталисты получают стоимость, производимую рабочими, а на том, что они получают кое-что из стоимости *того, что производят рабочие*. Производят ли рабочие стоимость или нет — они во всяком случае производят продукт, т. е. нечто, имеющее стоимость»¹⁴⁹. Подлинно марксистское объяснение эксплуатации, оказывается, вытекает из этой «небольшой разницы в выражениях» и звучит следующим образом: «Рабочий — единственный, кто создает продукт, т. е. нечто, имеющее стоимость. Капиталист получает часть стоимости продукта. Рабочий получает меньшую часть стоимости того, что он произвел, а капиталист — часть стоимости того, что произвел рабочий. Рабочий эксплуатируется капиталистом»¹⁵⁰. Отсюда, полагает Коэн, следует, что «не трудовая теория стоимости... является реальным обоснованием марксистского объяснения эксплуатации, а довольно очевидная истина — что труд создает нечто, имеющее стоимость»¹⁵¹.

Прежде всего, никак не соответствует марксистскому пониманию тезис, будто «рабочий — единственный, кто создает продукт, т. е. нечто, имеющее стоимость». Рабочий — единственный, кто создает *стоимость* продукта, но в создании его *потребительной стоимости* принимают участие средства производства и природа¹⁵². Смещение акцентов с процесса созидания стоимости на процесс создания продукта, т. е. с капиталистического процесса производства на простой процесс труда, при выяснении причин эксплуатации при капитализме может лишь увести в сто-

рону. Более того, логическим следствием такого смещения акцентов должен стать вывод о том, что «соответственное участие, которое земля как первоначальное поле приложения для труда... и другое соответственное участие, которое произведенные средства производства (орудия, сырые материалы и т. д.) принимают в процессе производства вообще, находят себе выражение в соответственных долях, которые достаются им как капиталу и земельной собственности,— то есть их социальным представителям...»¹⁵³.

Так от «подлинно марксистского» объяснения эксплуатации можно прийти к знаменитой «триединой формуле», вульгарный, ненаучный характер которой раскрыт Марксом в 48-й главе III тома «Капитала». Коэн, правда, сам такого вывода из своих рассуждений не делает, но его агностицизм в отношении источника стоимости и прибавочной стоимости закрывает путь к пониманию того глубинного процесса, который лежит в скрытой от посторонних глаз сфере капиталистического производства.

Вся концепция Коэна пронизана внутренними — и отнюдь не диалектическими — противоречиями, воспринятыми вместе с основными постулатами неорикардизма. Стремление сохранить верность материалистическому взгляду на эксплуатацию, согласно которому корни ее лежат в сфере производственных отношений, уживается с попыткой «очистить» марксистскую концепцию капиталистической эксплуатации от трактовки процесса производства при капитализме как производства прибавочной стоимости¹⁵⁴. Отстаивается тезис о решающей роли производства в общественной жизни — и вместе с тем провозглашается отказ от попыток анализировать его с политэкономической точки зрения (отсюда и агностицизм в отношении источника стоимости: рабочий производит «не-что, имеющее стоимость», но почему это «нечто» в капиталистическом обществе с необходимостью приобретает форму товара, форму стоимости — на этот главный вопрос

ответа не дается). Декларируется приверженность концепции «излишка», т. е. прибавочного продукта, и наряду с этим закрывается путь к пониманию специфической формы, в которой прибавочный продукт выступает в буржуазном обществе, и особенностей капиталистической эксплуатации (присвоение прибавочного продукта в виде *прибавочной стоимости*)¹⁵⁵.

Здесь наглядно проявляется то обстоятельство, что в своем анализе капиталистического способа производства сторонники «новой социалистической экономической теории» стремятся опереться на важнейшие идеи материалистического понимания истории, однако трактуют их поверхностно и непоследовательно¹⁵⁶. Острая критика буржуазного общества, «абстрагирующаяся» от экономического учения Маркса и даже противопоставляющая себя ей, оборачивается морализаторством, а значит, — порывает с научным, материалистическим мировоззрением.

Элемент «морализирующей критики» весьма заметен в концепциях представителей «аналитического марксизма». Это не вызывает удивления — налет морализирования всегда был силен в утопически-социалистических системах (к слову, он весьма ощутимо проявился и в ходе оживившихся у нас под воздействием перестройки дискуссий о социальной справедливости при социализме), удивляет то, что подобное морализаторство ныне кое-кто на Западе пытается приписать Марксу. Так, Коэн пишет в другой своей работе, что «справедливость занимает центральное место в революционном наследии марксизма»¹⁵⁷. Итак, отнюдь не анализ внутренних противоречий буржуазного общества и не выводы из этого анализа, а справедливость. Более того, с позиций и в категориях абстрактно понимаемой справедливости трактуют саму теорию прибавочной стоимости: например, автор ряда книг о Марксе Джон Элстер полагает, что по Марксу-де теория эксплуатации является «нормативной концепцией, представляющей собой часть более широкой теории распределительной спра-

ведливости (distributive justice). Эксплуатация... есть моральное зло»¹⁵⁸.

Что касается «марксистской теории распределительной справедливости», то достаточно напомнить слова самого Маркса: «Что такое «справедливое» распределение? Разве буржуа не утверждают, что современное распределение «справедливо»? И разве оно не является в самом деле единственно «справедливым» распределением на базе современного способа производства?.. разве различные социалистические сектанты не придерживаются самых различных представлений о «справедливом» распределении?» И еще один фрагмент из той же (нелюбимой многими «неомарксистами») «Критики Готской программы»: «... было вообще ошибкой видеть существо дела в так называемом *распределении* и делать на нем главное ударение. Всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Распределение же последних выражает характер самого способа производства... Вульгарный социализм (а от него и некоторая часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда изображать дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения. Но когда истинное отношение давным-давно уже выяснено, к чему же снова возвращаться вспять?»¹⁵⁹

Как бы то ни было, точка зрения Коэна, Элстера и др. на существо взглядов Маркса доминирует в кругах «неомарксистов», особенно в англо-американской литературе. Лишь очень немногие, подобно профессору Корнэллского университета Аллену Вуду, выступают против данной версии, замечая, что автор «Капитала» «отнюдь не критикует капиталистическое общество за какое бы то ни было ущемление справедливости или попрание чьих-либо прав.. Маркс считает, что капитал эксплуатирует и при-

тесняет рабочих, но он не выступает против эксплуатации или притеснения на том основании, что они противоречат праву и справедливости... поддержка Марксом общественных движений, выступающих против социального насилия, основывается на оценке исторической роли этого насилия в настоящую эпоху, а не исходит из каких-то общих представлений о свободе, справедливости или равенстве»¹⁶⁰.

Маркс, действительно, никогда не ограничивался «обвинением» капитализма в эксплуатации, в этом А. Вуд прав. Разрабатывая свое экономическое учение, он отнюдь не стремился подогнать его выводы под некие изначальные абстрактно-гуманистические принципы. Напротив, политическая экономия, изучающая базис буржуазного общества, вырабатывает критерии для понимания его надстроечных отношений, и в том числе морали. Обвинение же есть морально-правовая оценка факта эксплуатации, основанная на признании его несправедливости. Что такое справедливость с социальной точки зрения? «Для ответа на этот вопрос,— писал в свое время Энгельс,— мы должны обратиться не к науке о морали или о праве и не к сентиментальным чувствам гуманности, справедливости или хотя бы милосердия... Социальная справедливость или несправедливость определяются лишь одной наукой, а именно наукой, которая имеет дело с материальными фактами производства и обмена — наукой политической экономии»¹⁶¹. Что же говорит в данной связи эта наука?

«... В моем изложении,— указывал в полемике с немецким профессором А. Вагнером Маркс, имея в виду «Капитал»,— «прибыль капиталиста»... не есть «лишь вычет или «грабеж» рабочего». Наоборот, я изображаю капиталиста как необходимого функционера капиталистического производства и весьма подробно показываю, что он не только «вычитает» или «грабит», но и вынуждает *производство прибавочной стоимости*, т. е. помогает создавать то, что подлежит вычету; ...в товарном обмене, где обменивают-

ся лишь эквиваленты, капиталист, если только он, оплачивает рабочему действительную стоимость его рабочей силы, с полным правом, т. е. соответствующим этому способу производства правом, получает *прибавочную стоимость*... в стоимости, «конституированной» не трудом капиталиста, заключается часть, которую он может присвоить себе «по праву», т. е. не нарушая права, соответствующего товарному обмену»¹⁶². С этой точки зрения, т. е. с точки зрения товарного обмена, вообще не следует «обвинять» капитализм, апеллируя к правовым нормам: они строго соблюдаются, поскольку обмен носит эквивалентный характер.

Тем более неуместно сводить все содержание марксистской теории эксплуатации к объявлению капиталистического общества «справедливым» или «несправедливым» — подобного рода толкование марксизма, как показали много лет назад Энгельс и Каутский в статье «Юридический социализм», направленной против аналогичных рассуждений австрийского юриста Антона Менгера, низводит Маркса до уровня других социалистов, «которыми теперь никто не интересуется, которые уже сошли со сцены, утратили какое-либо политическое и научное значение. Таким способом надеются разделаться с основателем пролетарского мировоззрения и с самим этим мировоззрением»¹⁶³. Именно таково объективное воздействие мифа о марксистской теории эксплуатации как «нормативной концепции распределительной справедливости», какие бы благие намерения ни вкладывали в него отдельные «последователи Маркса».

Не будучи моралистом, Маркс, однако, вовсе не был и циником. Это кажется кое-кому странным, непостижимым. Непонимание существа марксистской концепции капиталистической эксплуатации, нежелание (или неумение) постичь ее политико-экономический смысл, и это еще важнее, не позволяют «неомарксистам» даже уяснить, обвинял Маркс буржуазную общественную систему в экс-

плуатации или нет. Тот же Элстер — в явном затруднении, о чем свидетельствует следующая выдержка из его книги: «...Маркс недвусмысленно отвергает идею о том, что он отстаивает особое понятие справедливости. Он считает, что теории морали и справедливости являются идеологическими конструкциями, все назначение которых — оправдывать и увековечивать существующие отношения собственности (к вопросу о Марксовой трактовке собственности и ее понимании идеологами «неомарксизма» мы ниже еще вернемся. — А. Ч.). Деятельность признается справедливой или несправедливой на основании морального кодекса, соответствующего данному способу производства... Не существует надысторического, нерелятивистского понятия справедливости». Автор недоумевает: «Совершенно непонятно, как же Маркс мог придерживаться подобных взглядов и в то же время характеризовать капитализм и коммунизм в терминах, предполагающих весьма специфическую концепцию справедливости»¹⁶⁴. Что же Элстер имеет в виду?

С одной стороны, «... почти каждая наугад открытая страница «Капитала» рождает сильнейшее впечатление, что Маркс стремится обосновать моральные обвинения. В частности, он часто говорит о капиталистическом присвоении прибавочной стоимости как о краже, хищении, грабеже, воровстве. Это термины, непосредственно означающие, что совершена несправедливость. Более того, тот смысл, который вкладывается в данное понимание несправедливости, не может быть релятивистским». С другой стороны, «Маркс настаивает, что — при соответствующем капитализму понимании справедливости — эксплуатация, в отличие от мошенничества и надувательства, законна. Тезис, согласно которому присвоение прибавочной стоимости незаконно, соответствует нерелятивистскому, внеисторическому пониманию. Этот аргумент является важным доказательством того, что Маркс считал капитализм несправедливым»¹⁶⁵.

То, что автор стремится здесь преподнести как путаницу, внутреннюю противоречивость воззрений Маркса, есть на самом деле отражение действительного противоречия капиталистического способа производства, которое было раскрыто автором «Капитала» еще в рукописи 1857—1858 гг. Выделив два различных процесса в обмене между капиталом и трудом, он установил, что в сфере собственно обмена, где совершается акт купли — продажи рабочей силы и оплачивается ее *стоимость*, отношения носят эквивалентный характер. На идеализации и абсолютизации этих отношений и покоится буржуазное право, обосновывающее справедливость капиталистического строя¹⁶⁶.

Вместе с тем под поверхностью сферы обмена протекает другой процесс — процесс капиталистического производства, в ходе которого *потребительная стоимость* рабочей силы, изнашиваясь, создает стоимость большую, нежели стоит ее собственное воспроизводство. Этот излишек сверх стоимости рабочей силы присваивается капиталистом и становится в дальнейшем источником, из которого он оплачивает вновь покупаемую рабочую силу. Таким образом, обмен внешне носит эквивалентный характер, а потому вполне справедлив с точки зрения права собственности, соответствующего товарному производству. Однако по сути здесь имеет место неэквивалентный обмен под видом эквивалентного, ибо рабочий получает не всю вновь созданную стоимость $v + m$, а только заработную плату, равную v , тогда как капиталисту достается ничего ему не стоившая прибавочная стоимость m . Следовательно, «способ присвоения может претерпеть полный переворот, — как показал Маркс в 21-й и 22-й главах I тома «Капитала», — нисколько не затрагивая права собственности, соответствующего товарному производству»¹⁶⁷. Но для того чтобы понять этот «справедливо-несправедливый» характер буржуазного общественного строя, необходимо было самым экономическим анализом доказать неизбежность и неустранимость внутренней двойственно-

сти обмена, совершающегося между капиталом и наемным трудом. Что же до буржуазной науки, с ее представлениями о справедливости капиталистической системы, то вся ее премудрость «сводится к тому, чтобы застрять на простейших экономических отношениях, которые, будучи взяты самостоятельно, представляют собой чистые абстракции, а в реальной действительности, напротив, опосредствуются глубочайшими противоположностями и отображают только ту сторону действительности, в которой выражение этих противоположностей затуманено» ¹⁶⁸.

Важно и другое: если Маркс «обвиняет» капитализм, то, в отличие от Козна, Элстера и др., отнюдь не с абстрактно-гуманистических и морализаторских позиций, а в силу того, что он доказал неэквивалентный (а следовательно, именно с позиции *буржуазного права и буржуазной морали несправедливый*) характер обмена между капиталом и наемным трудом, происходящего под видом обмена эквивалентного, и установил, что именно постоянное возобновление этого обмена является источником благополучия капиталистической общественной системы.

В свете сказанного можно только согласиться с самокритичным замечанием Элстера: «Теория, которую я сконструировал, опираясь на некоторые произведения Маркса, может быть оспорена по многим причинам» ¹⁶⁹. Важнейшая из них — непонимание подлинного содержания этих произведений.

2. Основа «неомарксистской» теории эксплуатации: собственность вместо стоимости

Поверхностный характер воззрений, попытки эклектически сочетать отдельные идеи и положения «Капитала» с домарксовыми теориями весьма характерны и для построений неорикардианцев. Это наглядно проявляется во взглядах ученика и последователя Сидмена Джеффа Ходжсона. В своей книге «Капитализм, стоимость и эк-

сплуатация: радикальная теория» он отмечает, что цель данной работы — «синтезировать некоторые предшествующие теории и результаты», причем «термин «неомарксизм», пожалуй, наилучший, который может быть избран» для определения сути отстаиваемой в ней позиции¹⁷⁰. Монография задумана и может рассматриваться как своего рода манифест данного направления, а потому, остановившись на ней подробнее, мы получим представление о том, как интерпретируют «неомарксисты» эти «предшествующие теории и результаты», и в том числе, разумеется, Марксову теорию прибавочной стоимости.

«Одним из наиболее поразительных различий между анализом, проводимым в данной работе, и «Капиталом» является то, что в ней отрицается трудовая теория стоимости... Заслуги Маркса, который был первопроходцем в анализе капиталистической системы, достаточно велики и без трудовой теории стоимости», — спешит уверить читателей автор на первых же страницах своей книги¹⁷¹.

Каков же ход рассуждений Ходжсона? Сначала, опираясь на уже знакомые нам положения Сраффы и Стидмена, он приходит к выводу, что, поскольку трудовая теория стоимости «несостоятельна», постольку она не может служить основанием для объяснения капиталистической эксплуатации: «...существование эксплуатации должно быть доказано при помощи *иных* средств»¹⁷². Таким образом, теория прибавочной стоимости, поскольку она построена, исходя из той предпосылки, что субстанцией стоимости является общественно необходимый абстрактный человеческий труд, оказывается по меньшей мере «не обоснованной», полагает Ходжсон.

Возникает резонный вопрос: что же в таком случае является реальным основанием теории эксплуатации и что должна представлять собой эта теория? У Ходжсона есть готовый ответ: «Когда мы рассматриваем «субстанцию» меновой стоимости, то важен здесь не труд, как таковой

(или рабочая сила), а тот факт, что рабочая сила, подобно другим факторам процесса производства, является объектом *отношений собственности*»¹⁷³. «...Отношения собственности, а не трудовая теория стоимости, являются центральным моментом», — читаем у другого автора, уже упоминавшегося Джона Рёмера¹⁷⁴. Сегодня данная точка зрения весьма распространена среди леворадикальных теоретиков.

Признание основополагающей роли категории «собственность» в политической экономии, казалось бы, выгодно отличает «новую социалистическую экономическую теорию» от столь знакомых и привычных советским экономистам концепций ревизионизма и реформизма 50—60-х гг., в которых полностью отрицалось значение отношений собственности — как в теоретическом, так и в практически-политическом плане¹⁷⁵. Более того, с точки зрения читателя, разделяющего широко распространенное в марксистско-ленинской литературе представление, согласно которому общественная собственность на средства производства является особым, причем основным, экономическим отношением всякого способа производства, позиция Ходжсона, Рёмера и др. может на первый взгляд показаться вполне марксистской. Однако не будем торопиться с выводами; рассмотрим эту позицию по существу.

Итак, чем же не устраивает Ходжсона трудовая теория стоимости в качестве фундамента анализа капиталистической эксплуатации?

Оказывается, «концепция «воплощенного труда» не раскрывает социальной специфики капитализма, она характеризует технологическое состояние производительных сил, а не производственных отношений»¹⁷⁶. Именно доминирующее положение теории воплощенного труда, т. е. стоимости, и «отсутствие у Маркса собственной теории собственности», как считает Ходжсон, и обусловили тот «натурализм» и «механистический взгляд», которые-де можно обнаружить в «Капитале»¹⁷⁷.

Тезис о натурализме и механицизме трудовой теории стоимости Маркса фигурирует и у других авторов, выступающих с обоснованием «новых направлений в Марксовой теории эксплуатации и классов». Так, Рёмер полагает, что «неуместный акцент на процесс труда может увести на ошибочный, или по меньшей мере нематериалистический, путь. Если, например, вспомнить, что процесс труда в реальном социалистическом обществе ничем не отличается от процесса труда при капитализме, то можно прийти к выводу, что в социалистических странах существует в сущности такая же эксплуатация рабочих, как и в капиталистических странах»¹⁷⁸. И это пишется после того, как Маркс в «Капитале» подробнейшим образом раскрыл различие между простым процессом труда и процессом увеличения стоимости, между вещественным содержанием и социальной формой капиталистического производства! «Как сам товар есть единство потребительной стоимости и стоимости, так и процесс производства товара должен быть единством процесса труда и процесса созидания стоимости»¹⁷⁹ — это методологическое положение Маркса Рёмер, видимо, проглядел, как не обратил он внимания и на слова Ленина о том, что отнюдь не марксистская, а буржуазная политическая экономия сбивается в своих рассуждениях с общественных отношений производства на «производство вообще»¹⁸⁰.

Ходжсон, правда, свой упрек в «натурализме» и «механицизме» Марксовой теории стоимости основывает на другой посылке. Он утверждает, что абстрактный труд, определяемый как затрата человеческой рабочей силы вообще, является категорией вневременной, неисторической, а потому-де Маркс, который историческую специфику капиталистического способа производства выводит из всеобщего характера стоимостных отношений, стоимости, создаваемой абстрактным трудом, впадает якобы в противоречие с самим собой.

Вопрос о содержании категории «абстрактный труд», о

том, отражает ли она специфически капиталистические отношения или является общесоциологическим понятием, отнюдь не прост. Он не раз дебатировался и в дискуссиях среди представителей марксистско-ленинской науки в нашей стране и за рубежом¹⁸¹.

«Всякий труд есть... расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, — и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров»¹⁸². Таким образом, представляется, что речь здесь идет о некоей извечной, надысторической категории. Однако, как со всей ясностью подчеркивал Маркс еще в экономической рукописи 1857 г. «Введение», для того чтобы труд мог выступать в этой определенности лишенного различий человеческого труда, необходима определенная степень развития производственных отношений, а именно развитое товарное производство. «Труд вообще» (или «абстрактный труд», если употребить более совершенную терминологию «Капитала») выводится основоположником научного социализма из анализа современных ему, т. е. буржуазных, отношений¹⁸³ (хотя, как он отмечает, представление о труде «в этой всеобщности... является... весьма древним»¹⁸⁴).

Доказать это можно лишь шаг за шагом исследовав сущность капиталистического способа производства как развитой формы товарного производства, т. е. по мере развертывания системы категорий «Капитала». Между тем категория «абстрактный труд» появляется уже в I главе. Противоречие, действительно, налицо. Однако это — не противоречие позиции Маркса, а объективно обусловленное противоречие познания. Его удачно сформулировал В. А. Вазюлин: «Исторически определенная субстанция и ее результат пока еще не выступают для сознания читателя «Капитала» во всей своей исторической определенности; общественное образование (абстрактный труд) хотя уже и названо общественной субстанцией, но фактически оно определяется скорее с природной стороны (затрата

человеческой рабочей силы вообще). Следовательно, существенное тождество (продуктов труда.— А. Ч.) одновременно выступает и как специфически историческое (поскольку общие указания на товар как на элементарную форму капитала и на историчность капитализма позволяют догадываться о специфически историческом характере абстрактного труда), и как не общественно-историческое, и даже как не общественное». Итак, «...существенное тождество представляется не имеющим исторической специфики и вместе с тем имеющим ее»¹⁸⁵.

Вот это-то объективное противоречие познания Ходжсон абсолютизировал и изобразил как субъективную противоречивость позиции Маркса.

Но что же предлагает Ходжсон взамен «скомпрометированной» теории стоимости и прибавочной стоимости? Альтернативную теорию капиталистической эксплуатации. Она основывается, во-первых, на анализе некоторых различий между трудом (и рабочей силой) и «капитальными благами» (*capital goods*), а во-вторых, на рассмотрении тех отношений, которые возникают между капиталом и наемным трудом при заключении трудового договора и потому налагают отпечаток на их отношения уже в непосредственном процессе производства.

Чем же, по мнению Ходжсона, труд отличается от капитала (или, точнее говоря, от объективных носителей капиталистического отношения)? Во-первых, человеческий труд¹⁸⁶ обладает сознанием. (Впрочем, это не совсем верно: если уж говорить о *персонифицированном труде* — а только он может обладать сознанием, — то следовало бы признать, что и персонифицированный капитал, т. е. капиталист, также не лишен его: об этом свидетельствует, во всяком случае, деловая сноровка предпринимателей. Так что это некорректное противопоставление — на совети автора.) Во-вторых, труд имеет значительно более широкую сферу применения, чем предназначенные для совершенно определенных целей «капитальные блага»,

т. е. он потенциально универсален. (Не вдаваясь в детали, заметим, что рассуждение Ходжсона и здесь не срабатывает. Капитал — если, конечно, в соответствии с духом учения Маркса трактовать его как отношение, как самовозрастающую стоимость — едва ли не более универсален, более безразличен к полю своего потенциального приложения, нежели труд.) В-третьих, труд и рабочая сила физически неотделимы от их носителя и владельца.

В-четвертых, наконец, рабочая сила производится, считает Ходжсон, не в условиях капиталистических отношений, а является товаром некапиталистического товаровладельца, рабочего¹⁸⁷. (Указывая на это обстоятельство, Ходжсон нигде не говорит о том, что сама система капиталистических отношений постоянно воспроизводит этого «некапиталистического товаровладельца» как лишенного средств производства и жизненных средств пролетария, который вынужден снова и снова продавать свой единственный товар — свою рабочую силу. Маркс между тем подробнейшим образом раскрыл причины этого явления — в «Капитале», например, этому посвящена 21-я глава первого тома, — причем сделать это ему удалось именно на основе предварительного выяснения сущности капиталистической эксплуатации.)

Ходжсон полагает, что «отмеченные характеристики позволяют не только выделить рабочую силу среди других товаров, но и определить общие черты различных видов конкретного труда (гетерогенного труда) в системе». Таким путем Ходжсон выходит, по его мнению, из «затруднения», заставившего Маркса ввести категорию абстрактного труда. Как считает английский теоретик, отмеченные характеристики дают возможность рассматривать все виды конкретного труда, создающего потребительную стоимость, как однокачественный труд! Мало этого — «в результате... можно говорить о рабочих как об общественном классе»¹⁸⁸, — заключает Ходжсон. По существу, у него получается, что любой вид деятельности, выполняе-

мый сознательно, имеющий потенциально универсальную природу, персонифицированный в его носителе и осуществляемый некапиталистическим товаровладельцем, является достаточным основанием, чтобы зачислить того, кто занимается такой деятельностью, в ряды рабочего класса. Под такое определение, правда, нетрудно подвести кого угодно — начиная с менеджеров и представителей свободных профессий и кончая представительницами самой древней в мире профессии, но это нашего автора отнюдь не смущает. Раздвинув таким образом границы рабочего класса, он теперь принимается за доказательство того, что этот «рабочий класс» подвергается эксплуатации, и обрисовывает формы этой эксплуатации. Ходжсон начинает почему-то с последнего вопроса.

Выясняется, что первой формой эксплуатации в процессе производства¹⁸⁹ является так называемая «телесная эксплуатация», которая вытекает просто из того обстоятельства, что рабочая сила и труд как ее деятельное проявление физически неотделимы от самого рабочего: рабочий прикован к месту работы и жительства и несет все тяготы капиталистического производства. (Вспомним взгляд Смита на труд рабочего как на жертву и разбор этого взгляда, данный Марксом в рукописи 1857—1858 гг.¹⁹⁰) Вторая форма эксплуатации в процессе производства, по Ходжсону, — это давление нанимателя, который, купив рабочую силу, волен использовать ее по собственному усмотрению и теоретически в неограниченных пределах.

Наконец, третья форма — собственно *классовая* эксплуатация. Откуда она возникает и на чем основывается? «Капиталистические отношения собственности функционировали таким образом, чтобы обеспечить большой объем производства, но только человеческий труд (а не общественные отношения) действительно произвел эту продукцию. Отметим, что это — не то же самое, как если бы мы предположили, что частная собственность на средства производства может быть заменена или является

низшей формой по сравнению с другим устройством... Что здесь представлено, так это не-натуралистический взгляд на производство... Производство рассматривается как процесс, осуществляемый *человеком*, в котором труд, в широком смысле слова, является активной стороной»¹⁹¹. Что же позволяет увидеть в капиталистической эксплуатации этот «не-натуралистический взгляд»?

*«Эксплуатация существует... если один класс присваивает часть продукта коллективного труда только на основании того обстоятельства, что ему принадлежит собственность или контроль над средствами производства. Мы будем называть это классовой эксплуатацией, потому что она предполагает присвоение продукта процесса труда, в котором рабочие являются активной стороной, другим классом»*¹⁹².

Эта-то концепция эксплуатации призвана, по мысли Ходжсона, стать исходным пунктом обновления радикальной экономической мысли, научным обоснованием так называемого социалистического императива: «...совокупный рабочий класс имеет право на *коллективное* владение общественным продуктом»¹⁹³.

Так все встало на свои места: начав с якобы отсутствующей у Маркса концепции собственности, Ходжсон в итоге пришел-таки к обоснованию права рабочего класса на общественный продукт — концепции, находящейся в весьма близком родстве со знаменитым лассальянским постулатом о праве на «неурезанный трудовой доход», подвергнутому Марксом беспощадной критике¹⁹⁴.

Итак, собственность вместо стоимости — таков лейтмотив «альтернативных» концепций эксплуатации у теоретиков «аналитического марксизма». «...Именно отношения собственности определяют характер эксплуатации и присвоения излишка, а не организационные формы труда... Исторический материализм требует, чтобы упор делался на отношения собственности (эксплуатацию)»... — читаем, например, у Рёмера¹⁹⁵.

Отношения собственности — по существу, альфа и омега анализа капиталистической эксплуатации у Ходжсона. Те формы эксплуатации, которые он обнаруживает в капиталистическом процессе производства, — «телесная», «авторитарная», да и собственно «классовая» — выводятся, как мы видели, из волевых, т. е. правовых, отношений, складывающихся между работодателем и работополучателем при заключении трудового договора, опосредующего реальное экономическое отношение между владельцем денег и владельцем рабочей силы в сфере обращения. «...Покидая эту сферу, — писал в «Капитале» Маркс, — мы замечаем, что начинают несколько изменяться физиономии наших *dramatis personae* [действующих лиц]. Бывший владелец денег шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить»¹⁹⁶. Но если Маркс в «Капитале» исследует то экономическое отношение, которое возникает между капиталистом и рабочим в процессе производства, определяя его как производство прибавочной стоимости, и тем самым раскрывает причины и механизм капиталистической эксплуатации, то Ходжсон, утверждая, что его выводы основываются на анализе процесса капиталистического производства, на самом деле ничего не анализирует, ограничиваясь лишь описанием фактов. Но каковы их причины?

Причина «телесной» эксплуатации — физическая сраженность живого субъекта, работника, с его рабочей силой. Но это — действительно вечное естественное условие всякого производства вообще. Является ли такая форма эксплуатации специфичной для капитализма? Нет. Устранима ли она? Нет, отвечает Ходжсон¹⁹⁷.

Причина «авторитарной» формы эксплуатации — под-

чинение труда капиталу в процессе производства. Маркс, как известно, вслед за Смитом также обращал внимание на факт командования капитала трудом, но он, в отличие от Ходжсона, дал глубокий анализ данного явления, показал его двойственную природу, — с одной стороны, как следствия общественной формы организации процесса труда, предполагающей определенную дисциплину и подчинение всех его участников единому руководителю, с другой стороны, как специфической формы подчинения наемного труда капиталу¹⁹⁸. Более того, в «Главе шестой. Результаты непосредственного процесса производства» последнего чернового варианта первого тома «Капитала» он детально рассмотрел, как, с развитием адекватного капиталу способа производства, меняются формы этого отношения подчинения¹⁹⁹. Ничего этого у Ходжсона нет, ибо в его книге отсутствует исследование внутренней структуры отношений капиталистического производства.

Наконец, говоря о собственно «классовой» эксплуатации, мы возвращаемся к тому, с чего начали, — к полному отождествлению производственных отношений и отношений собственности. В чем корни классовой эксплуатации при капитализме? Собственность, или контроль над средствами производства, — вот истинная причина капиталистической эксплуатации, говорит Ходжсон. На первый взгляд это вполне удовлетворительное объяснение. Однако, по справедливому замечанию В. П. Шкредова, «объективно существующая связь между собственностью на средства производства и собственностью на продукт столь же достоверна, как то, что владельцу яблони принадлежат ее плоды. Но, исходя из категории «собственность на средства производства», невозможно доказать, что собственность капиталиста на продукт, а стало быть, и на воспроизводимые средства производства есть результат эксплуатации рабочих. Только предварительно определив прибавочную стоимость, можно логически обосновать, что собственность капиталиста является следствием присвое-

ния продукта чужого труда»²⁰⁰. Иначе говоря, анализ капиталистической эксплуатации должен скорее предшествовать выяснению специфики отношений буржуазной собственности, а не вытекать из него. Именно так обстоит дело у Маркса — что бы Ходжсон ни говорил об «отсутствии» у него стройной концепции собственности.

3. Диалектика экономических отношений и формы собственности у Маркса

Представления Маркса о роли и месте собственности в системе отношений буржуазного общества складывались, уточнялись и обогащались по мере развития его общесоциологической концепции и экономической теории. Удивительно, но факт — при том повышенном интересе, который проявляется сегодня к взглядам Маркса на капиталистическую частную собственность в «неомарксистской» литературе, в ней нет, по существу, работ, где бы исследовался генезис этих взглядов (впрочем, практически отсутствуют такие работы и в марксистско-ленинской литературе). Возможно, этим не в последнюю очередь объясняется обилие ошибок и домыслов, вплоть до приведенного выше утверждения Ходжсона об отсутствии у автора «Капитала» ясного представления об отношениях собственности.

Систематические экономические занятия Маркса начались примерно в конце 1843 — начале 1844 г. в Париже со знакомства с предшествующей литературой по политической экономии. Именно тогда впервые перед ним встал вопрос о соотношении собственности и внутренней структуры буржуазного способа производства. Выписав из сзевского «Трактата по политической экономии» краткие определения «принципов, управляющих природой и обращением богатства», Маркс делает весьма важный вывод относительно буржуазной политической экономии: *«Частная собственность есть факт, обоснованием которого поли-*

тическая экономия не занимается, но который составляет ее основу»²⁰¹.

Под углом зрения критики частной собственности Маркс анализирует в своих парижских тетрадах все экономические проблемы и категории — такие, как стоимость, деньги, кредит и т. д. Но, в отличие от буржуазных экономистов, он рассматривает их взаимовлияние, понимая, что экономические отношения являются не только следствием частной собственности, но, в свою очередь, воздействуют на нее, увеличивая ее общественную силу и господство над людьми.

В работах Маркса и Энгельса середины 40-х гг. — таких, как «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Святое семейство» (1845), — диалектика формы собственности и формы общественного производства, а также проблема генезиса капиталистической частной собственности занимали значительное место. По мере разработки материалистического понимания истории и углубления познаний Маркса в области политической экономии складывались и уточнялись его представления о характере связи между производственными отношениями капитализма и буржуазной частной собственностью.

В «Немецкой идеологии» (1845—1846) Маркс и Энгельс представляли себе структуру общества следующим образом: производительные силы детерминируют разделение труда, а последнее определяет форму собственности, которая понимается как «отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда»²⁰², фактически — как синоним производственных отношений.

В общем и целом аналогичным образом расставлены акценты и в «Нищете философии» (1847), где Маркс писал: «...определить буржуазную собственность — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства»²⁰³. В предвосхищавшем идеи этой работы знаменитом письме Анненкову

от 28 декабря 1846 г. Маркс высказался еще более определенно: «...общественные отношения (производства.— А. Ч.)... в совокупности образуют то, что в настоящее время называют *собственностью*; вне этих отношений буржуазная собственность есть не что иное как метафизическая и юридическая иллюзия»²⁰⁴.

Таким образом, от констатации того, что частная собственность есть «основа» буржуазной политической экономии, Маркс пришел к пониманию ее «несамостоятельности», трактовке собственности как совокупности производственных отношений. Но к концу 50-х гг., под влиянием своих экономических исследований, он вновь корректирует сложившееся представление, о чем свидетельствует характеристика, данная в классическом предисловии к первому выпуску «К критике политической экономии» (1859): «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только *юридическим выражением последних* — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались»²⁰⁵. Иначе говоря, как оболочка производственных отношений, собственность есть правовое отношение²⁰⁶.

Изменение угла зрения Маркса на проблему собственности произошло в рукописи 1857—1858 гг., в процессе начавшегося складывания политической экономии рабочего класса в стройную систему²⁰⁷.

Рассуждая о причинах того, почему в буржуазном обществе индивиды противостоят друг другу как свободные и равные, Маркс в «Главе о капитале» замечает: «...если экономическая форма, обмен, полагает всестороннее равенство субъектов, то содержание, субстанция, как индивидуальная, так и вещественная, которая побуждает к обмену, полагает *свободу*. Таким образом, в обмене, покоящемся на меновых стоимостях, свобода и равенство не только уважаются, но обмен меновыми стоимостями пред-

ставляет собой производительный, реальный базис всякого равенства и всякой свободы. Как чистые идеи, равенство и свобода представляют собой всего лишь идеализированные выражения обмена меновыми стоимостями; будучи развиты в юридических... отношениях, они представляют собой все тот же базис...» ²⁰⁸

Здесь, во-первых, проявления буржуазной собственности (свобода и равенство товаровладельцев) определены как внешнее проявление более глубокой «экономической формы» (обмена). Но Маркс этим не ограничился — он показал, во-вторых, что свобода и равенство индивидов как покупателей и продавцов есть лишь оболочка, «между тем как в глубине... протекают совершенно иные процессы, в которых эти кажущиеся равенство и свобода индивидов исчезают» ²⁰⁹. Таким образом, был намечен путь обоснования тезиса из письма Анненкову о том, что вне понимания связи отношений собственности с глубинными экономическими процессами собственность — лишь «юридическая иллюзия».

Но путь к объяснению причин существования буржуазной собственности был тем самым лишь начат. В цитированном выше месте Маркс упоминает, наряду с «экономической формой, обменом», полагающим «всестороннее равенство субъектов», также «содержание, субстанцию», которая «побуждает к обмену». Что он имел здесь в виду? Это становится ясно из предшествующего изложения, где говорится следующее: «Потребительная стоимость, составляя содержание обмена, находящееся совершенно за пределами его экономического определения, далеко... от того, чтобы причинять ущерб социальному равенству индивидов; напротив, природное различие между ними она делает основой их социального равенства... Только различие их потребностей и неодинаковость осуществляемого ими производства дают повод к обмену и к их социальному приравниванию друг к другу в обмене; это природное различие является поэтому предпосылкой их соци-

ального равенства в акте обмена...»²¹⁰ Итак, природное различие между индивидами, различие их потребностей является естественной предпосылкой их равенства. Но каковы социальные причины установления такого равенства в специфической форме, форме частной собственности? Ответ на этот вопрос мог быть получен лишь в результате исследования процесса товарного производства. Это же исследование должно было дать ответ и на другой важный вопрос: почему свобода и равенство в капиталистическом обществе носят лишь *формальный* характер, в силу каких именно причин законы собственности товарного производства (собственность на продукт своего труда) превращаются в законы капиталистического присвоения (собственность на продукт чужого труда)?

В наброске главы «Деньги» первоначального текста «К критике политической экономии» Маркс констатирует, что совершенно запуталась в этом последнем вопросе буржуазная политическая экономия, которая пришла к *тому странному результату, что истина о законе присвоения буржуазного общества должна... быть перенесена в то время, когда еще не существовало самого буржуазного общества, а основной закон собственности — в то время, когда еще не было собственности*»²¹¹. Он намечает выход из этого затруднения: «...в дальнейшем ходе исследования... противоречия... так же как и *этот закон первоначального присвоения через труд, должны быть выведены из развития самой меновой стоимости*»²¹², имея в виду развитие меновой стоимости в капитал, т. е. исследование процесса производства прибавочной стоимости. При таком более глубоком анализе отношений, на которых покоится буржуазная система свободы и равенства, обнаруживаются «имманентные ей противоречия, усложнения самой этой собственности, самой этой свободы и самого этого равенства, которые при случае переходят в свою противоположность»²¹³.

Эти строки заставляют вернуться к «Главе о капита-

ле» рукописи 1857—1858 гг. Там в разделе о процессе капиталистического накопления впервые было показано, как «на стороне капиталиста право собственности диалектически превращается в право на чужой продукт или в право собственности на чужой труд, в право присвоения чужого труда без эквивалента, а на стороне рабочей силы — в обязанность относиться к собственному труду или к своему собственному продукту как к *чужой собственности*», причем «обмен эквивалентов, выступавший как та первоначальная операция, в которой юридически было выражено право собственности, обернулся... для одной из сторон», а именно для рабочих, «лишь видимостью обмена...» ²¹⁴.

Впоследствии эти положения были развиты в стройную концепцию. Переход законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения был детально исследован Марксом в I томе «Капитала» ²¹⁵, где, в связи с рассмотрением воспроизводства капиталистического отношения в расширенном масштабе, Маркс обстоятельно показал, что капиталистическая частная собственность, являющаяся эмпирической предпосылкой политико-экономического исследования капитализма, представляет собой собственный и необходимый результат капиталистических производственных отношений ²¹⁶. Но шел Маркс к такому выводу, как мы стремились продемонстрировать, уже в экономической рукописи 1857—1858 гг. («Grundrisse»). Именно там тезис о том, что отношения собственности определяются производственными отношениями, был не только сформулирован, но и доказан в ходе политико-экономического исследования процесса производства и воспроизводства капиталистических отношений. Поэтому в 1865 г., основываясь на результатах собственных исследований, проведенных в трех черновых вариантах «Капитала», Маркс мог сказать о современной ему буржуазной собственности: «На вопрос: что она такое? — можно было ответить только критическим анали-

зом «*политической экономии*», охватывающей совокупность этих отношений собственности не в их юридическом выражении как *волевых отношений*, а в их реальной форме, то есть как *производственных отношений*»²¹⁷. Это был вывод, имеющий не только теоретическое, но и огромное практическое значение. Дифференцированное рассмотрение совокупности производственных и других общественных отношений, выявление их действительной иерархии позволило Марксу продолжить критическое размежевание с волюнтаристскими концепциями мелкобуржуазного прудоновского социализма.

Известно, что первоначально Маркс с большим интересом и одобрением отнесся к книге Прудона «Что такое собственность?» (1840). В 1845 г. в «Святом семействе» отмечалось, что Прудон в ней «подвергает основу политической экономии, *частную собственность*, критическому исследованию, и притом — первому решительному, беспощадному и в то же время научному исследованию. В этом и заключается большой научный прогресс, совершенный им, — прогресс, который революционизирует политическую экономию и впервые делает возможной действительную науку политической экономии»²¹⁸. (На данную в «Святом семействе» весьма высокую оценку научных достижений Прудона в исследовании собственности обратил внимание Ленин. Конспектируя эту работу Маркса и Энгельса, он заметил: «Тоя... по отношению к Прудону очень хвалебный...»²¹⁹) Однако в 1865 г., говоря о той же работе Прудона, Маркс подчеркнул: «В строго научной истории политической экономии книга эта едва ли заслуживала бы упоминания»²²⁰.

Принципиальное изменение оценки прудоновской концепции, в которой собственность выступала как внеисторическое, по существу чисто волевое отношение человека к вещи, не зависящее от характера производственных отношений, становится понятным в свете проведенного выше рассмотрения эволюции собственных воззрений

Маркса. Прудон, апеллируя к моральному принципу «вечной справедливости», пытался все аргументы в пользу собственности развить таким образом, чтобы показать, как они превращаются в собственную противоположность. Маркс же, сделав первый шаг в «Grundrisse», продемонстрировал затем в I томе «Капитала», что по мере развития меновой стоимости в ходе капиталистического процесса производства собственность, основанная на *собственном* труде, превращается в присвоение *чужого* труда.

Более того, проведенный в III томе «Капитала» анализ тенденций развития кредита показал, что еще в рамках буржуазной общественной системы «капитал, который сам по себе покоится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочей силы, получает... непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям», происходит «упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства»²²¹.

Этих сальто-мортале отношений собственности не понять, исходя из них самих по себе. Кроме того, если положить форму собственности в основу своего исследования, подобно Ходжсону, то из этого описанного еще Марксом и с тех пор значительно усилившегося процесса можно сделать весьма далеко идущие выводы относительно социальной природы современного западного общества. Если же стоять на позициях автора «Капитала», то «развитие кредита и скрыто заключающееся в нем уничтожение капиталистической собственности» есть показатель нового, более высокого уровня развития материальных производительных сил и складывания переходных форм «от капиталистического способа производства к ассоциированному» — пока в пределах прежней общественной

системы и на базисе противоположности между капиталом и наемным трудом²²².

Вернувшись теперь к тезису Ходжсона об отсутствии у Маркса стройной концепции собственности, мы, думая, с полным основанием можем сказать, что налицо стремление выдать желаемое за действительное. На самом же деле Марксово понимание роли отношений собственности в экономической теории попросту в корне противоположно построениям Ходжсона: по Марксу, познание специфики буржуазной собственности достигается вместе с проникновением в сущность капиталистического способа производства, Ходжсон же, Рёмер и некоторые другие теоретики «неомарксизма» полагают, что буржуазную частную собственность следует исследовать *вместо* процесса производства прибавочной стоимости. К чему это приводит, мы видели: во-первых, к внеисторической трактовке эксплуатации, во-вторых, к тавтологии — выведению отношений классовой эксплуатации из частной собственности на средства производства, которая сама является результатом этих отношений эксплуатации.

Отнюдь не случайна следующая оговорка Ходжсона в конце книги: «Здесь не предполагается, что в настоящем исследовании дан полный анализ эксплуатации. В частности, процесс *производства и воспроизводства отношений* эксплуатации не был проанализирован»²²³. Это вполне закономерно: если существование отношений классовой эксплуатации выводится из частной собственности, то и их воспроизводство логически следовало бы связать с воспроизводством буржуазной частной собственности. Между тем если отказаться от политико-экономического подхода к данному вопросу, обоснованного в «Капитале» Марксом, то не останется ничего иного, кроме как недоумевать, например, вслед за английским утопистом начала прошлого века Томасом Годскином: «Капиталиста можно теперь назвать первым собственником всего общественного богатства, хотя нет такого закона, который

предоставлял бы ему право на эту собственность... Власть капиталиста над всем богатством страны есть результат полнейшей революций в праве собственности, а между тем на основании какого закона или какого ряда законов совершилась эта революция?» ²²⁴

И Ходжсон, действительно, вполне откровенно признает, что «новая радикальная политическая экономия будет нуждаться в... теории собственности... радикальная теория собственности продолжит традицию «утопической» социалистической мысли, таких ее представителей, как Уильям Годвин, Томас Годскин и Уильям Томпсон» ²²⁵. Что же, откровенность автора, который без обиняков причисляет себя к последователям утопического социализма, делает ему честь!

Разумеется, в свете той остроты, которую приобрел вопрос о собственности в некоторых развитых капиталистических странах в связи с проводимой стоящими у власти консервативными кругами политикой реприватизации ²²⁶, можно понять, почему некоторые радикальные и социалистические теоретики вновь обращаются к этой фундаментальной проблеме, в течение последних десятилетий неоправданно игнорировавшейся многими социалистами. Понятно и их стремление обосновать «социалистический императив»: марксисты всегда считали, что социалистам не следует отказываться «от выставления *определенных требований правового характера*. Активная социалистическая партия без таких требований невозможна, как вообще всякая политическая партия. Требования, вытекающие из общих интересов какого-либо класса, могут быть осуществлены только путем завоевания этим классом политической власти, после чего он придает своим притязаниям всеобщую силу в форме законов. Каждый борющийся класс должен, поэтому, формулировать свои притязания как *требования правового характера* в виде программы». Но эти «требования правового характера... представляют собой переменный элемент и время от вре-

мени пересматриваются... При таких пересмотрах принимаются в расчет *фактические* отношения...» ²²⁷.

Анализ же «фактических отношений» свидетельствует, что изменения в структуре форм собственности являются скорее следствием, нежели причиной изменений, происходящих в механизме капиталистической эксплуатации. Только этот анализ и дает понимание причин и перспектив развития отношений собственности и соответствующих правовых форм. Отсутствие его — чем бы оно ни оправдывалось: отказом от «скомпрометированной» марксистско-ленинской традиции или ее «новым» пониманием — обрекает на субъективизм или созерцательность и в политике.

* * *

О теории стоимости и прибавочной стоимости Маркса за последние годы написано на Западе очень много, и это естественно. «Интерес к мыслям Маркса возрастает всякий раз, когда капиталистическое хозяйство вползает в новый кризис», — откровенно признает солидный либеральный западногерманский журнал ²²⁸. Тем более понятно, что этот интерес особенно велик (и по большей части носит искренний характер) со стороны представителей тех общественных слоев, которые развитием социально-экономических и политических процессов поставлены перед альтернативой — уйти в небытие вместе с исторически обреченным, хотя и самым могущественным ныне классом, отстаивая его интересы и проводя его идеологию, или пытаться найти выход из кризисного состояния капиталистического общества за пределами традиционных рамок буржуазных общественно-экономических доктрин.

Однако стереотипы буржуазного мышления живучи, они, как мы пытались показать, проявляются на каждом шагу в работах неорикардиевских теоретиков. Не случайно эпиграфом I раздела данной книги послужили слова

члена Совета исполкома Международной экономической ассоциации итальянца Пазинетти: ведь, по существу, и попытки построить теоретическую систему, объясняющую существо происходящих в капиталистической экономике процессов, исходя из «физических величин», и стремление вынести трудовую теорию стоимости и теорию прибавочной стоимости за скобки анализа капиталистической эксплуатации, сколько бы ни уверяли в том, что это подлинно научная альтернатива «Капитала» или вершина современной марксистской мысли,— все эти попытки в конечном итоге приводят к подмене исследования отношений буржуазного способа производства и специфической природы труда в капиталистическом обществе общими рассуждениями об экономических константах и переменных в духе традиционной «экономикс», более того, к переносу центра тяжести на рассмотрение таких сфер, которые лежат за пределами системы производственных отношений. Едва ли такие концепции являются серьезной альтернативой экономических доктрин, выражающих интересы «перепуганного истеблишмента».

Ленин, говоря о Меринге, назвал его человеком не только желающим, но и умеющим быть марксистом²²⁹. К сожалению, у большинства авторов, чьи взгляды были выше рассмотрены, дело ограничивается в лучшем случае желанием, не доходя до умения. Думается, одной из важных причин неумения быть марксистами является мировоззренческая ограниченность неорикардизма как направления, ориентирующегося только на его величество факт, т. е. испытывающего сильнейшее влияние эмпиризма, позитивизма.

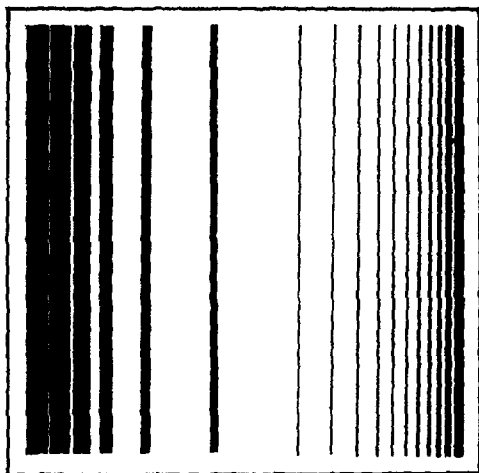
Между тем для того, чтобы быть марксистом в экономической теории, недостаточно просто усвоить Марксову терминологию. Для этого нужно еще понять внутреннюю связь теоретической системы «Капитала», вне которой его положения утрачивают истинность. Иными словами, необходимо понимание духа материалистической диалек-

тики «Капитала». В противном случае при анализе 'проблемы трансформации» утрачивается то, что составляет ее подлинное содержание, — именно вопрос о природе цены производства как *превращенной формы* стоимости, а потому исследователь попадает под власть фетишистских представлений, господствующих в вульгарной политической экономии. Точно так же невозможным становится адекватное восприятие взглядов Маркса на соотношение трудовой теории стоимости и теории прибавочной стоимости, роль и место отношений права и морали в Марксовой концепции капиталистической эксплуатации, — взглядов, столь отличных от того, что проповедовали и проповедуют различные течения утопического социализма.

Как мы стремились показать, главное, чего недостает «неомарксистам» в подходе к указанным и некоторым другим вопросам, — это диалектического взгляда как на сами проблемы, так и на процесс формирования и развития представлений Маркса об их содержании и значении. Препарировать же «Капитал», пользуясь обычным инструментарием экономической мысли Запада, попросту невозможно — это оборачивается вульгаризацией и извращением изложенной в нем теории.

Впрочем, в современной литературе о «Капитале» широко представлена и другая тенденция, особенно в работах ряда западногерманских и японских авторов. Имея в виду споры последнего двадцатилетия в ФРГ, вполне можно было бы, повторяя слова Маркса, сказать, что «в своей мистифицированной форме диалектика стала немецкой модой»²³⁰. Ход и некоторые результаты этих споров, с которыми мы познакомимся в следующих главах, по нашему мнению, небезынтересны для нашего читателя. Ибо в дискуссии — а ее участниками были как марксисты, так и немарксисты — поднят ряд вопросов, по которым не существует единого мнения и в советской литературе.

Раздел II
МАРКСИСТСКАЯ
ДИАЛЕКТИКА
ИЛИ ГЕГЕЛЕВСКАЯ
ЛОГИКА?
О МЕТОДЕ
„КАПИТАЛА“

— Собственно, *диалектика*,— сказал Гегель,— не что иное, как упорядоченный, методически разработанный дух противоречия, присущий любому человеку, и в то же время великий дар, поскольку он дает возможность истинное отличить от ложного.

— К сожалению,— заметил Гёте,— эти умственные выверты нередко используются для того, чтобы ложное выдать за истинное, а истинное за ложное.

*И. П. Эккерман. Разговоры с Гёте
в последние годы его жизни*

В послесловии ко 2-му немецкому изданию I тома своего основного труда Маркс отмечал: «Метод, примененный в «Капитале»... плохо понят, что доказывается уже противоречащими друг другу характеристиками его»¹. Разумеется, в первую очередь это было обусловлено самой новизной методологии Маркса. За истекшие сто с лишним лет в немарксистской литературе о «Капитале» таких «противоречащих друг другу характеристик» появилось великое множество, особенно после опубликования «Grundrisse» — первоначального варианта «Капитала», благодаря чему значительно расширились возможности как для более глубокого понимания метода «Капитала», так, разумеется, и для разного рода его «реконструкций».

В последние два десятилетия дискуссии о методе «Капитала» на Западе заметно оживились. «В середине 60-х гг.,— писал философ из ГДР Винсент Вроблевски,— в капиталистических странах начало складываться идеологическое направление, которое окончательно конституировалось в начале 70-х гг. ... Оно опирается главным образом на трактовки основных экономических произведений Маркса («Капитал», «Grundrisse») и представляет собой реакцию на «гуманистически-экзистенциалистскую» интерпретацию по преимуществу ранних работ Маркса». Данное течение приобрело международный размах, хотя

предпосылки его развития в разных странах весьма различны. В ФРГ эта интерпретация Маркса является в общем продолжением традиций «критической теории» Франкфуртской школы, хотя кое в чем и отходит от них; известна и распространена она и в Скандинавских странах; с начала 70-х гг. она существует в англосаксонских странах как «радикальная философия»; во Франции ее идеи получили развитие в работах Луи Альтюссера и теоретиков его круга².

Основной проблемой, вокруг которой развернулась полемика, является отношение метода Маркса к методу Гегеля. В отличие от первой волны послевоенного «увлечения» Марксом, которая фактически означала «второе издание» идей, выдвигавшихся в 20—30-е гг. Д. Лукачем, К. Коршем, Ф. Петри, И. И. Рубиным, в 70—80-е гг. дискуссии затронули ряд новых тем³. К рассмотрению были привлечены тексты черновых рукописей Маркса, прежде всего «Grundrisse»⁴, и это в немалой степени способствовало изменению характера споров⁵ — переходу от противопоставления «молодого» Маркса «старому» к выяснению внутренних закономерностей развития материалистической диалектики как метода марксистской политической экономии⁶.

Такой подход сам по себе весьма плодотворен, ибо он объективно способствует устранению видимости, будто «Капитал» — «априорная конструкция»⁷, а примененный в нем метод является готовой схемой, под которую подогнана реальная действительность. Столь же объективно при этом в поле зрения исследователя попадает и проблема соотношения диалектического метода Маркса и метода его великого предшественника Гегеля: метод и архитектоника как «Grundrisse», так и «Капитала» складывались под заметным влиянием Гегеля, которого никогда не отрицал сам Маркс.

О значении знания гегелевской «Логики» для понимания примененного в «Капитале» метода говорил в свое

время Ленин⁸. Он отмечал также, имея в виду в первую очередь Г. В. Плеханова, что «те ученики Маркса... которые пошли назад... к философскому материализму до Маркса, с одной стороны, и к диалектическому идеализму, с другой стороны, дали замечательно стройное и ценное изложение диалектического материализма, показали, что он представляет из себя законный и неизбежный продукт всего новейшего развития философии и общественной науки»⁹.

Однако такой подход, как показывает опыт дискуссий последних десятилетий на Западе, чреват определенными опасностями, если он проводится некритически. Ибо в этом случае происходит своеобразная абберация: вместо того чтобы от Маркса вернуться к Гегелю с целью лучшего понимания истоков марксистской теории и методологии, отличий Маркса от Гегеля, начинают разглядывать «Капитал» через «гегелевские очки», не замечая тех моментов, в которых Маркс превзошел своего гениального учителя, делая акцент только на их *сходстве*. В таких случаях гегельянство превращается в шоры, мешающие дать верную интерпретацию тех или иных — действительно важных, — методологических проблем «Капитала». Именно об этой тенденции в современной зарубежной литературе пойдет речь ниже.

Особенно сильно данная тенденция проявилась в ФРГ и Западном Берлине, а также в Японии. Почему именно там? Причин много, назовем лишь некоторые из них. Во-первых, именно там в послевоенный период социально-экономическое и политическое развитие шло особенно быстро, а это само по себе способствовало лучшему пониманию «полного противоречий движения капиталистического общества»¹⁰, т. е. уяснению *диалектического* характера общественных процессов. Во-вторых, именно здесь сильные позиции не столько марксистской, сколько «околомарксистской» общественно-политической мысли способствовали тому, что осмысление опыта социально-

политических катаклизмов конца 60 — начала 70-х гг. привело к радикализации теоретических взглядов ряда участников студенческого и антивоенного движения, усилению их интереса к марксистскому наследию в такой своеобразной форме. В 70-е гг. здесь оформилась тенденция к «новому» философско-методологическому прочтению и осмыслению экономического наследия Маркса,— тенденция в основе своей, как мы увидим ниже, неогегельянская¹¹. Иначе говоря, второй из важнейших источников марксизма, после экономической теории Смита — Рикардо,— философия Гегеля — является методологической базой еще одной новейшей линии критики марксистской политической экономии.

Основные идеи «нового» прочтения «Капитала» в ФРГ были сформулированы на рубеже 60—70-х гг. Хансом-Георгом Бакхаузом и его коллегами из Франкфуртского университета, такими же, как и он, активистами Социалистического союза немецких студентов, непосредственными участниками «студенческой революции» конца 60-х гг. Хансом-Юргеном Кралем и Хельмутом Райхельтом¹². В дальнейшем наиболее последовательно их отстаивал и развивал Бакхауз, в середине 60-х гг.— активный участник семинаров одного из основоположников Франкфуртской школы философа Теодора Адорно, а также известного либерального марксолога Иринга Фетчера, затем — профессор, а ныне — фактически безработный, руководитель на общественных началах небольшого семинара по проблемам марксистской теории во Франкфуртском университете. Его статьи переведены почти на все основные мировые языки, он имеет последователей в ряде стран Западной Европы.

В значительной мере получившая импульс благодаря работам Бакхауза, дискуссия в марксистских и «неомарксистских» кругах ФРГ и Западного Берлина впоследствии вышла за рамки очерченных им тем, однако основные тезисы франкфуртского социолога стали общим

достоянием и приобрели статус своего рода аксиом в большинстве работ представителей так называемого семинарского марксизма¹³, а также неогегельянских интерпретаторов метода «Капитала». Поэтому ниже мы подробно остановимся на анализе основных идей Бакхауза.

Глава 3

ТЕЗИС ОБ «ИСТОРИЗАЦИИ» ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДА В «КАПИТАЛЕ»

На фоне обширной литературы, вышедшей на Западе за последние 15—20 лет и посвященной тем или иным аспектам методологии «Капитала», работы Бакхауза, пожалуй, представляют собой наиболее интересный феномен. С одной стороны, в них дана глубокая марксистская критика методологических основ неоклассической и неорикардиянской экономической теории, присущих им агностицизма, фетишизма, раскрыты вульгарный характер субъективно-психологического направления буржуазной политической экономии, бессмысленность поисков некоего всеобщего «измерителя» (*numeraire*) или «стандартного товара» — «научного» суррогата реально существующих денег¹⁴. С другой стороны, в своем стремлении опереться на «Капитал» западногерманский ученый зачастую предлагает такую его трактовку, которая, во-первых, не всегда может быть признана обоснованной, а во-вторых, содержит ростки гегельянского толкования диалектического метода Маркса. Ростки эти дают при благоприятных обстоятельствах бурные всходы (в чем мы убедимся в следующей главе, знакомясь с концепцией Герхарда Гёлера).

Итак, причиной занятий Бакхауза Марксом было стремление вскрыть коренные пороки буржуазных концепций денег, опираясь на марксистскую методологию исследования генезиса денежной формы. Попутно он, ознакомившись с современной марксистско-ленинской литера-

турой, сделал вывод, что собственное Марксово решение «загадки» денег в значительной степени затемнено и искажено наслоениями вторичной литературы: распространенное воззрение, согласно которому «теорию стоимости и теорию денег Маркса принято рассматривать как... различные учебные темы, искажает существо анализа формы стоимости»¹⁵.

Вспомним: приступая в I томе «Капитала» к рассмотрению формы стоимости, Маркс подчеркивал значение данного раздела для понимания сущности денег. Он писал: «Нам предстоит здесь совершить то, чего буржуазная политическая экономия даже и не пыталась сделать, — именно показать происхождение... денежной формы, т. е. проследить развитие выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег»¹⁶. Таким образом, обращая внимание на важность параграфа о форме стоимости для Марксовой теории денег, Бакхауз совершенно прав.

Размышляя о причинах того, почему приведенное выше принципиальное высказывание не учитывается не только критикующими Маркса неорикардianцами, но и некоторыми марксистскими теоретиками¹⁷, западногерманский автор пришел к выводу о том, что это связано с распространенной интерпретацией логики 1-го отдела I тома «Капитала», при котором линия товар — процесс обмена — деньги (простое товарное обращение) понимается как описание процесса зарождения и развития товарообмена. При таком подходе, рассуждает Бакхауз, переход от товара к деньгам не обосновывается диалектическим развитием внутренней противоположности между потребительной стоимостью и стоимостью товара как элементарной формы богатства *буржуазного* общества, а выступает как историческая эволюция простого товарного хозяйства, его постепенное превращение в денежное хозяйство. Но в

таком случае теория стоимости, изложенная в 1-й главе I тома «Капитала», превращается, по выражению Бакхауза, в «домонетарную» (*prämonetäre*) теорию, а «логический» метод Маркса¹⁸ сводится к «историческому» методу. Между тем «Марксова теория стоимости была замыслена как критика домонетарных теорий стоимости; на том уровне, на котором рассматривается простое обращение, она в сущности является теорией денег», настаивает автор¹⁹.

В стремлении возможно более убедительно обосновать свой, в общем-то верный, исходный тезис Бакхауз прибегнул к сопоставлению «Grundrisse» (1857—1858), работы «К критике политической экономии. Первый выпуск» (1859), а также переработанного впоследствии Марксом текста 1-го немецкого издания I тома «Капитала» (1867) с окончательным — так сказать, каноническим — изложением теории товара и денег во 2-м немецком издании I тома Марксова труда (1872). И вот, перелистав еще раз несколько текстов Маркса и Энгельса, Бакхауз, по его словам, «обратил внимание на ряд пассажей, которые не укладываются ни в отстаиваемую им самим «логическую», ни... в историцистскую, «логически-историческую» интерпретацию. Так вновь выдвинулась на первый план проблема «логического» и «исторического», не-историцистское, «логическое» решение которой автор полагал уже давно найденным»²⁰.

Более того, снова проанализировав некоторые места различных текстов, Бакхауз пришел к заключению, что они «свидетельствуют об известной неуверенности Маркса в определении происхождения и значения применяемых им понятий. Эта неуверенность проявляется прежде всего в различной, но более или менее догматической трактовке «исторического»»²¹. С этим, по мнению автора, связано «неудовлетворительное решение самим Марксом в методологическом отношении столь важной проблемы «логического» и «исторического»»²².

В чем же эта «неудовлетворительность» Марксовой трактовки? Оказывается, в том, что автор «Капитала» будто бы стремился соединить логический категориальный анализ с «логически-историческим» развитием (под «логически-историческим» развитием Бакхауз подразумевает обнаруживающееся якобы у Маркса в «Капитале» наложение выводов, добытых путем изучения экономического строя зрелого буржуазного общества, на конкретно-исторический процесс зарождения и развития товарной формы продукта труда, начиная с незапамятных времен, — иными словами, попытку «подтянуть» всю историю товарно-денежных отношений к теории капиталистического способа производства). Причем Бакхауз находит эту тенденцию уже в «Grundrisse»; что же касается последнего варианта изложения параграфа о форме стоимости — во 2-м немецком издании I тома «Капитала», — то «здесь она проявляется настолько сильно, что возникает вопрос, не пересмотрел ли Маркс полностью свою методологическую концепцию». В итоге Бакхауз приходит к следующему выводу: «...представляется в известном смысле оправданным говорить о процессе «историзации логического» в «Капитале» Маркса»²³.

Эта концепция Маркова метода и стала своего рода исходным пунктом до сих пор продолжающейся дискуссии²⁴. Ниже мы постараемся показать, что в основе этой концепции, внешне убедительной, лежат расплывчатое и недиалектическое представление об «историческом» и «логическом» и неверная интерпретация эволюции собственных взглядов Маркса на проблему происхождения денег.

1. Соотношение исторического и логического у Маркса и Энгельса и некоторые его трактовки

Бакхауз, упрекая Маркса в нечеткости определений употребляемых им понятий, сам между тем не дает хотя бы приблизительное определение того, что он разумеет

под «историческим» и «логическим». Если попытаться, однако, реконструировать ход рассуждений Бакхауза, то выяснится, что под «историческим» он понимает такую последовательность рассмотрения предмета — товара, денег, капитала, которая определяется историей их зарождения, становления и развития с древних времён, тогда как для «логического» характерна соподчиненность категорий, обусловленная внутренней структурой зрелого буржуазного способа производства и соответствующих ему отношений производства и обмена.

Думается, однако, что в марксистско-ленинской литературе сложилось гораздо более глубокое понимание действительного содержания и соотношения исторического и логического в «Капитале», да и вообще в теоретическом наследии Маркса и Энгельса. Во-первых, несмотря на то что господствующей в советской и зарубежной марксистско-ленинской литературе является ныне точка зрения, согласно которой в первых главах «Капитала» отражена вся действительная эволюция товарно-денежных отношений с древнейших времен до буржуазной эпохи²⁵ (либо же, что является только модификацией данной точки зрения, — то *общее*, что обнаруживают товары в добуржуазную эпоху и товары как продукты капитала), ряд исследователей, опирающихся на тщательный текстологический анализ «Капитала» и его подготовительных вариантов, приходят к выводу, что предмет I отдела, равно как и всего «Капитала», — зрелый капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена²⁶.

Во-вторых, советские философы показали, что к констатации этого факта и его теоретическому обоснованию отнюдь не сводится все содержание проблемы. Диалектика исторического и логического может быть удовлетворительно раскрыта применительно к экономической теории Маркса, лишь если видеть три взаимосвязанных, но отнюдь не тождественных вопроса: об отношении изложен-

ной в «Капитале» теории капиталистического способа производства к *собственной истории* последнего; далее, об отношении этой теории к домарксовской политической экономии, т. е. о диалектике теории и истории теории; наконец, об отражении в «Капитале» *предыстории* буржуазного способа производства²⁷. При этом следует учитывать один принципиально важный для правильного понимания примененного в «Капитале» метода момент: не только различие, но и внутреннее единство исторического и логического; оно-то и придает конкретный характер историзму теории Маркса. Этого не увидеть, оставаясь на позициях, по выражению Ленина, «обычного представления», которое «схватывает различие и противоречие, но не переход от одного к другому, а это — самое важное»²⁸.

Применительно к первому вопросу, т. е. вопросу об отношении Марксовской теории капиталистического способа производства не к истории «вообще», а к истории самого этого способа производства, внутреннее единство, взаимопереход исторического и логического проявляются наиболее зримым образом в том, что структура экономической теории, в которой реализован принцип восхождения от абстрактного к конкретному, сама последовательность категорий определяется, как писал Маркс в знаменитом «Введении» (1857 г.), «тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе... Речь идет о том месте, которое они занимают в структуре современного буржуазного общества»²⁹. В каком смысле эта последовательность отражает историю? В том смысле, что, как подчеркивал он уже в I томе «Капитала», собственная история капиталистического способа производства постоянно воспроизводит определенное отношение этих категорий друг к другу: «...нет надобности обращаться к истории возникновения капитала для того, чтобы убедиться, что деньги являются первой формой его проявления. История эта ежедневно разыгрыва-

ется на наших глазах. Каждый новый капитал при своем первом появлении на сцене, т. е. на товарном рынке, рынке труда или денежном рынке, неизменно является в виде денег, — денег, которые путем определенных процессов должны превратиться в капитал»³⁰. Таким образом, логика здесь поверена историей самого исследуемого предмета, капиталистического способа производства. Причем речь идет не только о последовательности категорий, но и об их внутреннем содержании. Содержание этих «логических» категорий не есть нечто застывшее, оно глубоко исторично, даже когда речь идет о самых абстрактных (т. е. неразвитых, бедных, и в этом смысле «простых») понятиях. «При других способах производства, — отмечал Маркс в рукописи 1861—1863 гг., — продукты лишь частично принимают форму товара. Капитал же с необходимостью производит товар, производит свой продукт в качестве товара — или же он не производит ничего. Поэтому только с развитием капиталистического производства, т. е. только с развитием капитала, впервые осуществляются также и общие законы, сформулированные относительно товара, например, о том, что стоимость товара определяется содержащимся в нем общественно необходимым временем. Здесь обнаруживается то, каким образом категории, даже принадлежавшие прежним эпохам производства, на основе другого, отличного от прежних способа производства приобретают специфически отличный характер — исторический характер»³¹.

Итак, «логическое» отнюдь не противоречит «историческому» (во всяком случае, если иметь в виду под «историческим» собственную историю капитала в условиях господства капиталистических производственных отношений) — скорее они тождественны друг другу.

С точки зрения правоверного гегельянца, тезис о таком тождестве исторического и логического не вызывает возражений, однако правоверные гегельянцы, сближая в этом вопросе Маркса и Гегеля³², упускают из виду одно суще-

ственное отличие. Оно заключается в том, что «если Гегель абсолютизирует специфику логического, если для него историческое есть саморазвертывание понятия, или, что то же самое, историческое является лишь внутренним моментом логического,— замечает В. Г. Голобоков,— то у К. Маркса логическое (конкретное в мышлении) существует на базе материального и рассматривается исторически соответственно не только своим внутренним закономерностям, но и уровню развития исследуемого предмета, а потому и само имеет исторически обусловленную конкретную форму. Из этого вытекает как необходимость систематического воспроизведения логического, не отказываясь от его специфики (метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное), так и понимание исторического характера логического»³³. Иными словами, само логическое (теоретическое) исследование есть не только «продукт мыслящей головы», но и продукт «головы», осмысливающей вполне определенную эпоху.

Итак, построенная как научное обобщение закономерностей капиталистического способа производства, политическая экономия Маркса в этом смысле исторична; с другой стороны, сам капиталистический способ производства, лишь достигнув определенной зрелости, обнаружил внутреннюю субординацию, «логику» своего развития.

В свете сказанного, думается, нет оснований для отрыва и противопоставления друг другу исторического и логического, к чему склоняется Бакхауз. Всячески подчеркивая примат логического момента в методе Маркса, необходимо не забывать и об историзме логического (теоретического) исследования. Он, как справедливо подчеркивал болгарский философ В. С. Добриянов, «заключается не в том, что логическая последовательность категорий в теоретической системе... прямо и непосредственно воспроизводит «последовательность исторического развития», а в том, во-пер-

вых, что берется строго определенный, конкретный исторический этап развития; во-вторых, что объект исследования с самого начала рассматривается как исторически преходящий; в-третьих, что теоретический анализ, т. е. анализ его структурно-функциональных связей, раскрывает законы развития объекта и, в-четвертых, что этот теоретический анализ помогает выяснить историко-генетические связи и воспроизводит в каком-то общем, суммированном и очень схематическом виде основные этапы исторического развития»³⁴.

Но рассмотрим второй аспект проблемы исторического и логического — соотношение теории и ее истории. Напомним, что у «Капитала» есть подзаголовок: «Критика политической экономии» (в первом публичном выступлении Маркса с новой экономической теорией — книге «К критике политической экономии» — историко-критическая направленность марксистской политэкономии отчетливо проявилась уже в самом названии). На эту слитность, нераздельность теоретического и историко-критического моментов в «Капитале» совершенно справедливо обращает внимание и Бакхауз³⁵. Между тем история теории (или критика), имея свой предмет, должна выработать и некие принципы его рассмотрения. Задуманную Марксом критику, как подчеркивал Энгельс в своей рецензии на первый выпуск «К критике политической экономии», «можно было проводить двояким образом: исторически или логически»³⁶. При этом под историческим методом Энгельс понимал «критику исторического развития *политико-экономической литературы*»³⁷, тогда как логический метод, к которому и прибег Маркс, Энгельс охарактеризовал как тот же исторический метод, только освобожденный «от исторической формы и от мешающих случайностей»³⁸. (К слову, в самой работе Маркса были представлены оба метода — теоретическое исследование товара, меры стоимостей, средства обращения и денег дополнено в первом выпуске «К критике политической экономии» историко-

критическими очерками «К истории анализа товара», «Теории денежной единицы измерения», «Теории средств обращения и денег». Таким образом, беглого взгляда на оглавление Марксовой работы достаточно, чтобы уяснить себе, что имел в виду Энгельс, говоря об «историческом» и «логическом» методах в своей рецензии.)

Таким образом, речь идет об истории появления экономических категорий (заметим — категорий, а не тех реальных экономических отношений, которые они выражают!) и логической субординации этих категорий в рамках теоретической системы. Историческое и логическое, рассмотренные в этой плоскости, в сущности совпадают. Ибо, когда Энгельс пишет: «С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс...»³⁹ — речь у него идет, по-видимому, об истории возникновения *понятий* о предмете — капиталистическом способе производства, и тем самым предполагается, что сам этот предмет *уже существует* (в более или менее развитой форме). Это-то и упускают из виду нынешние критики.

(Между ними, впрочем, не существует полного единства. Так, Бакхауз усматривает в той якобы ошибочной трактовке исторического и логического, что прослеживается в энгельсовской рецензии, такую же тенденцию к «историзации»⁴⁰, которая, по его мнению, со временем обнаружилась и в творчестве Маркса. Между тем представители «семинарского марксизма» — например, Йоахим Бишофф, — отстаивая тезис о последовательном примате в «Капитале» логического метода, на этом основании заявляли о наличии противоречия в подходе к фундаментальным методологическим вопросам между Марксом и Энгельсом⁴¹.)

Думается, в трактовке неогеггелянскими интерпретаторами взглядов Маркса и Энгельса на рассматриваемую проблему мы имеем дело по меньшей мере с двойной ошибкой. Во-первых, вопрос об определении соотношения реального (собственной истории капиталистического способа производства) и его «идеального» отображения в теоретической системе, о чем речь шла выше, смешивается с другим вопросом, на который, собственно, и отвечает в своей рецензии Энгельс,— вопросом о соотношении двух форм самого «идеального», истории теории и теории⁴². Во-вторых, если допустить, что Энгельс под «историческим методом» понимал описание всей действительной истории экономических отношений с незапамятных времен, то это трудно согласовать с его недвусмысленными высказываниями в этой же рецензии об истории и ее «литературном отражении», т. е. политико-экономической литературе. Эти высказывания свидетельствуют, что Энгельс исходит из того факта, на который он обратил внимание еще в первых строках своей рецензии,— что современная ему «политическая экономия есть теоретический анализ *современного буржуазного общества и предполагает поэтому развитые буржуазные отношения...*»⁴³.

Хотя рецензия Энгельса осталась не законченной и потому едва ли можно делать окончательные выводы, однако естественно предположить, что и история экономических категорий, о которой он говорит, и составляющая ее действительную основу история экономических отношений — это все та же собственная история капиталистического способа производства, что «разыгрывается на наших глазах». Ибо иное понимание, которого якобы придерживался Энгельс, приводит к возникновению ситуации, удачно описанной В. П. Кохановским: «Поскольку данный предмет имеет позади себя бесконечное множество явлений и процессов (хотя бы каким-то образом причастных к его возникновению), то стремление понять этот предмет «историческим» путем анализа последних неизбежно ведет в

«дурную» бесконечность и неминуемо заводит... в такие исторические «дебри», из которых затем трудно выбрать-ся. Предмет исследования оказывается утерянным, так как его история растворяется во множестве предшествовавших ему явлений (его предпосылок), что, конечно, не позволяет найти подлинное начало и, следовательно, понять его действительную сущность»⁴⁴. Этого не происходит, когда речь идет о собственной истории уже сформировавшегося предмета, промышленного капитала, в ходе своего жизненного цикла описывающего превращения, внутренняя логика которых исследована в «Капитале».

Но некоторые участники дискуссии словно не понимают, что история, историческое развитие может выступать — и зачастую выступает у Маркса и Энгельса — в этой ипостаси; для неогегельянцев история и «историческое» ассоциируются лишь с всеобщей историей, а применительно к «Капиталу» Маркса — с *предысторией* буржуазного способа производства. В этом, на наш взгляд, и проявляется догматическое, недialeктическое представление об историческом и логическом, неспособность видеть различные грани, стороны, моменты проблемы, сведение всего многообразия диалектики исторического и логического к одному-единственному аспекту данной проблемы и придание ему всеобъемлющего значения.

Впрочем, Бакхауз и теоретики, выступающие со сходных позиций, полагают, что основания для такой трактовки даны самим Марксом, конкретно — анализом в «Капитале» формы стоимости, вернее, той эволюцией, которую претерпел соответствующий параграф 1-й главы I тома.

2. «Форма стоимости... очень бессодержательна и проста»?

На первый взгляд, западногерманский автор нащупал действительно уязвимое место — анализ Марксом формы стоимости в той редакции данного текста, которая утвер-

дилась как окончательная, начиная со 2-го немецкого издания I тома «Капитала». Разве не сам Маркс, рассматривая, например, простую форму стоимости, писал здесь: «На практике эта форма встречается, очевидно, лишь при первых зачатках обмена, когда продукты труда превращаются в товары лишь посредством единичных и случайных актов обмена», а говоря о развернутой форме стоимости, замечал, что она фактически наблюдается «тогда, когда один какой-нибудь продукт труда, например скот, уже не в виде исключения, а обычно обменивается на многие другие товары»? ⁴⁵ И разве переход от всеобщей к денежной форме стоимости не носит во 2-м немецком издании сугубо исторический характер, не отражает процесс превращения допотопных форм обмена в развитое товарное обращение, основывающееся на деньгах?

Бакхауз правильно подметил и тот факт, что подобных мест было значительно меньше в написанном Марксом по совету друзей приложении к 1-му немецкому изданию I тома «Капитала», которое должно было облегчить понимание изложения формы стоимости в основном тексте «недиалектическому» читателю ⁴⁶. В основном же тексте 1-го издания переходы от простой формы стоимости к развернутой и, далее, всеобщей и подавно не имели никакой «исторической привязки». Что же касается денежной формы стоимости, то она в основном тексте 1-го немецкого издания фигурировала просто как «форма IV» ⁴⁷. Все это, по мнению западногерманского автора, свидетельствует о том, будто Маркс со временем все больше и больше склонялся к отождествлению диалектического («логического») перехода от товара к деньгам с процессом развития товарообмена, начиная с древнейших времен, т. е. с «историческим». Тем самым Маркс якобы признал невозможность раскрытия внутренней диалектики товарно-денежных отношений в капиталистическом обществе без обращения к их истории (точнее, предыстории), т. е. «историзировал» свой «логический» метод.

Мимо обстоятельств, на которые обратил внимание Бакауз, не проходят и марксистские исследователи⁴⁸. Но они, верно отделяя главное от второстепенного и учитывая конкретные обстоятельства, обусловившие те или иные редакционные изменения, которые Маркс внес при переиздании в I том «Капитала», не усматривают в различиях, обнаруживающихся между разными редакциями параграфа о форме стоимости, какого-либо радикального пересмотра Марксом выработанной им методологии, тем более разрыва с диалектикой. Те незначительные изменения, на которые пошел автор «Капитала» во 2-м немецком издании, были продиктованы иными обстоятельствами. «Трудность понимания анализа формы стоимости со стороны «недиалектического» читателя несколько уменьшается,— пишет В. П. Шкредов,— если развитие диалектических понятий иллюстрируется с помощью исторических аналогий»⁴⁹.

Маркс решил таким образом помочь «недиалектическому» читателю, ибо уже вскоре после выхода в свет 1-го немецкого издания I тома выяснилось, что диалектика, диалектический метод ассоциируются у немецкой читающей публики с гегелевской идеалистической системой. «В рецензии на первый том настоящего труда доктор Дюринг отмечает,— писал Маркс в черновом варианте второй книги «Капитала» (1868—1870),— что моя неизменная привязанность к скелету гегелевской логики заходит так далеко, что даже в формах обращения я открываю гегелевские фигуры умозаключений»⁵⁰. Маркс уже тогда распознал тот мотив, который в дальнейшем стал доминирующим в критике «Капитала» со стороны вульгарного материализма: стремление доказать, что диалектика есть атрибут идеализма, и на этом основании представить автора «Капитала» эпигоном гегелевской философии. Поэтому, работая над продолжением своего труда и готовя переиздание I тома, Маркс считал необходимым, во-первых, публично разъяснить свое действительное отношение к Гегелю, во-

вторых, по возможности показать не готовому еще к пониманию всех тонкостей марксистского диалектического метода читателю, что в «Капитале» речь всюду идет о реальных экономических отношениях, а не о саморазвитии «понятий».

Что касается первого пункта, то поначалу, надеясь на скорый выход II тома «Капитала», Маркс полагал, очевидно, возможным ограничиться в нем подстрочным примечанием, в котором он писал: «Гегель — мой учитель, и болтовня умничающих эпигонов, полагающих, что они кончили с этим выдающимся мыслителем, мне просто смешна. Однако я позволил себе отнестись к моему учителю критически, снять с его диалектики покров мистицизма и тем самым существенно ее изменить...»⁵¹ Но в дальнейшем, по мере появления все новых и новых откликов на I том «Капитала», Маркс убедился, что вопрос о методе, примененном в его труде, нуждается в более подробном и обстоятельном освещении. Так появилось знаменитое Послесловие ко 2-му немецкому изданию I тома, заключительная часть которого посвящена выяснению основных черт диалектического метода⁵². Здесь, между прочим, автор «Капитала» писал: «Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то *может показаться, что перед нами априорная конструкция*»⁵³. Здесь мы подошли ко второму пункту.

В отличие от неогегельянских интерпретаторов «Капитала», для которых эмпирическое является синонимом до- и вненаучного⁵⁴, Маркс придавал большое значение тому, чтобы его экономическая теория не воспринималась как «откровение», а рассматривалась — в полном соответствии с действительным ее содержанием — как анализ и обобще-

ние реальных экономических процессов. Между тем представление о «Капитале» как об «априорной конструкции» неизбежно возникает у читателя, находящегося во власти обыденных представлений, как только речь заходит о самых абстрактных, неразвитых, бедных в теоретическом отношении определениях первых глав «Капитала», ибо такие категории, как абстрактный труд, стоимость, форма стоимости и т. п., «неосвязаемы», не обнаруживаются эмпирически. Для понимания их материального, «земного» (а не идеального, «из головы») происхождения нужна, замечал Маркс, «сила абстракции»⁵⁵. Но как было убедить в том, что в параграфе о форме стоимости совершается не филиация понятий, а мысленное проникновение в действительное отношение товаров друг к другу, лишённого этой «силы абстракции» читателя?

Понимая, что «научные» попытки революционизирования науки никогда не могут быть действительно общедоступными⁵⁶, Маркс, по-видимому, считал возможным помочь неподготовленному читателю именно тем путем, чтобы, ничего не меняя в принципиальной последовательности раскрытия тайны происхождения денег, ввести в ткань изложения несколько исторических аналогий⁵⁷. Определив «форму IV» как денежную форму стоимости, автор «Капитала» более определенно подчеркнул, что в условиях современного ему буржуазного общества именно деньги являются высшим проявлением противоречия между относительной формой стоимости и эквивалентной формой.

Тезис Бакхауза об «историзации» Марксом диалектического метода в «Капитале», таким образом, не подтверждается при взвешенном рассмотрении тех мест в тексте 2-го немецкого издания I тома, которые он приводит в обоснование своей точки зрения. Еще менее основательным выглядит он в свете всей эволюции взглядов Маркса на проблему денег.

Если бы Бакхауз несколько расширил рамки своего исследования и вовлек в анализ выписки (эксцерпты) Марк-

са о деньгах, их сущности, функциях, происхождении, другие его работы 50—70-х гг., то увидел бы, что выдвинутой им концепция не согласуется с эволюцией воззрений Маркса на природу денег. Так, он должен бы был убедиться, что по мере изучения буржуазной экономической литературы о деньгах и кредите⁵⁸, углубления собственных представлений Маркса менялись угол его зрения, понимание им теоретического места и значения проблемы генезиса денег.

Маркс очень рано, к концу 40-х гг., пришел к выводу, что выяснение специфики денег при капитализме отнюдь не достигается описанием их исторической эволюции, начиная с древнейших времен. Правда, в III—V лондонских экскерптных тетрадах (1850 г.) подробно законспектированы труды Ж. Гарнье, И. Ф. Рейтемейера, У. Джейкоба по истории денег и денежного обращения, добычи благородных металлов⁵⁹, и таким образом постепенно накапливались данные для ответа на поставленный еще в «Ниццетской философии» вопрос о том, почему именно благородные металлы на известном этапе общественного развития становятся денежным товаром. (Впрочем, Марксу уже тогда было очевидно, что это «вопрос вторичного порядка, и его объяснение следует искать... не в общей системе производственных отношений, а в специфических свойствах, присущих золоту и серебру как определенного рода материи», тогда как прежде всего надлежит выяснить необходимость денег вообще как специфического производственного отношения⁶⁰.) Однако в первом выпуске «К критике политической экономии» (1859) Маркс все же уделил данной проблеме короткий параграф «Благородные металлы», заметив в самом его начале: «Вопрос, почему денежным материалом служат золото и серебро, а не другие товары, выходит за пределы буржуазной системы. Поэтому мы лишь кратко изложим наиболее существенные положения»⁶¹.

В I томе «Капитала» данный вопрос вообще уже не рассматривается: Маркс берет в качестве эмпирической пред-

посылки золото как деньги. И такое изменение отношения Маркса к месту исторического исследования в теоретической системе объяснимо. Ведь рассмотрение истории трансформации денежной системы в лучшем случае может дать ответ на вопрос о том, как стало деньгами *золото* ⁶². Между тем задача, которую не смогла решить предшествующая наука и которую ставил перед собой Маркс ⁶³, заключалась в том, чтобы показать, как *деньгами* становится *товар*.

Для решения этой задачи Марксу пришлось пройти большой путь. Из наброска «Слиток. Завершенная денежная система» (1851) ⁶⁴ и принадлежащих к тому же периоду «Размышлений» ⁶⁵ явствует, что еще в начале 50-х гг. Маркс сделал первую попытку от констатации того обстоятельства (хорошо известного и буржуазным экономистам), что деньги являются товаром, перейти к выяснению их своеобразия как *особого* товара. Благодаря этому ему удалось значительно продвинуться в понимании сущности и функций денег ⁶⁶. В «Grundrisse» (1857—1858) в связи с критикой прудонистской концепции «рабочих денег» Маркс уже ставит вопрос о *генезисе* денежной формы,— правда, пока лишь в «отрицательном» смысле, выясняя, что нельзя ликвидировать деньги, оставаясь на почве товарного производства. Наконец, в первом выпуске «К критике политической экономии» Маркс уже констатирует: «Главная трудность в анализе денег преодолена как только понято происхождение их из самого товара» ⁶⁷.

Но решение этой задачи, данное в указанной работе, Маркса впоследствии не вполне удовлетворило, ибо в ней, по собственному его признанию, он избежал «трудности развития» тем путем, что «собственно анализ *выражения стоимости*» дал только тогда, когда оно «выступает уже в развитом виде, как денежное выражение» ⁶⁸.

Преодолению этой «трудности развития» в значительной мере и была посвящена последующая работа над 1-й

главой (впоследствии — 1-м отделом) I тома «Капитала». Именно здесь, в параграфе о форме стоимости, впервые прослежено происхождение всеобщего эквивалента из простого выражения стоимости товара буржуазного общества. Таким образом, если сама форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, по выражению Маркса, «очень бессодержательна и проста»⁶⁹, то отнюдь не просто оказывается понять, что же, какие исторические реалии кроются за этой «бессодержательной» формой.

И все же рассмотрение «Капитала» в контексте всего предшествующего экономического наследия Маркса свидетельствует, на наш взгляд, о том, что ни о какой «историзации» не может быть и речи — она очевидным образом противоречила бы всей логике предшествующего развития взглядов основоположника политической экономии рабочего класса на проблему денег.

Еще яснее это становится, если сопоставить параграф о форме стоимости во 2-м немецком издании «Капитала» с соответствующим разделом брошюры И. Моста «Капитал и труд». Считая ее весьма неудачной попыткой популярно изложить основные положения «Капитала», Маркс, уступая просьбам соратников, согласился, однако, за неимением лучшего отредактировать 2-е издание брошюры (оно вышло в свет в 1876 г.), причем убрал самые нелепые и вульгарные рассуждения автора, а раздел о форме стоимости переписал целиком⁷⁰.

Здесь, стремясь избежать трудностей диалектического развития и не придерживаясь «научной формы изложения»⁷¹, Маркс, действительно, рассматривает исторический процесс зарождения продуктообмена и его постепенного развития, превращения в товарообмен, совершающийся при помощи денег⁷². Однако при этом в тексте нет даже и упоминания «простой», «развернутой», «всеобщей», «денежной» формы стоимости, не говоря уже о содержательном их анализе!

Если теперь посмотреть с этих позиций на текст 2-го немецкого издания I тома «Капитала», то становится ясно, что в нем Маркс, несмотря на введение в текст некоторых исторических экскурсов, все же не пошел по пути сведения внутренней диалектики товарной формы к истории возникновения и развития товарообмена и денег. Он, как пишет западногерманский марксист Винфрид Шварц, *«не заменил диалектическое выведение денег из простой формы стоимости в «Капитале» историей развития товарно-денежных отношений. Он лишь исторически дополнил развитие категорий — но это нечто совсем иное...»*⁷³. Маркс подразумевал под «генезисом денежной формы» отнюдь не некую произвольно «спрямленную» историю товарообмена, а выведение необходимости денежной формы из развития внутренних противоречий товара — элементарной формы богатства общества, где «господствует капиталистический способ производства»⁷⁴.

Итак, тезис об «историзации» Марксом диалектического метода — не научно доказанное положение, а неподтверждаемая гипотеза. Концепция Бакхауза уязвима при сопоставлении с подлинным содержанием работ основоположников марксизма, не учитывает в полной мере действительной эволюции их взглядов, хотя автору и удалось в связи с таким, казалось бы, частным вопросом, как изменения в изложении генезиса денежной формы во 2-м немецком издании I тома «Капитала» по сравнению с 1-м изданием, в которое редко до него заглядывали исследователи, привлечь внимание марксоведов к новым аспектам проблемы исторического и логического⁷⁵. Что же помешало этому — бесспорно, вдумчивому и серьезному — исследователю правильно интерпретировать метод, примененный в «Капитале»?

Отвечая на поставленный вопрос, мы вернемся к сформулированному выше, но пока не раскрытому тезису о наличии элементов гегельянства во взглядах Бакхауза и его последователей и сторонников. Эти элементы — односто-

ронне понимаемый примат логического над историческим (фактически — теории как формы общественного сознания над эмпирическими фактами как *бытием*), жесткое ограничение и противопоставление логического историческому, приводящее к их фактическому разрыву. Но в таком случае подменяется сам предмет «логического» (т. е. теории), категории политической экономии утрачивают связь с реальной действительностью и превращаются в некие умозрительные «понятия»⁷⁶.

Бакхауз, правда, не доходит до столь явно противоречащего материалистическим воззрениям Маркса вывода⁷⁷, но тезис об «историзации» диалектики «Капитала» и то, что за ним кроется, объективно могут привести (и кое-кого приводят!) к превратному пониманию соотношения материального и идеального.

Маркс, как известно, характеризуя выработанный им метод, писал: «Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней», замечая, что «у Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно»⁷⁸. Концепция ««Капитал»-логического» направления чревата утратой именно этого «рационального зерна».

Глава 4

О ПОДЛИННОЙ И МНИМОЙ «РЕДУКЦИИ» ДИАЛЕКТИКИ

Основной идеей «нового» прочтения метода «Капитала» в западноевропейской литературе (и не только в ФРГ и Западном Берлине, хотя здесь эта тенденция проявилась

наиболее ярко) стала, как было показано в предыдущей главе, идея о безусловном примате логического в теоретической системе Маркса (и о «грехопадении», совершенном автором «Капитала»). Выяснилось также, что эта идея верна лишь при одном главном условии — при последовательно диалектическом понимании «логического» и противостоящего ему «исторического» как парных категорий, содержание и взаимоотношение которых не предзадано, а вытекает из развития внутренних определений самого предмета Марксовой теории — капиталистического способа производства.

Теперь нам предстоит убедиться в том, что одностороннее, по существу недialeктическое понимание диалектики не только противоречит Марксу, но и ведет в тупик — к отрицанию всякой возможности построения научной теории, основывающейся на принципах диалектики. Именно такой вывод обосновывается в книге доцента западноберлинского Свободного университета Герхарда Гёлера «Редукция диалектики Марксом: Изменения структуры диалектического развития в критике политической экономии»⁷⁹.

Следует отдать должное той тщательности, скрупулезности, с которой автор подходит к стоящей перед ним задаче: в книге детально анализируются и сопоставляются соответствующие разделы «Grundrisse», «К критике политической экономии», рукописи 1861—1863 гг., 1-го и 2-го немецких изданий I тома «Капитала» (1867 и 1872). На основе такого сравнительного анализа Гёлер стремится проследить, в каком направлении и под влиянием каких обстоятельств менялся метод⁸⁰ Маркса в процессе работы над «Капиталом», и делает определенные обобщающие выводы. Согласимся ли мы с этими выводами или нет, но то, что они основываются на серьезном исследовании, сомнений не вызывает. А потому формального согласия или несогласия в данном случае недостаточно — необходимо шаг за шагом проследить развитие мысли Гёлера.

Какие же задачи хочет решить Гёлер в рассматриваемой монографии? «Предметом настоящего исследования,— указывает он,— является Марксова диалектика как возможность обоснования научных выводов, преимущественно в общественных науках...», оно должно привести к определенным выводам по трем основным линиям: «...точная структура диалектического развития в подготовительных работах к «Капиталу» и в самом «Капитале»; различия в отображении диалектического развития в указанных работах (с точки зрения гегелевского постулата о саморазвитии предмета); побудительные причины, которые привели к отходу от первоначальной трактовки диалектического развития, и вытекающие отсюда проблемы»⁸¹.

(Таким образом, в формулировке целей исследования Гёлер, во-первых, заявляет о том, что диалектический метод Маркса в его развитии будет рассматриваться не сам по себе, а «с точки зрения гегелевского постулата» — и здесь уже заключено определенное противоречие, поскольку «гегелевский постулат о саморазвитии предмета», высоко ценимый Гёлером (и, действительно, в материалистически преобразованном виде воспринятый Марксом⁸²), требует прямо противоположного — подходить к изучению метода Маркса, идя от самого метода Маркса, а не от метода Гегеля. Во-вторых, с самого начала в сознании читателя автор стремится укоренить мысль об «отходе от первоначальной трактовки диалектического развития», хотя этот тезис здесь еще никак не обосновывается.)

Западноберлинский автор полагает, что «диалектическое развитие основополагающих категорий анализа капитализма у Маркса в научно-теоретическом отношении в «К критике политической экономии» значительно ближе гегелевскому замыслу, нежели соответствующее развитие в «Капитале»; в особенности это касается анализа формы стоимости. Это различие до сих пор мало принималось во внимание, ибо здесь речь идет уже о «зрелом» Марксе,

который давно подвел итоги своего спора с Гегелем... Совершенно ясно, что в основе его экономической теории — не «единая» диалектика («die» Dialektik), а различные выражения диалектического развития в «Grundrisse» и «К критике...», с одной стороны, и в разных изданиях «Капитала», с другой стороны»⁸³.

Итак, перед нами — еще одна редакция довольно старого уже тезиса о «двух Марксах». Как и у Бакхауза, в книге Гёлера противопоставляются друг другу не разные этапы развития марксистской теории, а произведения, принадлежащие к зрелой поре творчества Маркса; как и Бакхауз, автор выдвигает идею о наличии «разных диалектик» у автора «Капитала». Но в самом понимании значения «различных выражений диалектического развития» Гёлер идет «дальше» Бакхауза.

1. Снова Маркс против Маркса?

«Модификация развития от товара к деньгам в «Капитале» по сравнению с соответствующим развитием в «К критике...», — пишет Гёлер, — представляет собой решающую редукцию диалектики, заключающуюся в отходе от Гегеля. Эта редукция не является всего лишь изменением формы изложения неизменной по сути структуры обоснований; речь идет о глубоком внутреннем различии. В действительности в различных редакциях развития от товара к деньгам мы имеем дело с двумя типами диалектики: в «К критике...» — соответствующая гегелевской традиции *эмфатическая диалектика* (тип I), в различных редакциях «Капитала» — *редуцированная* с точки зрения гегелевской традиции *диалектика* (тип II)»⁸⁴.

Каковы же различия между «эмфатической» и «редуцированной» диалектикой в понимании Гёлера? Они, полагает автор, проявляются в характере *переходов* от категории к категории и роли *противоречий*. Эмфатической

диалектике в первом выпуске «К критике политической экономии» присущи переходы, обоснованные саморазвитием предмета, — таков первый тезис Гёлера. Он не только не вызывает возражений, но заслуживает всяческой поддержки — особенно в условиях господства недиалектической, позитивистской методологии в немарксистском обществоведении. Как известно, Гегель в «Науке логики» писал, что «противоречие... есть отрицательное в его существенном определении, принцип всякого самодвижения, состоящего не в чем ином, как в некотором изображении противоречия». Это место привлекло внимание Ленина, который заметил: «Движение и *«само-движение»* (это NB! самопроизвольное (самостоятельное), спонтаннейшее, внутренне-необходимое движение)... — кто поверит, что это суть «гегелевщины», абстрактной... гегельянщины?? Эту суть надо было открыть, понять... вылущить, очистить, что и сделали Маркс и Энгельс»⁸⁵.

Но положение о саморазвитии, самодвижении предмета как источнике эмфатической диалектики должно лишь оттенить другой, действительно ключевой в концепции западноберлинского автора тезис — о редукции диалектики в «Капитале», знаменующей собой подмену имманентной логики саморазвития *предмета* логикой познающего мышления: «...последовательность (редуцированного) диалектического развития диктуется скорее выбором возможных шагов, соответственно определенной цели этого развития...» Если сформулировать данную мысль в терминах, принятых в современной марксистско-ленинской литературе, то, по существу, здесь утверждается, что в работе «К критике политической экономии» последовательность изложения определяется *объективной* диалектикой, тогда как в «Капитале», по мнению автора, господствует *субъективная* диалектика.

Какова же роль, которая, по мнению Гёлера, отводится противоречиям в редуцированной диалектике? Поскольку

саморазвитие предмета не является здесь ведущим принципом, определяющим структуру изложения, постольку и противоречия — движущая сила этого саморазвития — «утрачивают... динамическую функцию определения последовательности. При такой редукции последовательность категорий... уже не обосновывается больше в первую очередь отчетливо выраженным развитием противоречий; она больше не является следствием непосредственного превращения противоречий самого предмета в теоретическое выражение этих противоречий. Она обосновывается просто эмпирически (видимо, так в данном случае следует понимать употребленное Гёлером слово «sachlich». — А. Ч.) или исторически»⁸⁶. Таким образом, редуцированная диалектика — это диалектика, «только»... без противоречий в качестве движущей силы развития. Комментарии, видимо, излишни.

Возникает вопрос: почему же Маркс пошел на столь решительную «редукцию» диалектики в «Капитале» по сравнению с предшествующими работами? Было ли это его ошибкой? Нет, отвечает Гёлер, причины более глубоки: «...в самом предмете заключаются основания, которые делают вполне понятной редукцию эмфатической диалектики, — дело в том, что она в движении от товара к деньгам в «К критике...» порождает больше проблем, нежели в состоянии разрешить. *В том виде, в каком Маркс представлял себе здесь структуру диалектики, она, очевидно, неосуществима.* С другой стороны... редуцированная диалектика в «Капитале», хотя и позволяет подойти к разрешению некоторых трудностей диалектического развития в «К критике...», все же сохраняет ряд проблем и создает новые трудности. В частности, приобретая большую строгость в развитии формы стоимости, она кое-что теряет при изображении процесса обмена, и прежде всего она отказывается от столь интересной в научно-теоретическом плане претензии на действительно сквозное и последовательное проведение принципа взаимообоснования важнейших

категорий анализа капитализма»⁸⁷. Иными словами, «отход» Маркса от подлинного диалектического рассмотрения предмета — это не свидетельство его методологического просчета, а, если согласиться с автором книги, проявление принципиальной невозможности построения последовательно диалектической системы категорий буржуазного способа производства! Сам Гёлер открыто такого вывода не делает, но он напрашивается из вышеприведенных рассуждений.

Сравнивая «исходные структуры развития от товара к деньгам» в первом выпуске «К критике политической экономии» и всех без исключения изданиях «Капитала», он обращает внимание на то, что в первой названной работе эта исходная структура содержит две ступени анализа, тогда как в «Капитале» таких ступеней уже три: в первом случае — анализ товара и процесса обмена, во втором — анализ товара, формы стоимости и процесса обмена.

Дело в том, говорит Гёлер, что в первом выпуске «К критике политической экономии» отсутствует выделение формы стоимости в самостоятельное звено анализа, она выводится как частный момент процесса обмена⁸⁸; вообще «Маркс всюду рассматривает в «К критике...» товар, деньги и процесс обмена на уровне процесса обмена; на соответствующих этапах в «Капитале» эта повсеместность (*Durchgängigkeit*) процесса обмена снята»⁸⁹.

Далее отмечается, что непосредственное начало, исследование товара, вообще говоря, никакой диалектики в себе не содержит, поскольку здесь мы имеем дело с элементарным анализом: товар «расщепляется» на два фактора — потребительную стоимость и стоимость, затем каждая из сторон товара, взятая сама по себе, ставится в рефлексивное отношение к труду, и мы приходим к двум столь же односторонним характеристикам труда как абстрактного и конкретного. (Действительно, автор прав, диалектики на данном этапе вроде бы пока нет, товар просто рассматри-

вается «с двойкой точки зрения, как потребительная стоимость и как меновая стоимость, всякий раз односторонне», писал Маркс⁹⁰. Буржуазная политэкономия, не прибегая ни к каким «диалектическим ухищрениям», сугубо аналитическим путем еще до Маркса фактически проводила различие между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, а соответственно между качественной и количественной сторонами заключенного в товаре труда⁹¹.)

Диалектика, пишет автор, начинается дальше, в первом выпуске «К критике политической экономии» — с исследования процесса обмена товаров, в «Капитале» — с рассмотрения формы стоимости. Но если в первом случае это эмфатическая диалектика, то во втором — диалектика редуцированная. Значит, «изменение характера диалектического развития» следует связывать с выделением анализа формы стоимости в особый раздел. Таков именно центральный тезис Гёлера. Но почему же Маркс пошел на такое выделение формы стоимости в отдельный параграф 1-й главы I тома «Капитала»?

«Уже в «К критике...», — пишет автор, — вся последовательность форм стоимости явно не интегрируется в развитие определений процесса обмена; в данной работе у Маркса лишь... в отличие от более поздних редакций, на первом плане диалектического развития находится процесс обмена»⁹² в целом, тогда как в «Капитале» форма стоимости трактуется *вне и независимо* от исследования процесса обмена, причем центр тяжести в выведении денег из товара переносится на анализ формы стоимости⁹³. Между тем, поскольку форма стоимости представляет собой по сравнению с процессом обмена лишь «частичную структуру», постольку «в развитии такой частичной структуры процесса обмена — стоимостном отношении товаров — совокупная структура с присущими ей противоречиями еще не обнаруживается явным образом, и уж конечно она не выступает в своей системообразующей функции»⁹⁴,

рассуждает Гёлер. (Маркс, однако, подчеркивал, что «меновая стоимость может существовать только как абстрактное, одностороннее отношение некоторого уже данного конкретного живого целого»⁹⁵, *всецело обусловленное* этим конкретным целым, хотя последнее до поры до времени и не познано, не обнаруживается явным образом. Говоря языком Гёлера, это целое выполняет свою «системообразующую функцию» независимо от того, познано оно или нет, — если следовать марксистскому пониманию соотношения реального и идеального. Западберлинский теоретик, по-видимому, придерживается противоположной точки зрения.)

«Расщепление» содержания процесса обмена на «структуру» формы стоимости и «структуру» собственно процесса обмена приводит, по мнению Гёлера, к изменению характера (а потому и роли в системе) противоречий. Если для исходной структуры процесса обмена в первом выпуске «К критике политической экономии» характерна такая форма противоречия, как «хиазм» (от греческой буквы χ; эту новацию автор вводит, заимствуя термин из риторики, где под хиазмом понимают взаимно перекрещивающееся синтаксическое положение относящихся друг к другу слов или частей речи), то в «Капитале» доминируют уже полярные противоречия типа: потребительная стоимость — меновая стоимость, товар — деньги, относительная форма стоимости — эквивалентная форма.

Однако полярное противоречие, считает автор, не может выполнять системообразующую функцию, ибо «непосредственные определения полярности в форме стоимости, а потому и определения последовательности выведения категорий, логически непротиворечивы»⁹⁶. Но если бы форма теоретического отображения внутренне противоречивого предмета была адекватной этому предмету, то и сама теоретическая система должна была бы быть внутренне противоречивой, стало быть, *логически* противоречивой⁹⁷, рассуждает Гёлер, не замечая, что здесь он подменяет про-

тиворечия *диалектической* логики противоречиями *формально-логическими*. Только разве не сам он справедливо подчеркивал в другом месте, что формальная логика и диалектика «Капитала» несводимы друг к другу?

Если это так, то уместно было бы разделить этот вопрос на два относительно самостоятельных вопроса: во-первых, должно ли внутреннее противоречие предмета познания с необходимостью проявляться в противоречии «структуры» (диалектической логики); во-вторых, даже если ответ на первый вопрос будет утвердительным, потребуется еще доказать, что противоречие диалектической логики должно заявить о себе в виде противоречия формально-логического⁹⁸.

Итак, Маркс пошел на выделение формы стоимости в самостоятельный раздел и тем самым сделал решающий шаг в «редукции» диалектики. Каковы же те объективные трудности, которые побудили автора «Капитала» перестроить структуру отдела о товаре и деньгах по сравнению с первым выпуском «К критике политической экономии»?

2. Еще раз о форме стоимости и процессе обмена в «Капитале»

Гёлер полагает, что основной причиной является «трудность согласования исключительного характера всеобщего эквивалента с перспективой появления в системе категорий фигур товаровладельцев»⁹⁹. Сформулировано довольно туманно, но в другом месте смысл этого высказывания как будто несколько проясняется: «...форма стоимости, если ее обернуть, не растворяется в структуре обмена, а последняя, в свою очередь, не может быть всесторонне описана через форму стоимости и ее переворачивание... «Остаток» на стороне структуры обмена... сводится к аспекту товаровладельцев... «Остаток» на стороне формы стоимости заключается в дифференциации функций потре-

бительной стоимости как средства удовлетворения потребностей и воплощения стоимости»¹⁰⁰.

Последнее утверждение, как представляется, неверно в двух пунктах. Во-первых, Гёлер прямо-таки мистически трактует «функцию потребительной стоимости как воплощения стоимости». Формулу x товара $A = y$ товара B , простую форму стоимости, он трактует таким образом, будто речь здесь идет о некоем «переселении души», т. е. стоимости товара A , в тело, т. е. потребительную стоимость товара B , и в конце концов приходит к выводу, что *потребительная стоимость B есть стоимость A* . Западногерманский исследователь Дитер Вольф в содержательном исследовании новейших гегельянских трактовок диалектического противоречия в «Капитале» показал, что столь своеобразная трактовка Маркса обусловлена тем, что Гёлер не увидел самого важного методологического отличия «Капитала» от работ представителей буржуазной политэкономии (например, Бейли) в понимании формы стоимости — а именно того, что потребительная стоимость товара B не есть стоимость, она только выражает стоимость товара A , причем — и это главное — лишь *потому, что оба эти товара суть стоимости, полюсы одного и того же стоимостного отношения*¹⁰¹. Не заметив этого, Гёлер постоянно путается в элементарных, казалось бы, вещах, отождествляя меновую стоимость и потребительную стоимость.

Во-вторых, утверждение Гёлера неверно еще и потому, что «дифференциация функций потребительной стоимости» в «Капитале» показана Марксом именно в связи с анализом *процесса обмена*, причем именно через вводимые в этот анализ *фигуры товаровладельцев*. На уровне рассмотрения формы стоимости такая дифференциация существует пока в скрытом виде, в потенции: потребительная стоимость там выступает односторонне, только как материальный носитель стоимости, но отнюдь не как полезная вещь, удовлетворяющая какие-либо потребности.

Лишь в процессе обмена товаров, который и совершается с целью удовлетворения определенных потребностей обменивающихся, потребительная стоимость обнаруживает двойственность своих социальных функций (быть «телом» стоимости, с одной стороны, и предметом, удовлетворяющим человеческие потребности,— с другой). Но потребности — это характеристика индивидов, а не вещей, владельцев данных потребительных стоимостей, а не потребительных стоимостей самих по себе.

В буржуазном обществе индивиды выступают как товаровладельцы. Ясно, что для товаров как стоимостей совершенно безразлична как собственная потребительная стоимость, так и потребительная стоимость других товаров, в которых проявляется их стоимость и на которые они могут обмениваться. «Реальное же меновое отношение включает в себя и обмен товарами как *потребительными* стоимостями, т. е. представляет собой реализацию товара как единства потребительной стоимости и стоимости. Анализ этого отношения необходимо требует перехода к олицетворенному товару, поскольку потребительная стоимость соотносится с потребностями людей, участвующих в меновом процессе... Процесс обмена, таким образом, кроме наличия товарного мира предполагает сознательные действия лиц, которые являются владельцами (собственниками) товаров», — пишет В. П. Шкредов¹⁰².

Думается, если бы Гёлер подходил к вопросу о характере взаимоотношения между «частичной структурой» формы стоимости и «совокупной структурой» процесса обмена не с умозрительных позиций, а с точки зрения внутренней связи определений самого предмета, простого обращения, и более полно учитывал то, что говорил Маркс относительно совершенствования изложения некоторых вопросов в «Капитале», то многое стало бы на свои места.

Выше уже приводилось высказывание Маркса о том, что в первом изложении, т. е. в работе «К критике политической экономии», он избегает «трудностей развития» тем

путем, что «собственно анализ *выражения стоимости*» дает «только тогда, когда это выражение выступает уже в развитом виде, как денежное выражение»¹⁰³. О каких «трудностях развития» шла речь? Очевидно, о трудностях развития денежной формы из товарной формы продукта труда, или формы стоимости товара. Почему Маркс решил в первом изложении избежать этих трудностей? Потому что «развитое тело легче изучать, чем клеточку тела», каковой в данном случае является форма стоимости¹⁰⁴. Но что при этом происходит? При этом, по-видимому, объективно закрывается возможность в полной мере раскрыть генезис денежной формы.

Действительно, деньги, как таковые, есть прежде всего такой товар, который выступает как мера стоимостей всех прочих товаров и как средство их обращения. Вне этих двух *качеств* нет денег, они-то и придают деньгам *свойства* сокровищ, средства платежа, мировых денег. Но и сами эти качества денег имеют далеко не однопорядковое значение. Для того чтобы быть средством обращения, денежный товар должен прежде всего быть мерой стоимостей. Иначе говоря, мера стоимостей выступает как наиболее глубокая внутренняя характеристика денег.

Именно *анализ формы стоимости*, раскрывающий генезис всеобщей эквивалентной формы, является теоретической предпосылкой, позволяющей выяснить природу денег как меры стоимостей¹⁰⁵, тогда как *процесс обращения* формирует способность всеобщего эквивалента выступать в роли средства обращения. Два этих раздела I тома «Капитала», таким образом, в совокупности — и *только* в совокупности — дают представление о двух сторонах денег как особого, специфического товара.

Отсюда следует вывод о том, что даже всеобъемлющее исследование процесса обмена в первом выпуске «К критике политической экономии», выполненное в духе «эмфатической» диалектики, само по себе не позволяет в полной

мере объяснить происхождение денег. Между тем как раз в том, что ему удалось показать товарную природу денег, раскрыть глубокую внутреннюю обусловленность феномена денег господством стоимостных отношений в буржуазном обществе, видел Маркс одно из важнейших преимуществ «Капитала» по сравнению с теориями буржуазной политэкономии¹⁰⁶. Отнюдь не случайно подчеркивал он, имея в виду анализ формы стоимости, что «этот раздел слишком важен для всей книги»¹⁰⁷. Но именно этому — с теоретической точки зрения важнейшему — разделу Гёлер отказывает в «праве на существование» в рамках общей структуры «Капитала»!

Для того чтобы подкрепить свой тезис логическими рассуждениями, автору нужно, однако, доказать обратное тому, о чем шла речь до сих пор. А именно, вместо того чтобы говорить о *несводимости* друг к другу процесса обмена и формы стоимости, следует доказывать, скорее, что процесс обмена *не выводится, не вытекает* из анализа формы стоимости.

Это и пытается сделать Гёлер, когда он формулирует и стремится обосновать тезис о том, что процесс обмена невозможно «вывести» из предшествующего исследования формы стоимости и поэтому Маркс искусственно вводит в анализ фигуры товаровладельцев; как следствие единой логики в развитии теории теперь не получается, а потому складываются две самостоятельные линии: «линия развития, представляющая собой анализ структуры и ведущая от замкнутой круговой структуры и противоречий процесса обмена через фигуры товаровладельцев к деньгам, и линия, отражающая в большей мере историческое развитие, которая от непосредственного продуктообмена приводит к денежной форме...»¹⁰⁸.

Тут сразу все становится на свои места. Во-первых, выясняется, что автор, хотя и выступает против гегельянской интерпретации «Капитала», которая стремится свести вопрос о характере и последовательности переходов в теоре-

тической системе Маркса к саморазвитию понятия, сам тем не менее занимает сходную позицию.

Из анализа формы стоимости вытекает необходимость отношения товаров, один из которых в этом отношении выступает как воплощенная стоимость, другой — как форма проявления этой стоимости. Объективируясь в другом товаре, стоимость только и может себя реализовать. Процесс этой самореализации стоимости и есть процесс обмена. Что же касается товаровладельцев, то они, как уже отмечалось, выступают здесь только как олицетворенные, персонифицированные товары. «Лица существуют здесь одно для другого лишь как представители товаров, т. е. как товаровладельцы. В ходе исследования, — указывает Маркс, — мы вообще увидим, что характерные экономические маски лиц — это только олицетворение экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу»¹⁰⁹. Персонификация заложена в природе товара, поскольку он — не вещь, а общественное отношение, следовательно, отношение между людьми.

Таким образом, фигуры товаровладельцев Маркс вовлекает в исследование не по собственному произволу, но лишь потому, что необходимость этого шага уже обоснована предшествующим ходом развития мысли. Причем фигуры эти выступают здесь только в односторонней, абстрактной определенности «одушевленных товаров». Маркс, как справедливо подчеркивает В. Шварц, «строит свою аргументацию, основываясь не на произвольных «деяниях» товаровладельцев, а на «законах товарной природы», которые объективно реализуются в этих «деяниях». И эти законы представляют собой не что иное, как то, что уже рассматривалось в связи со всеобщей формой стоимости III и IV (в 1-м издании): необходимость всеобщего эквивалента для обеспечения всеобщей сравнимости стоимостей товарного мира между собой»¹¹⁰.

Что же не устраивает Гёлера? С логической точки зрения переход от формы стоимости к процессу обмена сомнений,

кажется, не вызывает. У него — это как раз и позволяет заподозрить Гёлера в гегельянстве — внутренний протест вызывает то обстоятельство, что Маркс в данном случае просто прибегает к эмпирическому факту наличия в реальной действительности товаровладельцев, а не «выводит» индивидов в этой определенности из «понятия». Между тем если апелляция к экономическим реалиям носит не произвольный характер, а всецело обоснована теоретически, как это и имеет место у Маркса в данном случае, то здесь нет никакого отступления от диалектико-материалистического метода.

Напротив, как подчеркивал В. И. Ленин, диалектический переход (в отличие от недиалектического) именно и характеризуется скачком, противоречивостью, перерывом постепенности¹¹¹. Иначе говоря, переход от одного уровня абстракции к другому не может осуществляться путем плавного «перетекания» содержания того или иного понятия в новую оболочку. Он предполагает вовлечение в исследование нового круга отношений, существующих в действительности. Именно этого не видит Гёлер, причем «виноват» во всем снова Гегель, который, снова сошлемся на Ленина, «вовсе *скрал... главное: (NB) бытие вещей вне сознания человека и независимо от него...*»¹¹².

Нет в «Капитале» и отхода от сформулированного раньше, еще в «Grundrisse», понимания этого метода, при котором «субъект — общество — должен постоянно витать перед нашим представлением как предпосылка»¹¹³. В «Главе о деньгах» рукописи 1857—1858 гг. Маркс, говоря о необходимости «исправить идеалистическую манеру изложения, которая может породить видимость, будто речь идет лишь об определениях понятий и о диалектике этих понятий», как раз имел в виду тот раздел своего труда, где показывается, как «продукт (или деятельность) становится товаром, товар — меновой стоимостью, меновая стоимость — деньгами»¹¹⁴. Сегодня же находятся авторы, ко-

торым вроде бы нельзя отказать в хорошем знании текстов Маркса, проходящие мимо этого известного высказывания и трактующие исправление «идеалистической манеры изложения» как «редукцию» диалектики!

Однако тезис автора о «редукции» опровергается в его же собственной книге, где рассматривается развитие от формы стоимости к денежной форме в «Капитале»: «...развитие форм стоимости... и реконструкция денежной формы из формы стоимости, взятые сами по себе, представляют собой диалектическое выведение... Функцией анализа формы стоимости ...является разработка в рамках более общей совокупной структуры конститутивных взаимосвязей между частичными структурами с целью реконструкции в рамках процесса обмена денежной формы из основной структуры простой формы стоимости»¹¹⁵.

Итак, все же «диалектическое выведение»? Впрочем, Гёлер тут же оговаривается, что диалектическим анализ формы стоимости можно назвать лишь в весьма ограниченном смысле, поскольку преобладает в этом анализе такой способ рассмотрения предмета, при котором ни противоположность элементов структуры, в силу полярного характера противоречий между ними, ни переходы от одной ступени исследования к другой, последующей, не порождают логических противоречий¹¹⁶. В развитии от простой формы стоимости к денежной мы имеем дело, по мнению автора, не с «движением «самого предмета» (в духе эмфатической диалектики), а с генетической реконструкцией (в смысле редуцированной диалектики)»¹¹⁷.

Об ошибочности — или, по крайней мере, бездоказательности — утверждений Гёлера о том, что внутреннее противоречие предмета обязательно должно проявляться в виде (формально-)логического противоречия, уже говорилось выше. Можно лишь отметить, что сам Гёлер, стремясь доказать свой тезис, приводит неудачный пример. Он считает, что противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью — это логическое противоречие, в осно-

ве которого лежит противоречие самого предмета. Однако, как справедливо заметил Д. Вольф, здесь нет никакого формально-логического противоречия: по Марксу, не потребительная стоимость есть *в то же время* стоимость, а товар есть, *с одной стороны*, потребительная стоимость, а *с другой* — стоимость¹¹⁸. Внутреннее противоречие, таким образом, отнюдь не всегда должно выражаться в противоречии формально-логическом.

Что же касается тезиса о подмене эмфатической диалектики, т. е. такого типа построения системы категорий, который ориентируется на *саморазвитие, самодвижение* предмета, генетической реконструкцией, понимаемой в смысле «субъективной» логики, то тут дело обстоит сложнее.

Действительно — и это отмечалось и в советской литературе, — поскольку в 1-й главе I тома «Капитала» «меновые отношения товаров были лишь мысленными, теоретическими» и «товары приводились в отношение друг с другом субъективно, самим исследователем», постольку «изложение вопроса о форме стоимости можно... рассматривать как «субъективную» диалектику, ибо оно еще не отражало обмен товаров как процесс. В главе I сам исследователь приводил холст то в отношение только с одним товаром, то со всеми остальными товарами, то «перевертывал» уравнение стоимости»¹¹⁹. Но столь же недвусмысленно подчеркивалось и то обстоятельство, что субъективной эта диалектика может быть названа лишь в кавычках, ибо в основе ее лежит реальный и беспрестанно совершающийся в пределах сферы буржуазного обмена объективный процесс, «результатом которого является постоянное воспроизведение товара и денег как необходимых элементов капиталистической экономики»¹²⁰. Поэтому и переходы от одной ступени анализа формы стоимости к другой определяются объективно, развитием и углублением имманентной товару противоположности потребительной стоимости и стоимости. В советской литературе справедливо обраща-

лось внимание на то, что «структуру товарного отношения (противоречия товара) образуют два уровня: феноменальный и сущностный»¹²¹. Внутреннее, или сущностное, противоречие — между потребительной стоимостью и стоимостью товара — проявляется во внешнем противоречии — между относительной формой стоимости и эквивалентной формой, между стоимостью одного товара и являющейся ее «зеркалом» потребительной стоимостью другого товара.

Таким образом, речь здесь идет о «субъективной» диалектике, в основе которой — диалектика самого предмета¹²². В этом проявляется, с одной стороны, относительная самостоятельность мышления, с другой стороны, его обусловленность самодвижением, саморазвитием предмета¹²³.

Есть ли какая-либо закономерность в определенном сочетании объективной и «субъективной» диалектики в «Капитале», или же речь идет о чисто субъективном — на сей раз без всяких кавычек — выборе Марксом тех или иных приемов исследования, как пытается представить дело Гёлер? На наш взгляд, такая закономерность есть, причем она относится к числу самых общих закономерностей научного познания, так что дело здесь отнюдь не в «отказе» Маркса от подлинной диалектики.

Гёлер прав, когда стремится доказать, что противоречие составляет «живую душу», сущность всякого явления, в том числе и процесса обмена. Но ведь эта сущность не лежит на поверхности явлений, к ней еще надо «пробиться»! На первом этапе восхождения от абстрактного (товар) к конкретному (простое обращение) именно исследователь должен взять на себя задачу выявления в дремлющей в товаре противоположности между потребительной стоимостью и стоимостью тех ростков, которые разовьются в противоречие процесса обмена. Исследователь сам мысленно расщепляет предмет (например, выделяет в товаре потребительную стоимость и меновую стоимость), ставит анализируемые предметы в определенное отношение

друг к другу (например, меновое отношение между товарами). Подобные ступени исследования и изложения можно назвать «субъективной» диалектикой,— конечно, если действительно таким путем установлены диалектические моменты (единство противоположностей, внутренние противоречия, переходы количества в качество и т. д.). Как только раскрыта сущность простого обращения, его внутреннее противоречие, дальше уже сам предмет, его саморазвитие, определяет логику изложения, характер переходов от одной ступени исследования к другой, от одной категории к последующей. Отсюда — сосуществование двух типов диалектики в «Капитале» (с присущим каждому из них статусом противоречия и соотношением внутренних противоречий предмета и их отражения в логике изложения). Еще в «Grundrisse» на примере абстрактного труда Маркс показал, что лишь на стадии исследования сущности капиталистического способа производства эта характеристика труда дана, положена самим предметом, «между тем как при рассмотрении абстрактных определений меновой стоимости, обращения, денег» она еще «относится больше к нашей *субъективной рефлексии*»¹²⁴. Представляется, что здесь самим Марксом отчетливо выражена идея о необходимости сочетания объективной и «субъективной» диалектики.

В том конкретном случае, о котором рассуждает Гёлер,— в параграфе о форме стоимости — мы имеем дело, если употребить его собственное выражение, с такой «структурой, в которой... взаимовлияют друг на друга диалектика объекта, диалектика субъекта и субъект-объектная диалектика»¹²⁵, с *единством* объективной и субъективной диалектики.

С точки же зрения правоверного гегельянца, можно говорить самое большее об их *тождестве*, ибо, по Гегелю, мышление лишь отображает, «копирует» движение предмета. Поэтому там, где марксистско-ленинская теория обнаруживает развитие диалектического метода¹²⁶, Гёлер

видит лишь «редукцию» диалектики, низведение ее до уровня диалектики «понятий».

Приходится констатировать, что попытка Гёлера доказать тезис о «редукции» диалектики у Маркса оказалась неудачной. Скорее, он сам продемонстрировал «редуцированное» понимание теории и метода «Капитала». Отождествление субъективной логики с логикой формальной, трактовка параграфа о форме стоимости как некоего исторического экскурса в рамках теоретического исследования, во многом связанное с этим непонимание роли и места данного раздела в структуре теории товара и денег у Маркса и некоторые другие особенности трактовки Гёлером рассматриваемых им проблем, но прежде всего гегельянские представления о возможностях и формах реализации принципа саморазвития (и самораскрытия) предмета в теоретической системе не позволяют автору верно интерпретировать эволюцию метода Маркса в процессе его работы над I томом «Капитала» (1859—1872).

В то же время эта монография, написанная отнюдь не с марксистских позиций, безусловно, ценна — уже потому, что «умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм»¹²⁷.

Работа Гёлера — серьезное исследование, в котором впервые в научной литературе поставлено под сомнение и, по существу, опровергнуто ходячее представление о том, что от «Grundrisse» до «Капитала» Маркс практически не продвинулся вперед в разработке собственного метода¹²⁸. Выдвигая на первый план проблему начала теоретической системы «Капитала», западноберлинский исследователь объективно подтверждает правильность высказывания Маркса о том, что, хотя для непосвященного анализ формы стоимости «покажется просто мудрствованием вокруг мелочей», речь идет о мелочах «такого рода, с какими имеет дело, например, микроанатомия»¹²⁹. Для понимания и творческого освоения методологии Маркса они имеют первостепенное значение.

При рассмотрении этих «мелочей», однако, существенно важно помнить одно принципиальное высказывание Маркса, который, имея в виду Дюринга, писал: «Он очень хорошо знает, что мой метод исследования *не* тот, что у Гегеля, ибо я — материалист, а Гегель — идеалист»¹³⁰. Перефразируя известный ленинский афоризм, можно сказать, что автор «Капитала» стремился здесь подчеркнуть: в выражении «материалистический метод» слово «материалистический» отнюдь не является прилагательным, оно в той же мере «существительное», как и «метод». Забвение данного обстоятельства — коренная ошибка Гёлера.

Ознакомившись с современными гегельянскими трактовками двух ключевых проблем метода «Капитала», остающихся дискуссионными и в марксистско-ленинской литературе, — проблемы исторического и логического и содержания исходного пункта диалектической системы категорий марксистской политической экономии капитализма, читатель теперь легче поймет истинный смысл и значение концепции, замысел которой более масштабен. Он заключается в том, чтобы перестроить (на гегелевских принципах) *всю* экономическую теорию Маркса. Именно такую цель ставил перед собой японский экономист Козо Уно; его взгляды станут предметом рассмотрения в следующей главе.

Глава 5

ЧТО ТАКОЕ «ТЕОРИЯ ЧИСТО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА»?

Как в советской, так и в зарубежной литературе последних десятилетий практически нет работ, посвященных истории и современному состоянию дискуссий по теоретическим и методологическим проблемам марксизма в Японии¹³¹. Между тем Япония — первая несоциалистическая страна, где на основе 2-го издания Сочинений К. Маркса

и Ф. Энгельса выпущено в 70—80-е гг. не уступающее ему по полноте издание произведений основоположников марксизма, осуществлено 15-томное издание уникального «Марксова лексикона по политической экономии», в котором параллельно на японском языке и языке оригинала собраны в хронологическом порядке все известные высказывания Маркса по тем или иным проблемам политической экономии¹³².

В университетах страны работает значительное число исследователей, специально занимающихся вопросами истории, теории, методологии марксистской политической экономии¹³³. В противовес «Теоретической экономической ассоциации» («Рирон кэйдзай гаккай»), объединяющей представителей различных направлений буржуазной политэкономии, создана и функционирует «Экономическая теоретическая ассоциация» («Кэйдзай рирон гаккай»), куда входят ученые, в той или иной степени ориентирующиеся в своих исследованиях на теорию Маркса. В 1985 г. создано и действует «Общество молодых исследователей Маркса и Энгельса», объединившее академическую молодежь, специально занимающуюся изучением наследия основоположников марксизма, публикуемого в Полном собрании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языке оригиналов (МЭГА). Отдельные публикации на европейских языках свидетельствуют не только о серьезном интересе, но и о широте и глубине дискуссий вокруг наследия Маркса в современной Японии¹³⁴.

Растет и международный авторитет японских специалистов по Марксу — напомним, что в спорах по проблеме трансформации не последнюю роль играют работы Мичио Моришимы (он, в свою очередь, опирался на некоторые выводы Нобуо Окишио). В 80-е же годы в международный научный оборот все активнее вводится концепция покойного ныне Козо Уно, в которой его последователи на Западе видят не просто более или менее оригинальную трактовку ряда важных методологических проблем экономиче-

ского учения Маркса, но «универсальную парадигму, дающую ясные и последовательные ответы по всем фундаментальным проблемам марксистской теории и ориентировку для понимания всех направлений марксистской науки об обществе»¹³⁵, — парадигму, которая должна заполнить вакуум, образовавшийся в «неомарксистской» литературе после крушения школы Альтюссера¹³⁶, стать методологией, «способной абсорбировать любой позитивный вклад в... познание законов общества и истории... объединить марксистскую науку об обществе»¹³⁷.

Козо Уно был профессором Токийского университета, он — автор многих монографических исследований по проблемам марксистской политической экономии, в послевоенный период на его идеях выросла целая плеяда исследователей, так что ныне «уноисты» представляют собой одно из наиболее влиятельных направлений «неортодоксального» марксизма в японских академических кругах — наряду с «ортодоксальной школой», школой «гражданского общества» и некоторыми другими направлениями, обозначившимися в японском экономическом и философском марксизме. Благодаря переводу на английский язык труда Уно «Принципы политической экономии. Теория чисто капиталистического общества»¹³⁸, а также усилиям его последователей и пропагандистов на Западе, среди которых прежде всего нужно назвать обосновавшегося в Канаде профессора Томаса (Томохико) Сэкине, разработанная им на основе специфической интерпретации Марксовой теории концепция ныне постепенно приобретает сторонников. Более того, Уно уже спешат поставить в ряд крупнейших теоретиков марксизма¹³⁹. Все это побуждает нас в настоящей работе остановиться на анализе существа взглядов японского исследователя и его сторонников.

Структура книги Уно в общем и целом воспроизводит структуру труда Маркса: теория «чисто капиталистического общества» распадается на три части — «теорию обращения» (куда входит цепочка товар — деньги — капитал),

«теорию производства» (сюда отнесены вопросы, составляющие предмет четырех последних отделов I тома и всего II тома «Капитала») и, наконец, **«теорию распределения»** (здесь рассматривается проблематика III тома произведения Маркса). Им предпослано общее введение, в котором японский теоретик кратко, в предварительном порядке определяет предмет и метод политической экономики.

Основная цель, которую ставил перед собой Уно, заключалась, как пишет переводчик и комментатор его труда Сэкине, в том, чтобы **«произвести свободные видоизменения в теории Маркса и таким путем придать ей более глубокий смысл»**. Как полагает Сэкине (на которого мы в нижеследующем изложении не раз будем ссылаться, ибо он, будучи горячим сторонником Уно, взял на себя труд расставить точки над «и» в некоторых, преимущественно методологических, вопросах), опровергнуть Уно можно **«лишь в том случае, если он противоречит сам себе, но отнюдь не в том случае, когда он противоречит Марксу»**¹⁴⁰. Ниже мы попытаемся показать, однако, что именно в тех пунктах, где японский профессор, как представляется, вступает в противоречие с методом Маркса, возникают внутренние противоречия также и между намерениями и действительным смыслом его рассуждений.

1. Буржуазное общество как «реальный субъект» (Маркс) и диалектика производства и обращения по Уно

Неправильно было бы полагать, что все выдвинутые Уно положения неверны. Напротив, в его концепции, как и во взглядах Бакхауза, Гёлера, есть интересные высказывания и верные оценки. Но когда они абсолютизируются автором, то превращаются в свою противоположность.

Каковы же сильные стороны теории **«чисто капиталистического общества»**? Прежде всего и главным образом это — акцент на то, что внутренние противоречия предме-

та, капиталистического способа производства, их движение, развитие определяют структуру, содержание и метод политической экономии капитализма. «Диалектика капитала... не что иное как самораскрывающаяся логика капитала,— пишет Сэкине.— Последний выступает и как объект, и как субъект. Здесь нельзя не заметить сходства между диалектикой капитала (Уно.— А. Ч.) и «Логикой» Гегеля; Гегель и Уно прибегают к помощи одного и того же диалектического метода, разница лишь в том, что если для Гегеля субъект-объектом был «разум», то для Уно это — «капитал»¹⁴¹. Этот метод определяется самим предметом, он в корне противоположен принятому в буржуазной политэкономии субъективному методу, который «не определяется (и не может определяться) природой самого предмета как субъекта, но является набором норм... не свободных от оценочных суждений»¹⁴².

Сэкине вслед за Уно излагает здесь принцип, ясно сформулированный автором «Капитала». Маркс, как известно, в рукописи «Введение» (1857), размышляя о структуре и методе своего будущего труда, писал: «Как вообще во всякой исторической, социальной науке, при рассмотрении поступательного движения экономических категорий нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове субъект — здесь у нас современное буржуазное общество — есть нечто данное и что категории выражают поэтому формы наличного бытия, определения существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта... Это соображение следует иметь в виду, потому что оно сразу же дает решающие указания относительно расчленения предмета»¹⁴³.

Диалектическое рассмотрение капиталистического способа производства, считал Маркс, должно представить его в качестве реального субъекта. Применительно к системе общественных отношений термин «субъект» звучит непривычно, хотя таким образом лучше всего передается то, что под воздействием внутренних противоречий капитал нахо-

дится в состоянии постоянного превращения и самообновления, в результате которого происходит становление и развитие экономических форм (товара, денег, прибавочной стоимости и т. д.) и всего капиталистического способа производства как целого. Это есть *внутренняя диалектика предмета* как «реального субъекта».

Предмет, «субъект», т. е. в теории Маркса капитал, предстает как процесс: «Капитал — это вовсе не простое отношение, а *процесс*, в различных моментах которого он всегда остается капиталом»¹⁴⁴. Но любой экономический процесс совершается при определенных материальных и социальных условиях. Постоянное повторение процесса предполагает поэтому воспроизведение соответствующих условий.

Капитал как «реальный субъект», обладающий внутренней объективной диалектикой, «исходя из самого себя, сам создает предпосылки своего сохранения и роста»¹⁴⁵. Диалектический характер экономических процессов состоит в том, что предпосылки становятся текущими, превращаются в собственные результаты капиталистического способа производства¹⁴⁶.

Отдельные категории — товар, деньги, процесс производства прибавочной стоимости т. д. — являются теоретическим, мысленным отображением этого процесса становления капитала. Это не произвольные абстракции, а определенные производственные отношения, представленные в качестве соответствующих экономических категорий. Сэкине прав, замечая: «Самоабстрагирование и самосинтезирование заложены в природе предмета, и... мышление просто следует за самодвижением объективной реальности, копирует его...»¹⁴⁷ Выше, знакомясь с концепцией Гёлера, мы, однако, видели, что само по себе признание системообразующей роли внутренней диалектики капиталистического способа производства в научной теории Маркса, если оно не сопровождается верным пониманием места и значения «субъективной» диалектики, может приводить (и при-

водит) к искаженному пониманию реализованного в «Капитале» метода. Об этом же свидетельствует предпринятая профессором Уно корректировка структуры I тома «Капитала», в частности его высказывание относительно места анализа труда как субстанции стоимости. О чем же идет речь?

Известно, что Маркс уже в 1-й главе I тома «Капитала» сводит двойственность товара к двойственному характеру заключенного, овеществленного в товаре труда. Этот вывод как раз и не устраивает Уно, ибо, с его точки зрения, он преждевременен, так как не может еще быть здесь обоснован самодвижением предмета. Почему? Потому что предмет первых двух отделов I тома «Капитала» — товар и деньги как моменты «простого обращения, или обмена товаров»¹⁴⁸, поверхностная сфера буржуазной экономики. «...Процесс производства товара на данной стадии еще не анализируется... производство товаров, или процесс производства капитала, может быть рассмотрено только после развития понятия товарной формы в понятие капитала», — рассуждает Уно¹⁴⁹. Посылка справедливая, и из этой посылки делается следующий вывод: «...трудовая теория стоимости (имеется в виду ее основное положение о том, что стоимость товара определяется абстрактным человеческим трудом.— А. Ч.) должна быть обоснована в контексте процесса производства капитала, а не в контексте обмена товаров...»¹⁵⁰ Действительно, в чем же иначе может заключаться основополагающий принцип исторического материализма — принцип примата производства — применительно к экономической теории? Однако западноберлинский «неомарксист» В. Ф. Хауг в пособии для изучающих «Капитал» заметил: «Первое, что спонтанно возникает в головах многих левых студентов, — идея о том, что научно-материалистическая и радикальная постановка вопроса требует, конечно, начинать не со сферы обращения, а с производства... только тот, кто начинает с производства, — последовательный материалист». Но «для того чтобы пе-

рейти от рассмотрения процесса труда к рассмотрению процесса увеличения стоимости... необходимо, очевидно, уже представлять себе, что такое *стоимость*»¹⁵¹.

Обращение к истории создания «Капитала» позволяет лучше уяснить, кто же в данном случае ближе к истине — Уно или Хауг. Ключевую роль при этом должны сыграть рукописи 1857—1859 гг., в которых Маркс настойчиво вел поиск исходной категории будущей системы и в этой связи решил вопрос о месте рассмотрения стоимости, ее соотношении с анализом производства.

Первоначально Маркс шел от общих представлений об исходном понятии теории, сложившихся у него, прежде всего, под влиянием материалистического понимания истории (примат производства общественной жизни), ко все более четкому его определению.

Первый этап был связан с намерением Маркса начать изложение с раздела о «производстве вообще», причем большую роль в нем должно было играть понятие «труд вообще». Обоснование этого решения представлено во «Введении». Такое начало отвечало в определенной мере традиции изложения экономической системы¹⁵². На этом этапе Маркс не порывал с ней, хотя и внес в ее понимание существенный момент. Во-первых, он отмежевался от такого рассмотрения производства, которое было бы изолировано от исследования других сфер экономической жизни общества. А во-вторых, он обратил внимание на специфически исторический характер категорий «производство вообще», «труд вообще», о чем уже говорилось в предыдущем разделе книги, в связи с критикой трактовки Ходжсоном категории «абстрактный труд». Выяснилось, что такая простейшая абстракция, как «труд вообще», может быть верно понята лишь в контексте исследования экономического строя современного буржуазного общества. Маркс формулирует следующий вывод: «Этот пример с трудом убедительно показывает, что даже самые абстрактные категории, несмотря на то что они — именно

благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах»¹⁵³.

Для Маркса было совершенно очевидно, что, говоря о производстве вообще и труде вообще, он всюду — в отличие от буржуазных экономистов — ведет речь о понятиях, абстракциях, порожденных изучением капиталистического способа производства. Не вполне пока ясно было другое: как показать это отличие в понимании простейших абстракций, не предвосхищая всего дальнейшего изложения? как осуществить диалектический, а не чисто формальный, в духе буржуазной науки, переход от этих простейших абстракций к дальнейшим, более развитым категориям, характеризующим капитал как «исходный... и конечный пункт» теоретической системы?

Критика сочинения Даримона позволила Марксу дать ответ на вопрос о посредствующих звеньях при переходе от производства вообще к капиталу. Ключевая роль в этом переходе, как ему окончательно становится ясно, принадлежит категории денег.

В «Главе о деньгах» рукописи Маркс составил набросок плана своего труда, исходящий из полученных выводов. Согласно этому наброску, предметом первого раздела, или первой главы, следующей за «Введением», выступают меновые стоимости, деньги, цены, которые рассматриваются лишь как «определения общественного производства», причем «само это производство является лишь предпосылкой»¹⁵⁴. Кроме того, Маркс обосновывает необходимость перехода от абстрактных определений товара к анализу внутренней структуры производства. Он отмечает, что в реальной действительности такое положение, когда производство является чем-то внешним по отношению к товарообмену, существует лишь при докапиталистических способах производства, когда обменивается только излишек про-

дукта, обмен не охватывает и не определяет производства в целом, последнее «лежит вне мира меновых стоимостей». В «развитом» же, т. е. капиталистическом, обществе «наличный мир товаров» с необходимостью «выходит за свои пределы, указывая на такие экономические отношения, которые положены как *производственные отношения*»¹⁵⁵. Исследование этих последних и есть исследование внутренней структуры производства.

Переход от «Введения», где был начат (но не завершен) анализ категории «производство вообще», к «Главе о деньгах» для Маркса был вполне ясен: через понятие разделения труда. Разделение труда в общественном масштабе порождает обмен, обмен же, развиваясь, приводит к превращению товара во всеобщую форму продукта труда, а денег — во всеобщую форму общественной связи¹⁵⁶. Но поскольку деньги есть не что иное, как самостоятельная форма существования стоимости, то Маркс и приходит к выводу: «...в системе буржуазного общества за стоимостью непосредственно следует капитал»¹⁵⁷, т. е. определяет характер перехода от «производства вообще» к понятию капитала.

Этот вывод сделан уже в начале «Главы о капитале», а несколько далее содержится еще одно весьма примечательное высказывание, уточняющее эту мысль: «Для того, чтобы развить понятие капитала, — пишет Маркс, — нужно исходить не из труда, а из стоимости, и притом из меновой стоимости, уже развитой в движении обращения»¹⁵⁸.

Данное высказывание Маркса не свидетельствует о его отказе от раздела о «производстве вообще», как и о том, что к началу работы над «Главой о капитале» в качестве исходного пункта формирующейся теоретической системы он уже рассматривал стоимость. Во-первых, «меновая стоимость, уже развитая в движении обращения» — это определение денег, во-вторых, гораздо дальше в тексте той же «Главы о капитале» содержатся весьма недвусмысленные высказывания, из которых следует, что «производство

вообще» по-прежнему рассматривается Марксом как неотъемлемый элемент, как начало его экономического произведения¹⁵⁹. Единственное уточнение заключается пока в том, что речь идет уже не об общем введении, а о главе о производстве.

Только к концу работы над «Grundrisse» Маркс вполне определенно пришел к выводу о том, что «первая категория, в которой выступает буржуазное богатство, это — *товар*», причем рассмотрением товара он намеревался открыть теперь уже действительно 1-ю главу — «Стоимость»¹⁶⁰.

Причинами такого существенного пересмотра складывавшегося поначалу представления об исходном пункте теоретической системы были следующие обстоятельства. Прежде всего, фундаментальное открытие Маркса, заключавшееся в том, что процесс производства капитала есть нечто двойственное, а именно процесс труда и процесс увеличения стоимости¹⁶¹, проведенный в «Главе о капитале» вчерне анализ двух этих сторон процесса капиталистического производства сделали, очевидно, излишними рассуждения о производстве вообще, которые предвзяли бы более детальное рассмотрение простых моментов процесса труда в «Главе о капитале». Далее, именно при таком подходе, когда процесс труда (а это, на наш взгляд, и есть «труд вообще») с самого начала выступает как момент общественного производства, покоящегося на капитале, стало возможным решение проблемы, о которой говорилось выше: как показать, что абстракции «производство вообще», «труд вообще» представляют собой мысленные слепки специфически капиталистических производственных отношений. И наконец, именно осознание того, что капиталистический процесс производства есть, с одной стороны, процесс создания потребительной стоимости, а с другой — стоимости (и прибавочной стоимости), побудило Маркса ретроспективно усилить акцент на изображении двойственности самого продукта этого процесса.

Так — уже в процессе подготовки первого выпуска «К критике политической экономии» — он приходит к выводу о том, что и называться эта первая глава должна «Товар»¹⁶².

Полагаем, предпринятый экскурс в историю создания «Капитала» позволяет утверждать, что взгляды Уно прежде всего расходятся с представлениями Маркса о соотношении производства и обращения в его теоретической системе и месте в ней категории «стоимости». Но если бы дело было только в этом!

Обрывая анализ товара задолго до его решающего пункта — вывода о том, что в качестве стоимостей товары суть «кристаллы... общей им всем общественной субстанции», абстрактно человеческого труда¹⁶³, — японский исследователь, во-первых, тем самым лишает себя возможности решить проблему происхождения денег материалистически, следуя духу марксистской экономической теории. В самом деле (как мы уже видели при рассмотрении взглядов Гёллера), если из анализа формы стоимости исключить то решающее обстоятельство, что и находящийся в относительной форме стоимости товар *A*, и выступающий в роли эквивалента товар *B* суть продукты человеческого труда, то единственным связующим звеном между ними будет *воля* обменивающихся. Так именно и получается у «уноистов». «Сэкине показывает, что простая форма стоимости есть *субъективное* выражение стоимости, — прямо заявляет Олбриттон. — *Товаровладелец A выражает стоимость того товара, который ему не нужен, в потребительной стоимости того товара, который ему необходим...* Прежде всего — и это главное, — здесь мы имеем дело не просто с равенством двух товаров, но с *субъективным* выражением, начинающимся с «мне необходимо...» Итак, *диалектика начинается с рассмотрения активного субъекта, стремящегося к обмену*»¹⁶⁴. Надо ли говорить о том, что такое понимание роли «субъекта» весьма отличается от Марксовой трактовки капиталистического способа производства как

реального субъекта политической экономии и расходится с обоснованным в «Капитале» взглядом на товаровладельцев как персонифицированные товары! ¹⁶⁵

Во-вторых, Уно, преждевременно оборвав анализ товара, не может вследствие этого раскрыть внутреннюю необходимость перехода от исследования товара и денег, простого обращения к исследованию процесса производства прибавочной стоимости, т. е. обосновать необходимый характер связи между «доктриной обращения» и «доктриной производства».

«Простое обращение,— писал Маркс,— является... абстрактной сферой буржуазного процесса производства в целом, которая посредством своих собственных определений показывает себя как момент, как всего лишь форму проявления некоторого лежащего позади обращения, из него вытекающего и его производящего более глубокого процесса — промышленного капитала» ¹⁶⁶. Важнейшим из таких «определений» и является определение труда как субстанции стоимости.

Продолжив рассмотрение двойственной природы товара до вывода о том, что субстанцией его является *абстрактный труд*, Маркс тем самым ретроспективно устанавливает связь между сферой простого обращения товаров и тем процессом, в котором они снова и снова создаются. Иначе говоря, он показывает, что анализ товара *должен* привести к исследованию труда, производства, причем именно той его конкретно-исторической формы, продуктом которой является *товар*. Ход рассуждений Маркса соответствует объективной реальности: движение капитала представляет собой единство процессов капиталистического производства и обращения, и в рамках этого живого конкретного единства, как продемонстрировал Маркс во «Введении», процесс обращения составляет момент процесса производства, а последний — момент процесса обращения капитала ¹⁶⁷.

То обстоятельство, что Уно в данном вопросе отказывается последовать за Марксом, не только отрицательно от-

ражается на стройности его концепции, но приводит и к гораздо более серьезным последствиям. Японский исследователь помимо своей воли и желания попадает в лагерь сторонников пресловутой меновой концепции¹⁶⁸. Справедливо отмечая, что «продукты не всегда являются товарами»¹⁶⁹, т. е. обнаруживая понимание исторического характера товарной формы продукта труда (и основанного на ней буржуазного общества в целом), Уно в то же время фактически отрицает исторически преходящий характер системы производства, на которой покоится буржуазная экономика. «Товары, включая и тот из них, который становится деньгами...— рассуждает он,— созданы в процессе производства. Этот процесс производства, разумеется, должен соответствовать формам обращения (товар, деньги, капитал), но это не делает его полностью отличным от процесса производства в предшествующих обществах. Напротив, скорее процесс производства, являющийся субстанциональной основой любого общества, подчиняется капиталу, причем товарный характер экономики становится всеобщим свойством исторически конкретной формы общества»¹⁷⁰. Итак, следование внутренней диалектике капиталистического способа производства непостижимым образом приводит автора к «производству», лишенному каких бы то ни было конкретно-исторических черт и особенностей.

Однако такое «производство вообще — это абстракция... Определения, имеющие силу для производства вообще, должны быть выделены... для того, чтобы из-за единства, которое проистекает уже из того, что субъект, человечество, и объект, природа,— одни и те же, не были забыты существенные различия», отмечал Маркс во «Введении»¹⁷¹. «Определениями, имеющими силу для производства вообще», являются те характеристики, которые установлены в ходе проведенного Марксом анализа простого процесса труда как процесса создания *потребительных стоимостей*¹⁷². Между тем Уно надлежало бы раскрыть именно

те моменты, стороны процесса производства, которые характеризуют его как процесс созидания *стоимостей*, — с тем чтобы раскрыть связь между отношениями производства и отношениями обращения в буржуазном обществе.

Но автор теории «чисто капиталистического общества» уже не в силах побороть инерцию. По видимости преодолевая возникшее затруднение, он обнаруживает, что труд характеризуется известной двойственностью при любой общественной системе производства, т. е. этой двойственностью изначально обладает «процесс производства вообще». «С тех пор, как Маркс впервые указал на... двоякую определенность труда как на «двойственный характер овеществленного в товарах труда»... его вывод часто интерпретировали неверно — будто только труд, производящий товар, обладает этой двойственностью, — утверждает Уно. — Напротив, такая двойственность вообще присуща труду в любом обществе... хотя эта двойственность труда вообще проявляется в обществе, основанном на товарном производстве, специфическим образом»¹⁷³. В чем эта специфика двойственности труда именно в капиталистическом обществе, японский ученый, правда, не объясняет. Но весь ход его дальнейших рассуждений показывает, что автору попросту нечего сказать по этому поводу, так как на самом деле противоположность между абстрактным и конкретным трудом в буржуазном обществе, как верно замечают его критики — участники «Проекта Сидней — Констанц», Уно подменяет «внеисторической противоположностью между количественными и качественными аспектами труда»¹⁷⁴.

Так, стремясь полнее, чем сделал это Маркс в «Капитале», отразить в своей теории внутреннюю диалектику капиталистического способа производства, Уно приходит к внеисторической — и по сути недиалектической — трактовке важнейших категорий «Капитала»: процесса капиталистического производства, двойственной природы заключенного в товарах труда и др.

Участники упомянутого выше «Проекта» поэтому совершенно правы, когда говорят, что «предпринятая Уно реконструкция Маркса — во всяком случае, в отношении теории стоимости... — порождает больше антиномий, чем разрешает»¹⁷⁵. В самом деле, разве не «антиномия» — отстаивать, с одной стороны, тезис о *специфически историческом* характере закона стоимости, связывать его полное развитие с капиталистическим способом производства¹⁷⁶, а с другой стороны, трактовать внутренние законы капиталистического производства как *вечные*, внеисторические законы «производства вообще»?

Отсюда становится понятно и свойственное школе Уно ограничение предмета политической экономии рамками товарнопроизводящей экономики¹⁷⁷: ведь если исходить из того, что в основе любой общественной системы лежит неизменное в своих основных чертах «производство вообще», то для правильного понимания экономической структуры античного, феодального и других способов производства вполне достаточно знания законов функционирования производства при капитализме.

Внешне такой подход вполне в духе Маркса, который, как известно, считал, что «буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многообразная историческая организация производства» в сравнении с предшествующими эпохами. «Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его структуры, дают вместе с тем возможность заглянуть в структуру и производственные отношения всех тех погибших форм общества, из обломков и элементов которых оно было построено... Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д.»¹⁷⁸. Маркс, однако, здесь же делал оговорку, что понимать данное обстоятельство следует «вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые смаывают все исторические различия и во всех формах общества видят формы буржуазные»¹⁷⁹. Хотя Уно стремится развить диалектическую концепцию «чисто капиталисти-

ческого общества», объективно предложенная им трактовка капиталистического процесса производства как «производства вообще» сближает его с критикуемыми здесь Марксом экономистами XIX в.

Своеобразие взглядов Уно и его последователей, в которых сочетаются элементы диалектического подхода к экономическим процессам с абстрактными метафизическими представлениями о предмете и важнейших категориях марксистской политической экономии, проявляется и в специфической трактовке соотношения восхождения от абстрактного к конкретному в политической экономии с историей развития капиталистического способа производства.

2. «Капитал», ленинское учение об империализме и «теория стадий»

Каким образом политическая экономия, раскрывая анатомию буржуазного общества, может отражать также и его собственную историю? Размышляя над этим вопросом, Маркс заметил в рукописи 1861—1863 гг.: «Если мы предположим *капиталистический способ производства* как исторически данный, то даны и те условия, при которых посредством самого процесса производства *средства производства* постоянно воспроизводятся как *капитал*, а труд — как *наемный труд*, так как процесс производства есть не только процесс производства *потребительных стоимостей (вещей)* и товаров, но и процесс воспроизводства и производства *общественных отношений, производственных отношений*, при которых воспроизводятся потребительные стоимости (эти *вещи*) и товары. А именно, воспроизводство происходит таким образом, что *отношения капиталистического производства*, с одной стороны, воспроизводятся в большем масштабе, а с другой стороны, их... внутрен-

няя тенденция придает действительности форму, все более и более адекватную принципу [капиталистического производства]»¹⁸⁰.

Итак, отражение собственной истории капиталистического способа производства (т. е. истории ставшего, зрелого капитализма) в «Капитале», в сущности, совпадает с характеристикой его внутренней структуры. Напомним, что в I томе, в связи с рассмотрением превращения денег в капитал, Маркс назвал действительную историю капитала историей, которая «ежедневно разыгрывается на наших глазах»¹⁸¹.

Но по мере расширенного воспроизводства капиталистических производственных отношений происходит также и качественная трансформация экономических форм, возникновение новых явлений и отношений. Как отражается она в марксистской политической экономии?

В «Капитале» раскрыты некоторые исторические тенденции капиталистического способа производства — всеобщий закон капиталистического накопления, закон тенденции нормы прибыли к понижению, процесс отделения капитала-собственности от капитала-функции и т. д., — которые, являясь выводами из анализа современного Марксу буржуазного общества, в то же время позволяют прогнозировать пути и перспективы его дальнейшего развития и изменения. Решение методологической проблемы совмещения в политической экономии капитализма аспекта *функционирования* и аспекта *развития* капиталистического способа производства¹⁸² Маркс, таким образом, видел, во-первых, в том, что все ее категории суть категории специфически исторические, т. е. соответствующие капиталу, развивающемуся на своей собственной основе, а во-вторых, в том, что исследование процессов накопления капитала и расширенного воспроизводства выявляет объективные исторические тенденции буржуазного общества, устанавливает присущий только ему «экономический закон движения».

У Маркса, однако, не возникала и не могла возникнуть в 50—70-е гг. XIX в. проблема теоретического осмысления перерастания капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм, империализм¹⁸³, по мере накопления этих количественных и качественных изменений, перед ним не стояла задача развития созданной в «Капитале» теории применительно к новейшей фазе капитализма. Решать эту задачу выпало, как известно, Ленину, который в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» дал очерк возникновения монополий и их превращения в господствующую силу общественного развития на рубеже XIX—XX вв.: «...XX век — вот поворотный пункт от старого к новому капитализму, от господства капитала вообще к господству финансового капитала»¹⁸⁴.

Как соотносятся «Капитал» и ленинская книга? Размышляя об этом, Уно и приходит к своеобразному представлению о предмете теории «чисто капиталистического общества» и «теории стадий» и их субординации в рамках политической экономии капитализма.

Эта проблема — отнюдь не из области схоластики, нахождение ответа на нее имеет важное теоретическое и политическое значение. Во-первых, от ее решения зависит ответ на вопрос о природе империализма. Не отменяют ли закономерности империализма, раскрытые Лениным и с тех пор неузнаваемо изменившие облик буржуазного общества и, в свою очередь, сильно модифицировавшиеся под воздействием НТР, фундаментальных законов, открытых Марксом? Если научный анализ приводит к отрицательному ответу, то отсюда следует вывод, что и на нынешней стадии развития именно прибавочная стоимость, производимая всем капиталом, независимо от его размеров и сферы приложения, а вовсе не сверхприбыли в военных отраслях или неэквивалентный обмен, является первоосновой развития капиталистического общества — а значит, современный капитализм, не поступаясь своими главнейшими приоритетами, в состоянии освободиться от милитаризма,

он может экономически функционировать и развиваться без него; значит, капиталистическая система может обойтись без неокOLONиализма, «без неэквивалентного обмена с «третьим миром», чреватого непредсказуемыми последствиями»¹⁸⁵.

Во-вторых, без выяснения этой проблемы не может успешно развиваться и политическая экономия социализма, где одним из центральных ныне стал вопрос о соотношении общекommунистических начал и стадияльных особенностей развивающегося социализма¹⁸⁶. Вопросы эти — нужно сказать прямо — пока не получили однозначного и вполне обоснованного решения в советской научной литературе.

Уно выдвинул тезис о том, что, создав в «Капитале» общую теорию капитализма, Маркс фактически не осознал значения сделанного им, «растворив» ее в массе конкретно-исторического материала, отражающего специфику английского капитализма периода свободной конкуренции. Иначе, видимо, и не могло быть, рассуждает японский исследователь: во времена Маркса генеральная тенденция развития буржуазного общества заключалась в постепенном его освобождении от обломков и пережитков предшествующих эпох, «приближении капитализма к его чистому виду»¹⁸⁷. Автор «Капитала» не мог не считать, что стадия свободной конкуренции является высшим и последним этапом капиталистической общественной формации, а потому и не видел необходимости в разграничении «теории чисто капиталистического общества» и «теории (либеральной) стадии»¹⁸⁸. Но после того, как Ленин пришел к выводу о перерастании капитализма свободной конкуренции в империализм и впервые в марксистской науке об обществе ввел понятие «стадии», возникла, полагает Уно, необходимость в том, чтобы «очистить» теорию капитализма вообще, изложенную в «Капитале», от наслоений конкретно-исторического порядка. «Доктрина Уно... требует отделения чистой теории (теории чисто капиталистиче-

ского общества) от теории стадий (определение стадийальных черт капиталистического развития)...», пишет в данной связи Сэкине ¹⁸⁹.

Искушенный читатель, видимо, заметит известную терминологическую близость концепции Уно и теорий, выдвигавшихся в свое время К. Каутским и Н. И. Бухариным и подвергнутых критике В. И. Лениным. Но, во-первых, доктрина Уно обнаруживает ряд содержательных отличий; если выразить их суть немногими словами, то у Уно «чистый капитализм» — всего лишь *теоретическая абстракция*, тогда как Каутский и Бухарин вели речь о развитии *реально существующего* капиталистического общества в направлении «ультраимпериализма» или «чистого империализма». Во-вторых, Уно апеллирует к тому — действительно бесспорному — факту, что категории «Капитала», начиная с товара и кончая прибылью, земельной рентой и заработной платой как формами дохода, различаются по степени конкретности, с какой они описывают внутреннюю структуру капиталистического способа производства. В этом смысле наиболее абстрактные, т. е. «бедные» в содержательном отношении, категории более стабильны, менее подвижны, чем категории более конкретные, они обладают меньшей изменчивостью на всем протяжении истории буржуазного общества ¹⁹⁰. Но можно ли на этом основании разложить категории и законы, сформулированные в «Капитале», на два независимых ряда — теорию «чисто капиталистического общества» и теорию капитализма свободной конкуренции, с тем чтобы, сохранив первый ряд, отбросить второй, поставив на его место «теорию империалистической стадии»? ¹⁹¹ И не противоречил ли бы такой подход верному тезису школы Уно о саморазвитии, самодвижении предмета, капиталистического способа производства, как источнике теоретического знания его законов?

Думается, на первый из сформулированных вопросов нужно дать отрицательный ответ, тогда как на второй — положительный. Маркс подчеркивал и всегда исходил из

того, что теоретическое исследование в области политической экономии имеет дело не с отдельными, изолированными категориями, а с односторонними моментами *системы* экономических отношений. Он исследовал не товар, как таковой, а товар как элементарную форму богатства буржуазного общества, не процесс труда «вообще», а процесс труда как момент процесса созидания стоимости и прибавочной стоимости, не земельную ренту саму по себе, а капиталистическую земельную ренту, руководствуясь тем, что «как в действительности, так и в голове субъект — здесь у нас современное буржуазное общество — есть нечто данное и что категории выражают поэтому формы наличного бытия, определения существования, часто только *отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта...*»¹⁹².

Произвольно «разъяв» систему категорий «Капитала», мы можем в ученических целях ее препарировать, но одновременно лишим ее всякой жизни. Человеческое общество, в том числе буржуазное, — живой организм¹⁹³, его физиологию нельзя постичь, действуя методом ампутации.

Пытаясь искусственно вычлениить и вынести за рамки общей теории те выводы «Капитала», которые основывались на обобщении фактов и явлений капитализма свободной конкуренции, Уно вольно или невольно подменяет предмет исследования Маркса — *современный ему «капиталистический способ производства и соответствующие... отношения производства и обмена»*¹⁹⁴ — неким «капитализмом вообще». Но в реальной действительности существует капитализм периода господства мануфактуры, либо капитализм, основанный на крупной машинной индустрии, либо же монополистический капитализм конвейерного производства и гибких автоматизированных систем. Что же касается «капитализма вообще», то это — умозрительная конструкция, существующая лишь в *мышлении*, но не в материальной *практике*. Пытаясь попра-

вить Маркса, автор «Принципов политической экономии» исправляет его в субъективно-идеалистическом духе и отступает от собственных первоначальных намерений. Ибо в его понимании общая теория имеет дело лишь с ею же изобретенной субъективной абстракцией «капитализма вообще», она никак не соприкасается с развитием того самого реально существующего буржуазного общества, внутреннюю диалектику которого эта теория, по мысли Уно, должна была бы отражать.

И отнюдь не случаен в свете изложенного тезис японского исследователя о том, что «истинная наука политической экономии... не приемлет прагматического, утилитарного подхода к своей теории»¹⁹⁵, — тезис, еще более определенно сформулированный Сэкине, который видит заслугу Уно в «демонстрации самодостаточности (!) чисто капиталистического общества как теоретической системы»¹⁹⁶. В отказе от сопоставления теории с практикой как подлинным критерием ее истинности, на наш взгляд, проявляются те затруднения, которые испытывает теория «чисто капиталистического общества», пытаюсь нащупать какую-то связь с явлениями и процессами, происходящими в реальной действительности¹⁹⁷.

Уно стремится перекинуть мостик к действительности, дополняя теорию «чистого капитализма» двумя другими разделами — теорией стадии (где, по его мысли, должны быть выяснены особенности «меркантилистской», «либеральной» и «империалистической» стадий развития капитализма) и эмпирическим анализом конкретных экономических ситуаций. Такая триада внешне выглядит стройно и органично, однако в действительности органичной связи между отдельными ее звеньями не получается.

Не получается потому, что исходным пунктом этой «стратегической триады» выступает абстрактно-общее, лишенное реального самостоятельного существования понятие «капитализм вообще»¹⁹⁸. Конечно, Уно хотелось бы вдохнуть в него жизнь. Он говорит о «трех различных

уровнях абстракции» в экономической науке, среди которых «чистая теория капитализма оказывается наиболее абстрактным, а эмпирический анализ текущего состояния капиталистической экономики — наименее абстрактным уровнем, тогда как теория стадии капиталистического развития выступает связующим звеном между ними»¹⁹⁹.

По сути, однако, найти внутренне необходимый переход от «чистой» теории к характеристике той или иной стадии при очерченном выше понимании предмета теории «чисто капиталистического общества» невозможно. Это признает Сэкине: «...стадии развития капитализма... — пишет он, — не могут быть вполне объяснены на основе одной только диалектики капитала». Данный вывод, безусловно, справедлив, если иметь в виду то специфическое понимание диалектики капитала, которое сложилось у «уноистов». Думается, он красноречиво свидетельствует о том, что в главном вопросе — об отношении теории к реальной действительности — школа Уно потерпела сокрушительное фиаско. Но чем пытается обосновать столь неутешительный вывод сам Сэкине? Тем, что движение товарной экономики в направлении ее становления целостностью якобы «само по себе не определяет технологических особенностей организации экономической жизни, которые и формируют исторические стадии капитализма. «Неспособность» твердо придерживаться логики чисто капиталистического общества ставит пределы экономической теории. Стадиальные характеристики капиталистического развития, иными словами, не следует прямо выводить из логических категорий экономической теории; эти характеристики образуют некий «тип», который является посредствующим звеном между экономической теорией и историческими случайностями капитализма»²⁰⁰. Но так ли это?

Здесь снова уместно обратиться к «Капиталу», в котором Маркс — именно благодаря исследованию внутренней диалектики капитала, вернее, капиталистического способа производства — сумел показать обратное тому, что

утверждает Сэкине. А именно, в ходе исследования производства относительной прибавочной стоимости Маркс доказал, что тот или иной технологический способ производства (мануфактура, крупная машинная промышленность) есть по существу метод производства относительной прибавочной стоимости, утверждение последнего диктуется прежде всего потребностями самовозрастания капитала. Эта обратная зависимость развития производительных сил (того, что Сэкине не совсем точно называет «технологическими особенностями организации экономической жизни», которые «формируют исторические стадии капитализма») предметно проанализирована Марксом — разумеется, применительно к современному ему состоянию развития капиталистического способа производства — в связи с рассмотрением формального и реального подчинения труда капиталу²⁰¹.

Таким образом, Уно и его последователи не могут избежать разрыва между выяснением всеобщих закономерностей функционирования капиталистического способа производства и анализом исторической эволюции капитализма прежде всего вследствие того, что диалектика в политической экономии сводится ими лишь к саморазвитию производственных отношений. Марксово же понимание задач политической экономии значительно шире — в «Капитале» он исследует капиталистический способ производства в единстве обеих его сторон, производственных отношений и *производительных сил*. Отсюда и более глубокое понимание диалектики, движущих сил развития буржуазного общества.

Раскрытие в «Капитале» экономического закона движения современного Марксу буржуазного общества было сопряжено с выявлением ряда важнейших исторических тенденций развития его экономического строя. Именно этим путем можно было установить точки роста, который в перспективе, по мере накопления количественных изменений и их перехода в качественные, выводил капитали-

стический способ производства на новый уровень, на уровень монополистического капитализма.

Такие точки роста должны были бы существовать на всех этажах здания экономической теории Маркса,— здания, фундаментом которого является «Капитал». Известно, что в процессе работы над «Grundrisse» и первым выпуском «К критике политической экономии», т. е. в 1857—1859 гг., у Маркса постепенно выкристаллизовался план, согласно которому систему буржуазной экономики он намеревался изобразить в следующих шести частях, или книгах, своего будущего труда:

Книга I. О капитале

Отдел I. Капитал вообще.

Глава первая. Товар.

Глава вторая. Деньги.

Глава третья. Капитал вообще.

1. Процесс производства капитала.

2. Процесс обращения капитала.

3. Единство того и другого, или капитал и прибыль (процент).

Отдел II. Конкуренция капиталов.

Отдел III. Кредит.

Отдел IV. Акционерный капитал.

Книга II. Земельная собственность.

Книга III. Наемный труд.

Книга IV. Государство.

Книга V. Внешняя торговля.

Книга VI. Мировой рынок²⁰².

В ходе работы над «Капиталом», однако, по мере того как увеличивался объем главы о «капитале вообще» и три ее пункта вырастали в три самостоятельные книги, Маркс убедился в необходимости сосредоточиться только на этой начальной части своего плана шести книг: «Это — квинт-эссенция... а разработку дальнейших вопросов (за исключением разве отношения различных форм государства к различным экономическим структурам общества) на основе

уже сделанного могли бы легко осуществить и другие»²⁰³. Все эти «дальнейшие вопросы» должны были составить предмет специальных учений. Их соотношение с «Капиталом» А. М. Коган характеризует следующим образом: «В теории прибавочной стоимости (теория прибавочной стоимости в широком смысле, включая анализ обращения последней и ее превращенных форм, и составляет содержание трех томов труда Маркса.— А. Ч.) главный объект изучения — основная структура капитала, а конечная цель — раскрытие экономического закона движения капитализма. В этой теории конкуренция, кредит и т. д. — частные проблемы, которые рассматриваются под углом зрения прибавочной стоимости... Механизм... их действия и многообразные формы проявления затрагиваются лишь попутно. Таким образом, логика исследования конкуренции, кредита и т. д. определяется здесь качественным своеобразием прибавочной стоимости.

В специальных же учениях конкуренция, кредит и т. д. являются главным объектом исследования, причем основное внимание уделяется изучению тех законов их движения, на которые прибавочная стоимость влияет лишь опосредствованно, следовательно, логика исследования конкуренции, кредита и т. д. определяется качественным своеобразием этих экономических категорий»²⁰⁴. Важно подчеркнуть, что, по мнению ряда исследователей, подкрепляемому достаточно убедительными аргументами, Маркс отказался от реализации этого плана в полном объеме, но не от самого плана.

На наш взгляд, переоценивая легкость той задачи, которую он оставлял на долю своих последователей, автор «Капитала» все же исходил из того, что отправные пункты для «разработки дальнейших вопросов» им уже намечены. Поэтому, вопреки замечанию Олбриттона о том, что вследствие неразработанности специальных учений «неясно, как именно Маркс предполагал двигаться от теории об общем понятии капитала к объяснению более конкрет-

ных форм последнего»²⁰⁵, можно попытаться в самых общих чертах представить, какими должны были бы быть следующие шаги Маркса на пути восхождения от теоретически абстрактного к теоретически конкретному.

Что касается учения о конкуренции, то здесь отправным пунктом стал бы, очевидно, сформулированный в седьмом отделе I тома всеобщий закон капиталистического накопления, действие которого стимулирует концентрацию и централизацию капитала. На определенном этапе данный процесс, как следовало из проведенного Марксом анализа, неминуемо должен привести к созданию индивидуальных промышленных капиталов столь крупных размеров, что им вполне под силу добиться устойчивого несовпадения спроса и предложения. Отсюда — длительное отклонение рыночных цен от рыночных стоимостей²⁰⁶ и, как следствие, деформация цены производства, установление базирующейся на монопольной цене монополии — причем уже не как случайного, временного феномена, а как массового и прочного явления, в основе которого — долговременное воздействие монополий на формирование издержек производства.

Если говорить о методологических предпосылках самостоятельного исследования кредита, то здесь ключевую роль должна была, очевидно, сыграть установленная Марксом еще в «Grundrisse» (и фактически отмеченная впоследствии во II томе «Капитала», в связи с рассмотрением времени обращения) «необходимая тенденция капитала», которая требует «обращения без времени обращения» и представляет собой «основное определение кредита и кредитных операций»²⁰⁷. Иными словами, здесь сформулирована необходимость кредита для достижения имманентной промышленному капиталу цели — максимизации прибавочной стоимости. В III томе «Капитала», раскрыв механизм обособления ссудного капитала от промышленного, Маркс показал также объективную возможность реализации данной тенденции. Но, обособившись от

промышленного капитала, накопление ссудного капитала в дальнейшем «может быть достигнуто без всякого действительного накопления» ²⁰⁸, более того, накопление ссудного капитала и развитие кредитной системы, в первую очередь ее центрального звена — банков, способно оказать сильнейшее обратное воздействие на действительное накопление. Банки могут превратиться из скромных посредников в активных организаторов процесса общественного воспроизводства.

Далее, Маркс установил необходимость развития акционерной формы капиталистического предприятия. Дополнительные стимулы ее распространения были выявлены в ходе изучения факторов, противодействующих тенденции нормы прибыли к понижению в III томе «Капитала». Там же показано, что на основе распространения акционерного капитала складывается новое экономическое образование — фиктивный капитал. Маркс отметил, что акционерная форма «воспроизводит новую финансовую аристократию, новую разновидность паразитов в образе прожектеров, учредителей и чисто номинальных директоров; ... целую систему мошенничества и обмана в области учредительства, выпуска акций и торговли акциями» ²⁰⁹. Дальнейшее развитие этих процессов позволило впоследствии Ленину прийти к заключению: «Акции — вот основа банков, а скопление акций — вот основа империализма» ²¹⁰.

Говоря о некоторых важнейших явлениях и процессах, которые должны были, по-видимому, составить предмет специальных учений о конкуренции, кредите, акционерном капитале ²¹¹, нельзя не обратить внимания на следующее примечательное обстоятельство. Это близость структуры Марковского плана шести книг и книги Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». Достаточно вспомнить названия трех первых глав ленинской книги — «Концентрация производства и монополии», «Банки и их новая роль», «Финансовый капитал и финансовая олигар-

хия», — чтобы убедиться в том, что они прямо корреспондируют с замыслом Маркса: исследовать, после выяснения всеобщих закономерностей капиталистического способа производства, конкуренцию, кредит, акционерный капитал. Определенное, хотя и меньшее, сходство обнаруживается и при сопоставлении наброска содержания двух заключительных пунктов Марксова плана ²¹² и последующих глав ленинской книги ²¹³.

Это сходство — если принять во внимание, что Ленин едва ли мог сознательно руководствоваться планом шести книг, а кроме того, писал не научную монографию, а «популярный очерк», — весьма знаменательно. В нем, на наш взгляд, проявляется генетическая преемственность между «Капиталом» и ленинским учением об империализме, т. е. та внутренняя связь между теорией способа производства в целом и анализом специфических модификаций, которые он обнаруживает на том или ином этапе своего развития.

Разумеется, сказанное не следует понимать так, будто теория империализма, изложенная в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» и развитая и дополненная в целом ряде брошюр, статей, докладов Ленина, представляет собой точную и всеобъемлющую реализацию Марксова плана экономических исследований ²¹⁴. Необходимо, в частности, учитывать, что Ленин имел дело с процессами и явлениями, корни которых были раскрыты Марксом, на том этапе, «когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность» ²¹⁵, приобрели качественно новые черты. Но все же именно с позиций плана шести книг, как представляется, может быть верно оценено место учения о монополистической стадии в политической экономии капитализма.

Отношение Уно и его последователей к ленинской теории империализма столь же двойственно, противоречиво, сколь и их позиция в оценке исторического места «Капитала». С одной стороны, они отмечают как бесспорную зас-

лугу Ленина то, что он первым среди марксистов увидел в империализме нечто более глубокое, нежели просто «политика захватов», — он увидел в нем новую, монополистическую, стадию развития капиталистического способа производства²¹⁶. С другой стороны, существенный недостаток его учения сторонники концепции «чисто капиталистического общества» усматривают в «логическо-историческом методе», которым руководствовался Ленин²¹⁷. Введя понятие стадии, Ленин в то же время, по мнению сторонников теории «чисто капиталистического общества», фактически «не рассматривал теорию стадии в качестве самостоятельного уровня анализа, а потому и не представлял себе отчетливо, в чем заключается проблема соотношения между теорией капитала вообще и теорией стадии»²¹⁸.

Но возможно ли создание некоей самостоятельной, целостной концепции империалистической стадии в отрыве от «Капитала», т. е., в понимании Уно и его учеников, от теории «чисто капиталистического общества»?²¹⁹ Попытки создать такую концепцию, на наш взгляд, неубедительны. Дальше общих соображений о том, что, как пишет Олбриттон, «разрыв между в высшей степени абстрактной теорией чистого капитализма и конкретной историей должен быть преодолен при помощи посредствующего звена», что «теория стадии является самостоятельным уровнем анализа, который не может быть достигнут ни дедукцией из чистой теории, ни абстракцией от истории», что это, скорее, «экстернализация чистой теории»²²⁰ и т. п., дело не идет. Почему? По той причине, что источник движения, развития капиталистического способа производства — производство прибавочной стоимости, — как и ряд других фундаментальных отношений и процессов экономики буржуазного общества, оказывается за бортом теории империализма. Потому-то, говоря о теории стадии, Олбриттон уже не вспоминает о саморазвитии, самодвижении предмета, — напротив, он неоднократно подчеркивает, что эта теория имеет статичный характер, она не объясняет раз-

вития предмета, капиталистического способа производства, во времени ²²¹.

Но ведь закономерности исторических изменений, перехода капиталистического способа производства из одного качественного состояния в другое не объясняет, как мы видели, и теория «чисто капиталистического общества»! К чему же мы приходим в итоге?

«Я не могу показать, исходя из закона стоимости, что финансовый капитал с необходимостью возникнет в ведущих странах в конце девятнадцатого столетия,— считает Олбриттон.— Но я могу показать, что если наличествуют тяжелая промышленность и, возможно, некоторые другие структурные черты капитализма (последние есть нечто случайное, ибо они не могут быть выведены из закона стоимости), то финансовый капитал должен развиваться... Итак, на уровне теории стадии мы имеем дело со структурными закономерностями или, в некоторых случаях, тенденциями, которые не могут быть выведены из самого по себе закона стоимости *, но представляют собой закон стоимости в более конкретном контексте, который отчасти определяется случайными обстоятельствами» ²²². Иными словами, мы попадаем в заколдованный круг: ни общая теория, ни теория стадии — ни порознь, ни вместе — не объясняют причин «мутаций» капитализма, отвечая на вопрос «как?», они не дают ответа на вопрос «почему?». Внутренняя логика функционирования буржуазной экономики и история ее развития существуют словно бы порознь, между тем задача политической экономии — нащупать логику истории.

Уно и его последователи, повторим снова, считают в принципе невозможным «вывести историю капиталисти-

* Не могут быть выведены? Но разве в I томе «Капитала» Маркс не показал в 13-й главе, что крупная промышленность — не случайная предпосылка, а прямое следствие развития закона стоимости, его превращения во всеобщий закон капиталистического способа производства?!

ческого развития из логики товарной экономики»²²³. Но для чего тогда вообще нужна политическая экономия капитализма как наука, если она не может объяснить законов развития, изменения способа производства, основанного на капитале, и соответствующих ему отношений производства и обращения, в частности, — закономерностей смены стадии свободной конкуренции монополистической стадией?

В ленинской теории империализма эта задача была в основном решена, причем не на основе некоего «логически-исторического» метода, а путем рассмотрения процесса превращения капитализма свободной конкуренции в империализм, т. е. рассмотрения собственной истории капиталистического способа производства, опиравшегося на выводы проведенного Марксом исследования его внутренней диалектики.

Ленинский анализ — это анализ исторического генезиса монополистического капитализма, что проявляется в характере переходов, определений. Например, он пишет: «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия»²²⁴. Но примененный Лениным «исторический» метод не противоречит (в смысле субъективной противоречивости, как трактует этот вопрос Сэкине²²⁵) «логическому» исследованию, проведенному Марксом в «Капитале». Из логики (точнее, внутренней диалектики) капитала нельзя «вывести» предысторию буржуазного общества. Однако его собственная история как самовоспроизводящейся системы, в рамках которой вызревают также и предпосылки ее перехода в новое состояние, — эта история, как отмечалось выше, в целом вполне соответствует последовательности восхождения от абстрактного к конкретному, начиная с первых, наиболее простых категорий «Капитала» и кончая теми сложными, во многом иррациональными формами, с которыми имеют

дело специальные учения о государстве, внешней торговле и мировом рынке²²⁶. Понятое в этом смысле, «историческое» совпадает с «логическим».

Правда, необходимо учитывать, что монополистическая стадия развития — это не только продолжение собственной истории капитала, но и качественно своеобразный ее этап, на котором некоторые основные свойства капиталистических производственных отношений превращаются в свою противоположность. Но и ленинская теория империализма ведь не только реализация плана шести книг, не только продолжение «Капитала», но и развитие теории Маркса! Необходимость применения в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» исторического метода диктовалась тем, что в ней отражен именно процесс *превращения* капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм и показано «историческое место данной стадии по отношению к капитализму вообще...»²²⁷ (говоря о «капитализме вообще», Ленин, по-видимому, имеет в виду не некую абстракцию, лишенную каких бы то ни было исторических особенностей — наподобие «чисто капиталистического общества» Уно, — а всю историю капиталистической общественной формации как последовательность различных стадий ее развития). В свое время Маркс писал, что диалектический метод, «диалектическая форма изложения верна только в том случае, если она знает свои границы»²²⁸. Эпохи исторических трансформаций, перехода из одного качественного состояния в другое, по-видимому, — если не отказываться (подобно Олбриттону) от всякой попытки вообще дать объяснение происходящих при этом общественных процессов — с неизбежностью предполагают выход за границы сугубо «диалектической формы изложения».

Исторический метод позволил Ленину обнажить внутреннюю противоречивость монополистического капитализма, который, с одной стороны, вырастает из всего

предшествующего развития и сохраняет все его, существенные черты (такие, как товар, деньги, производство прибавочной стоимости и т. д.), раскрытые в «Капитале», а с другой стороны, представляет собой во многом противоположность предшествующему периоду, ибо капитал «начинает ощущать самого себя пределом для развития и... его начинают рассматривать как такой подлежащий преодолению предел», он «ищет прибежище в таких формах, которые, хотя они кажутся завершением господства капитала, вместе с тем, в результате обуздания свободной конкуренции, являются провозвестниками его разложения и разложения покоящегося на нем способа производства»²²⁹.

Более конкретно проблема соотношения общей теории капиталистического способа производства и учения об империализме (или, говоря языком Уно, теории «чисто капиталистического общества» и «теории стадии») с точки зрения метода, лежащего в их основе, может быть решена, на наш взгляд, только путем предметного анализа роли понятий «капитал» в теоретической системе Маркса и «монополия» в концепции Ленина, их соотношения. Но ни сам японский исследователь, ни его школа, как правило, не стремятся перевести разговор в такую плоскость. Удивительно ли, что в последние годы влияние идей Уно в Японии стало ослабевать, ибо в работах его учеников усилилась «тенденция к схоластике и интеллектуальному консерватизму»?²³⁰

Подведем некоторые итоги. Анализ концепции японского исследователя и его сторонников и учеников, проведенный в настоящем разделе, позволяет, на наш взгляд, заключить, что теория «чисто капиталистического общества» не только в некоторых пунктах противоречит Марксову «Капиталу». Она еще и внутренне противоречива. Попытка в противовес вульгарным представлениям о методе «Капитала» отстоять и развить — «более последовательно», чем сделал это сам основоположник марксист-

ской политической экономии,— диалектический подход к экономической жизни оборачивается субъективизмом и антиисторизмом в трактовке важнейших категорий экономической науки, предмета политической экономии. Уно и его школа подвергают сомнению ленинскую методологию анализа империализма, но сами оказываются не в состоянии объяснить внутреннюю связь между «капитализмом вообще» и конкретными формами его развития на том или ином этапе эволюции буржуазного общества, приходят к отрицанию необходимости и возможности объяснения этой его эволюции, исходя из внутренней диалектики капитала.

Хотя в публичных выступлениях Уно всегда говорил, что он не стремился дать «гегельянскую интерпретацию «Капитала»...», полагая, что именно «диалектика капитала может помочь представить в истинном свете смысл (гегелевской) «логики», а не наоборот»²³¹, содержание его взглядов свидетельствует об обратном. Подмена саморазвития предмета саморазвитием «понятий», непонимание внутренней логики, т. е. собственной диалектики, исторического процесса,— эти и некоторые другие черты, которые присущи теории японского исследователя, отдаляя от Маркса, сближают его с Гегелем²³². В целом концепция Уно — это выросший на японской почве под влиянием оживленных дискуссий, которые велись и ведутся в этой стране вокруг теоретического наследия Маркса, специфический вариант «гегелизированного» марксизма.

* * *

Очевидно, как в отношении Уно, так и в отношении западногерманских и западноберлинских авторов, чьи взгляды были рассмотрены в предыдущих главах данного раздела, подтверждается справедливость слов Энгельса: «...материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как го-

товым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты»²³³. Именно такое превращение, к сожалению, имеет место у Бакхауза, который стремится обосновать материалистическую концепцию денег, их происхождения, но вследствие недиалектического понимания «исторического» и «логического» не видит, что именно такова теория товара и денег в «Капитале». То же происходит и у Гёлера, когда он, находясь во власти вполне материалистической идеи о первичности внутренней диалектики самого предмета познания, капиталистического способа производства, критикует Маркса, по сути дела, за то, что последний — в отличие от Гегеля — сумел вполне материалистически и диалектически провести эту идею в «Капитале». Так же и Уно, стремясь более последовательно, чем Маркс, реализовать принцип примата производства над обращением, приходит к внеисторической трактовке товарного производства, отказывается от практики как испытанного критерия истинности теории, не может объяснить причин развития капиталистического способа производства.

Мы далеки от того, чтобы приписывать, скажем, Гёлеру сознательное намерение доказать принципиальную невозможность диалектического научного знания, а Уно и его ученикам — желание продемонстрировать, что, даже будучи построена на принципах диалектики, политическая экономия не объясняет законов развития изучаемой ею сферы общественных отношений. Но таковы объективно обобщения, которые вытекают из анализа их взглядов на диалектику «Капитала». А посему — при том, что вынесенные западногерманским и японским авторами на обсуждение вопросы важны и своевременны, — к оценке их итоговых выводов применимы, скорее, слова Гёте, нежели слова Гегеля, приведенные в эпиграфе настоящего раздела книги.

Почему диалектика оборачивается здесь отрицанием диалектики? Первоисточник этой метаморфозы — некри-

тическое отношение к Гегелю, желание сохранить гегелевскую диалектику, не трогая гегелевской системы объективного идеализма. Между тем, как справедливо пишет М. А. Киссель, «нечего и думать, что можно «сохранить» диалектический метод Гегеля, «отбросив» его систему. Этого сделать нельзя именно ввиду органического единства метода и системы, единства, которое Гегель вполне сознательно положил в основу своей конструкции»²³⁴. Органическое единство метода и системы Гегеля приводит к тому, что, желая быть материалистами и диалектиками, неогегельянцы в своем прочтении «Капитала» оказываются идеалистами и метафизиками. Подлинно научное и творческое использование всего рационального, что есть в гегелевской философии, возможно сегодня только через марксизм, а не *помимо* него.

И все же только для того, чтобы прийти к такому выводу, не стоило бы, видимо, подробно разбирать аргументацию вышеупомянутых авторов. Хотелось бы надеяться, что поставленные ими вопросы, равно как и размышления автора настоящей работы, послужат в конечном счете углублению представлений о диалектической логике «Капитала», о возможности творческого применения Марксова метода в процессе научного познания явлений общественной жизни.

Критическое осмысление дискуссий, ведущихся на Западе, помогает решить эту задачу еще и потому, что оно способствует выработке самокритичного взгляда на толкование диалектики «Капитала», сложившееся в советской экономической и философской литературе. Например, выше мы стремились показать, что тезис Бакхауза и других представителей «Капитал»-логического направления об историзации диалектического метода, об «историзме» Маркса-экономиста некорректен, поскольку основоположник марксистской политической экономии придерживался иной, последовательно диалектической, а значит и конкретно-исторической точки зрения на пред-

мет и метод данной науки. Однако в отечественной учебной и научной литературе еще в ходе бурных дискуссий на рубеже 20—30-х гг. возобладало воззрение (согласно которому в «Капитале» в снятом, «очищенном» виде последовательно изображено не что иное, как история становления и развития товарного обмена и производства с древнейших времен до буржуазной эпохи включительно, так что линия «товар — деньги — капитал» отражает эту историю, в первую очередь ее, а не собственную историю капиталистического способа производства), приписываемое Марксу! Полагаем, некоторые доводы «Капитал»-логического направления должны быть учтены теми, кто придерживается указанного воззрения. И это — лишь один из примеров того, что в критике неогеггелянской интерпретации метода Маркса заложен конструктивный заряд.

Ленин, конспектируя Гегеля, записал: «Логика похожа на грамматику тем, что для начинающего это — одно, для знающего язык (и языки) и дух языка, — другое. «Она есть одно для того, кто только приступает к ней и вообще к наукам, и нечто другое для того, кто возвращается к ней от них», пометив на полях: «тонко и глубоко!»²³⁵. Знание других «языков», надеемся, поможет лучше почувствовать дух языка, на котором написан Марксов «Капитал», — языка материалистической диалектики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая проделанную работу, принято на основании проведенного в книге анализа и сделанных по его результатам выводов высказывать оценки, выдвигать новые проблемы, формулируя задачи дальнейшего исследования. Не станем отступать от этой традиции.

Что касается оценок, то, по нашему мнению, уместно привести здесь высказывание Ленина, относящееся к 90-м гг. прошлого столетия, но не утратившее своего значения и в наши дни. «Разногласие между теми марксистами, которые стоят за так назыв. «новую критическую струю», и теми, которые стоят за так назыв. «ортодоксию», — писал он, — состоит в том, что те и другие в *разных направлениях* хотят претворять и развивать марксизм: одни хотят оставаться последовательными марксистами, развивая основные положения марксизма соответственно с изменяющимися условиями и с местными особенностями разных стран и разрабатывая дальше теорию диалектического материализма и политико-экономического учения Маркса; другие отвергают некоторые более или менее существенные стороны учения Маркса, становятся, напр., в философии не на сторону диалектического материализма, а на сторону неокантианства, в политической экономии — на сторону тех, кто приписывает некоторые учения Маркса «тенденциозности» и т. п. Первые обвиняют за это вторых в эклектизме и, по моему мнению, обвиняют совершенно основательно» ¹.

С позиций сегодняшнего дня и применительно к той более узкой области, которая была предметом настоящей работы, необходимо, пожалуй, сделать лишь два уточнения: в «неомарксистской» литературе, посвященной методу «Капитала», господствует ныне неогегельянство, что же касается собственно теоретических аспектов экономического учения Маркса, то здесь речь идет уже не о мнимой тенденциозности *отдельных* выводов (о всеобщем законе капиталистического накопления, тенденции нормы прибыли к понижению и т. д.), а о попытке противопоставить «Капиталу» *целостную* неорикардianскую версию объяснения закономерностей и механизма функционирования капиталистического способа производства.

Итак, если марксизм возник, развивался и сложился в целостную концепцию общественного развития как преемник идей, обоснованных английской классической политической экономией и немецкой классической философией, то в современной идейной борьбе явственно обозначилась тенденция — «улучшить» марксизм через критику фундаментального труда Маркса, «Капитала», ведущуюся с методологических и теоретических позиций наиболее выдающихся представителей домарксовской политической экономии и философии Рикардо и Гегеля. Иными словами, речь идет о попытке обогатить марксизм, сведя его «составные части» к первоисточникам. Тем самым вольно или невольно отбрасывается весь путь, пройденный Марксом в ходе критического пересмотра взглядов его великих предшественников.

При этом происходит одна любопытная метаморфоза, на которую уже обращалось внимание читателей в ходе изложения, — не только автор «Капитала» превращается в заурядного эпигона Рикардо и Гегеля, но искажаются, вульгаризируются и воззрения предшественников Маркса. Трудовая теория стоимости оборачивается «концепцией излишка», а метод, живая душа гегелевской системы, становится прокрустовым ложем, в которое укладыва-

ют логику «Капитала». Это неизбежно, ибо идеи Рикардо и Гегеля были большим шагом вперед для своего времени и *в сравнении с* предшествующими теориями, но *после* Маркса, после его «Капитала» происходит как бы «расслоение» рикардианства и гегельянства: научный элемент, рациональное содержание, которое имеют воззрения Рикардо и Гегеля, вбирает в себя как «генетический код» и сохраняет в преобразованном виде марксистско-ленинское учение; напротив, элементы эмпиризма, поверхностные суждения английского экономиста и идеалистические, метафизические составляющие учения немецкого мыслителя усваиваются и усиливаются в последующей буржуазной политической экономии и философской мысли.

Процесс разложения рикардианской школы зафиксировал и проанализировал в рукописи 1861—1863 гг. сам Маркс². Руководствуясь выработанными им критериями оценки реального научного вклада тех или иных течений в послерикардовской политической экономии, на наш взгляд, следовало бы оценить неорикардианство как эклектический, противоречивый симбиоз вульгарных идей (в традициях Р. Торренса, Дж. Милля, С. Бейли и др.) и социалистических выводов (в духе П. Рейвнстона, Т. Годскипа). Хотя среди сторонников неорикардианской альтернативы «Капиталу» есть теоретики, эволюционирующие в сторону марксизма — чему в немалой степени способствует критика взглядов Сраффы, Стидмена зарубежными марксистами, — все же весьма сомнительно, что неорикардианство в целом сумеет отбросить «дурную» сторону разрабатываемой ими концепции, сохранив «хорошую».

В настоящей монографии была предпринята попытка раскрыть противоречаний Марксу и внутренне противоречивый характер неорикардианских интерпретаций «Капитала»; в то же время автор стремился показать, что марксистско-ленинская политическая экономия сможет окончательно развеять заблуждения относительно теоретического значения «Капитала», насаждаемые неорикар-

дианцами, лишь отрешившись от убеждения, что все аспекты трудовой теории стоимости были до конца разработаны Марксом. Опровержение новомодных «тоже-марксистских» истолкований теории капиталистической эксплуатации требует, в свою очередь, вернуться к такому, казалось бы, давно выясненному вопросу, как отношение Маркса к морально-правовой критике капитализма. В данном вопросе критика немарксистских, утопически-социалистических представлений является к тому же одной из предпосылок правильного, научного решения таких теоретически и практически актуальных проблем, как социальная справедливость, роль и место общественной собственности в развивающемся социалистическом обществе.

Подход к социализму именно как к развивающемуся, находящемуся в процессе непрерывного становления и обновления, требует творческого изучения и освоения метода, благодаря которому Маркс в «Капитале» смог представить капитализм как живое, подчиняющееся общим законам диалектики целое. В этом смысле проведенный в данной книге разбор некоторых интерпретаций марксистской материалистической диалектики «Капитала», думается, послужит для того, чтобы активизировать дискуссию среди советских философов и экономистов по проблемам соотношения исторического и логического, общей теории способа производства и исследования особенностей отдельных его стадий, будет способствовать уточнению сложившихся представлений о том, как Маркс понимал «диалектику», «диалектический метод».

Рассмотренные выше трактовки предмета и метода «Капитала» (и политической экономии вообще), как выяснилось, односторонни, а потому в конечном счете неверны. Вспомним, однако, что в советской литературе до последнего времени одностороннему утверждению о сугубо «логическом» (в смысле чего-то идеального, оторванного от реальной действительности, умозрительного) методе «Капитала» противопоставлялось, как правило, столь же од-

ностороннее утверждение об «историзме» метода Маркса, причем отсюда делались далеко идущие выводы в отношении внутренней систематики политической экономии социализма. Критика однобокого, чреватого идеалистическими искажениями понимания саморазвития предмета как принципа, лежащего в основе Марксова учения о капиталистическом способе производства, оборачивалась выводом о том, что всегда, во все времена политическая экономия должна руководствоваться апробированным (но подвергнутым критике в знаменитом Марксовом «Введении») силлогизмом: производство — обмен (обращение) — распределение. Что же касается вопроса об отношении черт и тенденций, проявившихся на стадии монополистического капитализма, к Марксовой характеристике закономерностей и перспектив развития буржуазного общества, то здесь дело в общем не двинулось дальше повторения ленинских замечаний в адрес К. Каутского, Р. Гильфердинга, Р. Люксембург, Н. И. Бухарина.

Анализируя точки зрения, высказанные по указанным вопросам в ходе современных дискуссий на Западе, автор стремился избежать односторонности как того, так и другого рода. При этом он помнил о словах столь чтимого автором «Капитала» Гёте: «Говорят, что посередине между двумя противоположными мнениями лежит истина. Никоим образом! Между ними лежит проблема». Если в настоящей книге удалось хотя бы обозначить некоторые дискуссионные вопросы и тем до некоторой степени развеять иллюзию, будто «Капитал» не таит больше никаких проблем для марксистско-ленинского обществоведения, — автор сочтет свою задачу выполненной.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

- ¹ Vorwärts.—1983.—Nr. 12 (17. März).—S. 16.
- ² Ср.: Критика современной буржуазной политэкономии/Отв. ред. А. Г. Милейковский, И. М. Осадчая.—М., 1977.—Введение; *Сорвина Г. Н.* Современный этап кризиса буржуазной политической экономики.—М., 1980, и др.
- ³ Возрастающая роль марксизма-ленинизма и идеологическая борьба.—М., 1987.—С. 239—240.
- ⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. (далее — без указания издания).—Т. 27.—С. 411—412.
- ⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.—Т. 3.—С. 636, сноска.
- ⁶ Analytical Marxism /Ed. by John Roemer.—Cambridge; Paris, 1986.—Р. 1.
- ⁷ Ibid.—Р. 2.
- ⁸ Ibid.—Р. 1.
- ⁹ *Горбачев М. С.* Выступление на встрече представителей партий и движений, прибывших на празднование 70-летия Великого Октября // Правда.—1987.—5 ноября.—С. 3.
- ¹⁰ Die Marxsche Theorie und ihre Kritik I. Eine Textsammlung zur Kritik der Politischen Ökonomie zusammengestellt u. eingeleitet von H.-G. Nutzinger und E. Wolfstetter.—Bd. 1.—Frankfurt a. M.; New York, 1974.—S. 7.
- ¹¹ Подробнее см.: Первоначальный вариант «Капитала»: (Экономические рукописи К. Маркса 1857—1859 гг.).—М., 1987.—Гл. 4.
- ¹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.—Т. 23.—С. 11.
- ¹³ Там же.—Т. 13.—С. 5.
- ¹⁴ *Jahn W.* Die Marxsche Wert- und Mehrwertlehre im Zerrspiegel bürgerlicher Ökonomen.—Berlin, 1968; *Дворкин И. Н.* Современная буржуазная политическая экономия и марксизм.—М., 1979; *Худокормов А. Г.* Критика ревизионистских тео-

рий капитализма: Экономический аспект.— М., 1980; *Афанасьев В. С.* «Неомарксизм» против рабочего класса // Вопросы экономики.— 1982.— № 9; *Он же.* Этапы развития буржуазной политической экономии.— М., 1985; *Гальчинский А. С.* Теория стоимости Маркса и ее современные неорикардиевские фальсификации // Вопросы экономики.— 1983.— № 3; *Он же.* «Ренессанс» Маркса в современной буржуазной политической экономии // Вопросы экономики.— 1987.— № 9; *Зелены И.* О некоторых современных дезинтерпретациях диалектики «Капитала» К. Маркса // Информ. бюл. проблемной комиссии представителей акад. наук соц. стран.— Прага, 1979.— № 2; *Краузе Г.* Нищета «левых». К критике «левого» ревизионизма / Сокр. пер. с нем.— М., 1980; *Майснер Г.* Современные интерпретации марксизма буржуазными идеологами // Вопросы экономики.— 1980.— № 8; *Малыш А. И.* Экономическое учение К. Маркса и современная буржуазная марксология // Критика современных буржуазных и реформистских фальсификаторов марксизма-ленинизма.— М., 1980.— С. 39—72; *Осадчая И. М.* Консерватизм против реформизма: Две тенденции в буржуазной политэкономии.— М., 1984; *Рупп Г.* Политическая экономия и идеология / Сокр. пер. с венг.— М., 1977; *Шемагенов В. Г.* Теории капитала.— М., 1977; *Fine B., Harris L.* Rereading «Capital».— London, 1979, а также ряд статей по отдельным более частным вопросам, упоминаемых и цитируемых далее в тексте.

РАЗДЕЛ I

- ¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 31.— С. 277.
- ² «Почти вся новейшая литература о Марксовой экономической теории свидетельствует о единодушном признании той точки зрения...— пишет западноберлинский автор Манфред Турбан,— что теория стоимости выполняет... вспомогательную функцию обоснования теории прибавочной стоимости» (*Turban M.* Marxsche Reproduktionsschemata und Wirtschaftstheorie.— Berlin (W.), 1980.— S. 458).
- ³ Подробнее о ее генезисе см., например: Первоначальный вариант «Капитала»: (Экономические рукописи К. Маркса 1857—1859 гг.).— Гл. 5.
- ⁴ «История борьбы буржуазной политической экономии против марксистской показывает,— справедливо отмечается в коллективном труде группы советских и зарубежных марксистских исследователей,— что фальсификация трудовой теории

стоимости, как правило, не являлась самоцелью. Фактически делались (добавим, и делаются! — А. Ч.) попытки подорвать... научный подход к исследованию объективных законов капитализма, прежде всего закона прибавочной стоимости, раскрывающего антагонистическую, эксплуататорскую сущность капиталистического способа производства» (Современная буржуазная экономическая мысль: Критика теории и методологии. — М., 1986. — С. 32).

⁵ *Hermansson J.* Marx vid forskningsfronten: Mer livaktig än någonsin // *Tiden*, 1986. — Nr. 5—6. — S. 332.

⁶ См. подробнее, например: *Мчедлов М.* Год Маркса и идеологическая борьба // *Коммунист.* — 1984. — № 10.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — Т. 16. — С. 131.

⁸ *Kautsky K.* Bernstein und das sozialdemokratische Programm. Eine Antikritik. — Stuttgart, 1899; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — Т. 4. — С. 202—204.

⁹ См., например: *Вальтух К.* Марксова теория цены производства как превращенной формы стоимости: Опыт формализованного изложения // Теоретические народнохозяйственные модели. — Новосибирск, 1980. — С. 20—47; *Вальтух К.* Закон стоимости действует. — МЭМО. — 1985. — № 6; *Чепуренко А.* Экономическое учение К. Маркса и современная буржуазная «марксология» // *Известия АН СССР. Серия экономическая.* — 1983. — № 4; *Шемагеньков В.* Под флагом «примирения»: Современные тенденции в буржуазном толковании экономического учения К. Маркса // *Коммунист.* — 1978. — № 7; *Hecker R.* Haupttrichtungen der Verfälschung der Marx'schen Werttheorie in der BRD // *Beiträge zur Marx-Engels-Forschung.* — Berlin, 1982. — H. 11; *Hecker R.* Noch einige Bemerkungen zur Verfälschung von Marx' Werttheorie // *Beiträge zur Marx-Engels-Forschung.* — Berlin, 1984. — H. 15; *Hecker R., Tschepurenko A.* Marx' Werttheorie — Hauptgegenstand der Angriffe der bürgerlichen «Marxologie» auf ökonomischem Gebiet // *Marx-Engels-Jahrbuch* 8. — Berlin, 1985; *Hild M.* Joan Robinsonnak a marxizmus munkáérték-elméletét kapcsolatos nézeteiről // *Tájékoztató.* — Budapest, 1983. — 2 sz.; Wie bürgerliche Ökonomen erzogen werden: Eine Auseinandersetzung mit der «Volkswirtschaftslehre» von Paul A. Samuelson. — Berlin, 1985. — Kap. 5. 1; а также другие монографии, сборники и статьи, в том числе упоминаемые и цитируемые в последующем изложении.

¹⁰ Современная буржуазная экономическая мысль... — С. 70.

¹¹ См. письма Зомбарта и Шмидта Энгельсу (в кн.: *Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения.* —

М., 1982.— С. 485—490), ответы Энгельса (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 39.— С. 350—358), а также его предисловие к III тому «Капитала» (Там же.— Т. 25, ч. 1.— С. 14—16), наконец, статью Ленина «Еще одно уничтожение социализма» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 25.— С. 44, 46 и др.) с антикритикой выдвинутых Струве в книге «Хозяйство и цена» (Ч. 1.— Спб.; М., 1913) против Маркса обвинений в схоластическом характере трудовой теории стоимости.

¹² «...Большинство современных экономистов склонны считать радикальными такие доктрины,— пишет одна из представительниц леворадикальной политической экономии,— которые предполагают ликвидацию рыночной экономики и введение той или иной формы социализма, характеризующегося, во-первых, общественной собственностью на средства производства, во-вторых, контролем трудящихся над процессом труда и, в-третьих, подлинно эгалитарным распределением доходов и богатства... радикальные экономисты пришли к выводу, что основные социально-экономические проблемы могут быть решены лишь посредством коренного преобразования нашего общества, т. е. путем изменения его основных институтов» (*Эппелбаум А.* Радикальная экономическая теория // *Современная экономическая мысль*.— М., 1981.— С. 771, 772). Общая характеристика этого течения экономической мысли, его отношения к марксистско-ленинской политэкономии дана, например, в монографии: *Критика современной буржуазной политэкономии* / Отв. ред. А. Г. Милейковский, И. М. Осадчая.— М., 1977.— Гл. 13.

¹³ «Последнее двадцатилетие,— пишет, например, Брайан Беркитт из Брэдфордского университета (Великобритания),— дало свидетельства растущей неудовлетворенности методологией ортодоксальной экономики. Эта неудовлетворенность проявилась во вновь возникшем интересе к марксизму... образовании Союза радикальных политико-экономов в Соединенных Штатах и Конференции экономистов-социалистов в Великобритании» (*Burkitt B.* Radical political economy: An introduction to the alternative Economics.— Brighton, 1984.— P. 163).

¹⁴ Профессор политической экономии нью-йоркской Новой школы Анвар Шейх определенно указывает на генетическое родство неорикардизма и левого кейнсианства (*Shaikh A.* The transformation from Marx to Sraffa // *Ricardo, Marx, Sraffa. The Langston Memorial volume*.— London, 1984.— P. 43). О том, что в трактовке теории стоимости Маркса трудно провести черту, разделяющую посткейнсианство и леворадикальную (в основе своей неорикардианскую) политэкономия, при всем не-

- сходстве их идейных устремлений, говорилось и в советской литературе (см.: *Осадчая И. М.* Консерватизм против реформизма.— С. 145).
- ¹⁵ Подробнее см.: *Шемятенков В. Г.* Теории капитала.— С. 207—208; *Осадчая И. М.* Консерватизм против реформизма.— С. 146—155.
- ¹⁶ См., например: *Laibman D.* Values and prices of production: the political economy of the transformation problem // *Science and Society*.— 1973/74.— Vol. 37; *Glombowski J.* Eine elementare Einführung in das «Transformationsproblem» // *Mehrwert*.— 1977.— Н. 13; *Accardo G.* Ein Verzeichnis von Veröffentlichungen zum Transformationsproblem // *Ebenda*; *Abraham-Frois G., Berrebi E.* Theory of value, prices and accumulation: a mathematical integration of Marx, von Neumann and Sraffa.— Cambridge, 1979; *Dumenil G.* De la valeur aux prix de production: Une réinterprétation de la transformation.— Paris, 1980; *Lichtenstein P. M.* An introduction to Post-Keynesian and Marxian theories of value and price.— New York, 1982; *Marksizam u svetu*.— 1981.— Br. 10; *Howard M. C., King J. E.* The political economy of Marx.— 2nd ed.— London; New York, 1985.— Ch. 8.
- ¹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 25, ч. 1.— С. 167.
- ¹⁸ Там же.— Т. 39.— С. 352.
- ¹⁹ Более подробно см.: Первоначальный вариант «Капитала»...— Гл. 6, разд. 2.
- ²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 29.— С. 212.
- ²¹ См., например, там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 49, 92.
- ²² См. там же.— С. 267, 268.
- ²³ Там же.— С. 274.
- ²⁴ *Осадчая И. М.* Консерватизм против реформизма.— С. 154.
- ²⁵ Как удалось установить японским марксоведам Идзуми Омура и Фумикацу Йошида, а также исследователям из ГДР Манфреду Мюллеру и Вольфгангу Фокке, последовательность создания отдельных частей рукописи была такова, что XVI тетрадь была написана прежде VI—XV тетрадей, и лишь нумеруя тетради по завершении всей работы над вторым черновым вариантом «Капитала», Маркс фактически расположил их в логическом, а не в хронологическом порядке (подробнее см.: *Beiträge zur Marx-Engels-Forschung*.— Berlin, 1984.— Н. 16.— S. 175—194).
- ²⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 48.— С. 257.
- ²⁷ Там же.— С. 258—259.

- 28 Там же.— С. 270—271.
- 29 См. там же.— С. 274.
- 30 Там же.— С. 278.
- 31 Там же.— С. 274.
- 32 Там же.— С. 279.
- 33 Там же.— Т. 26, ч. 2.— С. 187—188.
- 34 Согласно более поздним представлениям Маркса, первым таким посредствующим звеном должно было стать, очевидно, рассмотрение товара как продукта капитала, как *товарной массы*. Имея в виду определение цены, Маркс отмечал, что, когда товар выступает как продукт капитала, это определение сначала изменяется «формально», но позже — «действительно в ценах производства» (см. там же.— Т. 49.— С. 26).
- 35 Там же.— Т. 26, ч. 2.— С. 222—223.
- 36 Там же.— С. 223—224.
- 37 Там же.— С. 205.
- 38 Подробнее см.: *Казьмина И. Г.* К истории разработки К. Марксом теории средней прибыли и цены производства // Из истории марксизма и международного рабочего движения.— М., 1973.— С. 135—166.
- 39 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 25, ч. 1.— С. 171.
- 40 Там же.— С. 177.
- 41 Там же.— С. 178.
- 42 Там же.— С. 183—184.
- 43 Там же.— С. 184.
- 44 Там же.— С. 180.
- 45 См. там же.
- 46 Там же.— С. 191.
- 47 Там же.— С. 189.
- 48 Там же.— С. 195.
- 49 Там же.— С. 196.
- 50 Там же.— С. 207—208.
- 51 Там же.— С. 208. Подробнее см.: *Тронева К. П.* Категории рыночная стоимость и рыночная цена в III томе «Капитала» // Вестник Московского университета. Экономика.— 1973.— № 3.
- 52 Адекватное толкование Марксовой концепции механизма ценнообразования требует, на наш взгляд, «трехступенчатого» рассмотрения происходящих процессов: цена как абстракт-

ная форма стоимости — цена производства как превращенная форма стоимости — рыночная цена (монопольная цена и т. д.) как эмпирическая форма стоимости. Последний уровень исследования выходит за рамки теоретической системы «Капитала», это — предмет специального учения о конкуренции (о нем речь еще пойдет в 5-й главе данной работы).

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 25, ч. 1.— С. 197.

⁵⁴ Там же.— С. 200.

⁵⁵ Там же.— С. 215.

⁵⁶ Там же.— Т. 39.— С. 306. Энгельсу, писавшему эти строки уже после выхода в свет III тома «Капитала», были хорошо известны весьма уязвимые попытки, предпринятые в 80 — начале 90-х гг. прошлого столетия рядом теоретиков с целью решить проблему превращения стоимости в цену производства «в духе Маркса». Все они основывались на весьма значительной корректировке основных положений Марксовой теории стоимости. На это, как известно, Энгельс обращал внимание в своем Предисловии к III тому «Капитала» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 25, ч. 1.— С. 11—26). Подробнее см. также: Казьмина И. Г. Попытка народника В. Воронцова решить проблему средней нормы прибыли на основе закона стоимости // Научно-информ. бюл. Сектора производений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС.— М., 1967.— № 16; Очерки истории идейной борьбы вокруг «Капитала» К. Маркса (1867—1967).— М., 1968.— С. 126—139; Хеккер Р., Чепуренко А. Ю. Полемика по проблеме соотношения закона стоимости и средней прибыли в «Капитале» К. Маркса (80—90-е гг. XIX в.) // Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения.— М., 1982.— С. 104—108.

⁵⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 39.— С. 352; Т. 25, ч. 2.— С. 163—183. Подробнее об историческом изложении рассматриваемой проблемы, которому Энгельс придавал важное значение, см.: Хеккер Р., Чепуренко А. Ю. Полемика по проблеме соотношения закона стоимости и средней прибыли...— С. 98—103, 109—114.

⁵⁸ См.: Бём-Баверк Е. Критика теории Маркса / Пер. с нем.— М. [б. г.]; Гильфердинг Р. Бём-Баверк как критик Маркса / Пер. с нем.— М., 1923. Впрочем, еще до того, как австрийский буржуазный экономист Бём-Баверк публично заявил о том, что теория прибыли и цены производства «опровергает» Марксову теорию стоимости, к аналогичному выводу пришли теоретики германской социал-демократии Э. Бернштейн,

К. Каутский и К. Шмидт (*Steinberg H.-J. Sozialismus und deutsche Sozialdemokratie: Zur Ideologie der Partei vor dem 1. Weltkrieg.*— Hannover, 1969.— S. 91—92).

⁵⁹ *Bortkiewicz L.* Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik.— 1906.— Bd. XXIII, H. 1; 1907, Bd. XXV, H. 1, 2; *Bortkiewicz L.* Zur Berichtigung einer grundlegenden theoretischen Konstruktion von Marx im dritten Band des «Kapitals» // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik.— III. Folge, 1907.— Bd. 34, и др.

⁶⁰ *Bortkiewicz L.* Zur Berichtigung...— S. 326, 330.

⁶¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 49.— С. 12.

⁶² Там же.— Т. 25, ч. 1.— С. 174—175.

⁶³ Там же.— С. 175—176.

⁶⁴ Там же.— С. 179—180.

⁶⁵ «Модели,— справедливо отмечается в коллективном исследовании новосибирских экономистов,— не следует смешивать с иллюстрациями: последние лишь делают более наглядным или (и) запоминающимся полученное без их помощи знание, тогда как первые дают возможность получения нового знания (точнее, ранее неизвестных следствий из определенных знаний). Иллюстрация может касаться лишь отдельных сторон объекта, модель же должна быть отражением комплекса существенных для ответа на рассматриваемый вопрос сторон первичного объекта, притом взятых с учетом их соотношений, взаимосвязи». В то же время верно, конечно, и то, что «в ряде случаев Маркс пользуется числовыми примерами и схемами, не получающими у него общего выражения в виде формальных моделей, в этом смысле сохраняющими характер иллюстраций, однако доведенными до уровня, за которым непосредственно следующий шаг — это построение модели» (Теоретические народнохозяйственные модели.— Новосибирск, 1980.— С. 8, 11).

⁶⁶ См.: *Вальгух К.* Марксова теория цены производства в формализованном изложении // Общественные науки.— 1980.— № 5.— С. 110—111.

⁶⁷ «Для нашего настоящего исследования нет необходимости подробнее входить в рассмотрение этого пункта,— писал Маркс.— При этом во всяком случае остается справедливым положение, что издержки производства товаров всегда меньше их стоимости» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 25, ч. 1.— С. 180).

- ⁶⁸ «Видимо... он не считал вопрос о математическом равенстве стоимости и цен производства,— пишет И. М. Осадчая,— достаточно существенным для своей теории» (*Осадчая И. М. Консерватизм против реформизма.*— М., 1984.— С. 156).
- ⁶⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 25, ч. 1.— С. 176.
- ⁷⁰ *Winternitz J.* Values and prices: a solution of the so-called «transformation problem» // *Economic Journal.*— June 1948; *May K.* Value and price of production: a note on Winternitz's solution // *Economic Journal.*— December 1948.
- ⁷¹ *Seton F.* The «transformation problem» // *The Economics of Marx: Selected readings of exposition and criticism* / Ed. by M. C. Howard and J. E. King.— Harmondsworth, 1976.— P. 171—172 (статья была впервые опубликована в 1957 г.).
- ⁷² *Sraffa P.* Production of commodities by means of commodities: Prelude to a critique of economic theory.— Cambridge, 1960.
- ⁷³ «Проанализированные Сраффой отношения между заработной платой, прибылью, ценами и условиями производства позволяют не только критически подойти к маржиналистской теории, но и дать простое и окончательное решение определенных вопросов, которые долгое время обсуждались марксистами»,— пишет один из лидеров данного направления, профессор Манчестерского университета Иэн Сидмен (*Steedman I.* Marx after Sraffa.— 2nd ed.— London, 1981.— P. 13).
- ⁷⁴ См., например: *Геретик Ш.* Новейшие буржуазные фальсификации Марксовой теории стоимости и эксплуатации // *Материалы VI международной конференции экономистов-марксистов по критике буржуазных экономических теорий на тему: «Карл Маркс и современная буржуазная политическая экономия»: (К 110-летию выхода в свет «Капитала»).* Тематич. направление III.— М., 1977.— С. 2—15; *Шемятенков В. Г.* Теории капитала.— С. 207—216; *Осадчая И. М.* Консерватизм против реформизма.— С. 145—153; *Афанасьев В. С.* Этапы развития буржуазной политической экономии.— С. 134—147.
- ⁷⁵ *Pennavaia C.* Die Rezeption der Werke Piero Sraffas in Deutschland. Zu einer Problematisierung des neoricardianischen Ansatzes // *Gesellschaft. Beiträge zur Marxschen Theorie.*— 1.— Frankfurt a. M., 1974.— S. 190—191.
- ⁷⁶ *Romero H. G.* Marx, Sraffa and the Neo-Classicals in context // *Ricardo, Marx, Sraffa.*— P. 111.
- ⁷⁷ *Roosevelt F.* Cambridge economics and commodity fetishism // *The Review of Radical Political Economics.*— 1975.— P. 21 sqq.

- ⁷⁸ Редактор еженедельника «Socialist Action» Алан Фримен провозглашает, что для неорикардианцев «причинность и калькуляция...— одно и то же» (*Freeman A. The logic of the transformation problem* // Ricardo, Marx, Sraffa.— P. 258).
- ⁷⁹ См.: *Казанцев С. В.* Теоретические модели цен (критический анализ буржуазных концепций).— Новосибирск, 1987.— С. 4.
- ⁸⁰ Об этом в последние годы писали как противники (Пол Суизи, Сюзан де Брунхоф, Альфредо Медьо, Эрик Олин Райт, Макого Ито и др.), так и последователи Сраффы (Джефф Ходжсон, Прадип Бандиопадьяй). См., например, сборник: *The value controversy*.— London, 1981.
- ⁸¹ *Fine B. Economic theory and ideology*.— London, 1980.— P. 137; *Fine B., Harris L. Surveying the foundations* // *The Socialist Register*.— 1977.— P. 111—113; Ricardo, Marx, Sraffa, и др.
- ⁸² *Fine B. Economic theory and ideology*...— P. 137—139. Есть, правда, и принципиальное отличие концепции Сраффы: в противоположность неоклассикам, он не прибегает к субъективистским понятиям, на которых зиждется неоклассическое учение о максимизации полезности в процессе экономической деятельности.
- ⁸³ *Pennavaia C. Die Rezeption der Werke Piero Sraffas in Deutschland*...— S. 188.
- ⁸⁴ Мексиканский экономист Эктор Жюльен Ромеро пишет по этому поводу: «Неорикардианской концепции отнюдь не принадлежит гегемония в рамках нынешнего экономического мышления, хотя она и достигла определенного распространения... Критический анализ неорикардианской теории весьма важен не потому, что она играет определенную роль в современной экономической мысли, а потому, что она начала приобретать известное влияние на рабочее движение... сторонники Кембриджской школы есть среди ядра Итальянской коммунистической партии и представителей крайней левой» (Ricardo, Marx, Sraffa...— P. 86—88).
- ⁸⁵ *Howard M. C., King J. E. Introduction* // *The Economics of Marx*...— P. 31—32.
- ⁸⁶ *Казанцев С. В.* Теоретические модели цен...— С. 53.
- ⁸⁷ Это убедительно продемонстрировано в работах представителей марксистского крыла леворадикальной экономической теории (см., например: *Himmelweit S., Mohun S. Real abstractions and anomalous assumptions* // *The value controversy*...— P. 244—265; *Mohun S. Abstract labor and its value-form* // *Science and Society*.— Vol. XLVIII.— No. 4, Winter 1984—1985.— P. 388—406, и др.).

- ⁸⁸ См., например: *Kurz H.* Zur neoricardianischen Theorie des allgemeinen Gleichgewichts der Produktion und Zirkulation.— Berlin (W.), 1977; *Steedman I.* Marx on Ricardo // Classical and Marxian political economy. Essays in honour of R. L. Meek / Ed. by J. Bradley and M. Howard.— London, 1982.— P. 115—156.
- ⁸⁹ Данный тезис, по мнению Алана Фримена, в конечном счете всегда позволяет отличить неорикардианцев от марксистов (*Freeman A.* The logic of the transformation problem // Ricardo, Marx, Sraffa...— P. 221, 222).
- ⁹⁰ Критику концепции Моришимы см. в вышеупомянутых статьях К. Вальтуха, А. Гальчинского, А. Чепуренко, а также в ст.: *Аукуционек С., Энгов Р.* Марксистская теория стоимости и буржуазная политическая экономия // Материалы VI международной конференции экономистов-марксистов по критике буржуазных экономических теорий...— С. 16—24.
- ⁹¹ *Steedman I.* Ricardo, Marx, Sraffa // The value controversy.— London, 1981.— P. 14—15.
- ⁹² *Steedman I.* Marx on Ricardo...— P. 116—125.
- ⁹³ *Вальтух К.* Буржуазные теоретические экономико-математические концепции // Экономические науки.— 1986.— № 7.— С. 27. Ср. также его — изданную, к сожалению, только на английском языке — книгу: *Valtukh K. K.* Marx's theory of commodity and surplus-value: Formalised exposition.— Moscow, 1987.— Ch. 3.3, а также монографию: *Казанцев С. В.* Теоретические модели цен...— Гл. 1, 2 и статью исследователя из ГДР Манфреда Хике: *Hieke M.* Über den Zusammenhang von Werten, Produktionspreisen und technologisch bedingten Proportionen — Zu Samuelsons Kritik der Marxschen Werttheorie // Wirtschaftswissenschaft.— 1981.— H. 8.— S. 981—992.
- ⁹⁴ *Steedman I.* Marx after Sraffa.— London, 1977.— P. 151—154.
- ⁹⁵ The value controversy...— P. 13.
- ⁹⁶ Ibid.— P. 15.
- ⁹⁷ *Farjoun E.* The production of commodities by means of what? // Ricardo, Marx, Sraffa...— P. 18, 19.
- ⁹⁸ *Savran S.* The negation of «negative values» // Ricardo, Marx, Sraffa...— P. 216.
- ⁹⁹ *Itoh M.* Joint production: the issues after Steedman // The value controversy...— P. 170—171.
- ¹⁰⁰ Ibid.— P. 172.
- ¹⁰¹ *Cogoy M.* Traditionelle und neue Arbeitswerttheorie // Gesellschaft. Beiträge zur Marxschen Theorie.— 13.— Frankfurt a. M., 1979.— S. 118—123.

- 102 **Ebenda.**— S. 124, 132—133 и. а. Несколько иначе рассуждает Савран, но он также приходит к выводу, что корректная — с точки зрения теории Маркса — математическая модель, состоящая из системы линейных уравнений, построенных с использованием применяемой Стидменом процедуры, содержала бы больше строк, чем неизвестных, а потому система не имела бы определенного смысла (*Ricardo, Marx, Sraffa...*— P. 216).
- 103 Отошлем читателя, например, к статьям испанского экономиста Хесуса Альбараччин Гомеса и уже упоминавшегося Алана Фримена в сб.: *Ricardo, Marx, Sraffa...*— P. 177—209, 221—264.
- 104 *Morishima M. Marx's economics: A dual theory of value and growth.*— London, 1973.— P. 12.
- 105 В уже упоминавшейся «Главе шестой» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*— Т. 49.— С. 9) автор «Капитала» вполне определенно указал, что затраты общественно необходимого труда в обществе, основанном на товарном производстве, могут быть «исчислены» лишь косвенно, через стоимость.
- 106 На этот противоречащий Марксовой концепции момент в построениях неорикардианцев как на основную их ошибку указывали ныне покойная американская исследовательница Маргарет Фэй и западногерманский экономист Йоханнес Хенгстенберг (*Hengstenberg J. D., Fay M. A. Kuppelproduktion und «negative Werte»: Die Vergeblichkeit der Steedmanschen Kritik an der Arbeitswertlehre // Hefte für Politische Ökonomie.*— Göttingen [o. J.].— Н. 1.— С. 71—74).
- 107 *Stamatis G. Beiträge zur Kritik der neoricardianischen und neoklassischen Theorie // Göttinger Beiträge zur Gesellschaftstheorie.*— 1979.— Н. 4.— С. 43—49.
- 108 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*— Т. 23.— С. 52 (курсив наш.— *Авт.*).
- 109 Там же.— С. 90, примеч. 31.
- 110 Справедливости ради отметим, что впоследствии Моришима пришел к выводу об ошибочности многих положений своей критики теории стоимости Маркса, о чем он заявил со страниц новой книги: *Morishima M., Catephores G. Value, exploitation and growth: Marx in the light of modern economic theory.*— London, 1978. (См. также: *Гальчинский А. Теория стоимости Маркса и ее современные неорикардианские фальсификации // Вопросы экономики.*— 1983.— № 3.— С. 43—44.)
- 111 Впрочем, само по себе признание сложного диалектического характера взаимосвязи между стоимостью и ценой производ-

- ства может приводить — и приводит — исследователей к различным выводам. Если Томас Сэкине на этом основании приходит к выводу о существовании «двух проблем трансформации» — «диалектической» и «математической» (*Sekine T. An Uno school seminar on the theory of value // Science and Society.— Vol. XLVIII.— No. 4, Winter 1984—1985.— P. 427*), то М. Де Врой полагает, что вообще нельзя говорить о какой бы то ни было трансформации стоимостей в цены производства: «Понятия стоимости и цены принадлежат к различным теоретическим уровням. Как результат этого, математические операции, которые рассматривают их в одном ряду уравнений, не имеют смысла. К сожалению, на это обстоятельство редко обращали внимание, и большинство, вслед за Марксом повторяя его ошибку, считают подобную операцию эпистемологически обоснованной... С этим нельзя согласиться. Может быть установлена лишь качественная связь — благодаря концепции денежного выражения общественного рабочего времени...» (*De Vroey M. Value, production and exchange // The value controversy...— P. 190*).
- ¹¹² Dietz B., Türck H. Sraffa erneut gelesen. Eine kritische Einschätzung // Gesellschaft. Beiträge zur Marxschen Theorie.— 11.— Frankfurt a. M., 1978.— S. 241.
- ¹¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 26, ч. 2.— С. 233.
- ¹¹⁴ Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 80—81.
- ¹¹⁵ «Построенные на основе межотраслевого баланса модели цен используются буржуазными авторами преимущественно для теоретического анализа. В плановой экономике становится возможным их практическое применение» (*Казанцев С. В. Теоретические модели цен...— С. 50*).
- ¹¹⁶ Albritton R. A Japanese reconstruction of Marxist theory.— Houndmills e. a., 1986.— P. 63.
- ¹¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 26, ч. 2.— С. 185.
- ¹¹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 26, ч. 2.— С. 182—185.
- ¹¹⁹ Там же.— С. 186.
- ¹²⁰ На это обстоятельство обращают внимание ориентирующиеся на марксизм экономисты, критикуя неорикардианскую интерпретацию превращения стоимости в цену производства (см., например, статьи М. Ито и М. Де Вроя в книге «The value controversy», А. Шейха в книге «Ricardo, Marx, Sraffa», а также: Mohun S. Abstract labor and its value-form // Science and Society.— Vol. XLVIII.— No. 4, Winter 1984—1985.— P. 405).
- ¹²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 23.— С. 71.

- ¹²² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 20.— С. 310.
- ¹²³ Hieke M. Über den Zusammenhang von Werten, Produktionspreisen und technologisch bedingten Proportionen...— S. 988, 989.
- ¹²⁴ См., например: Valtukh K. K. Op. cit.— P. 190.
- ¹²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 25, ч. 1.— С. 176.
- ¹²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 4.— С. 203.
- ¹²⁷ Подробнее см.: Нагель Э., Ньюмен Л. Р. Теорема Гёделя / Пер. с англ.— М., 1970.
- ¹²⁸ Философская энциклопедия.— Т. 1.— М., 1960.— С. 338.
- ¹²⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 23.— С. 274—311; Т. 16.— С. 9.
- ¹³⁰ Подробнее см.: Рабочее время в капиталистических странах. Проблемы эксплуатации, безработицы и классовой борьбы / Отв. ред. В. А. Виноградов, О. В. Сальковский.— М., 1985.— Гл. 1, 3; Hautsch G., Pickshaus K., Priester K. Der Arbeitskampf um die 35-Stunden-Woche: «Flexi-Konzept» des Kapitals und die Zukunft der Gewerkschaften.— Frankfurt a. M., 1984.
- ¹³¹ Steedman I. Robots and capitalism // New Left Review.— 1985.— No. 151 (May — June).— P. 126.
- ¹³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 102—103.
- ¹³³ Там же.— Ч. 2.— С. 214.
- ¹³⁴ Van Haaren K. Menschengerechtes Leben und arbeitnehmerorientierte Gesellschaft. Zur Zukunft der Arbeit und der Gewerkschaften // Befreiung der Arbeit. Strategien gegen Arbeitslosigkeit, Naturzerstörung und Entfremdung.— Bonn, 1986. S. 164.
- ¹³⁵ Геретик III. Новейшие буржуазные фальсификации Марксовой теории стоимости и эксплуатации...— С. 12.
- ¹³⁶ Sowell Th. Marx's Capital after one hundred years // The economics of Marx: Selected readings of exposition and criticism...— P. 71.
- ¹³⁷ Howard M. C., King J. E. Introduction // Ibid.— P. 30—31.
- ¹³⁸ Ниже мы еще вернемся к вопросу о том, что же представляют собой в теоретическом отношении альтернативные концепции последней группы авторов. Заметим, однако, уже здесь, что они отнюдь не получают единодушной поддержки в леворадикальной литературе — см., например: Carling A. Rational choice Marxism // New Left Review.— 1986.— No. 160 (November — December): Laibman D. Exploitation, commodity relations and capitalism: A defense of the labor-value formulation // Science and Society.— 1980.— Vol. XLIV. No. 3.

- ¹³⁹ См., например: *Hodgson G. Critique of Wright. 1. Labour and profits; Bandyopadhyay P. Critique of Wright. 2. In defence of a post-Sraffian approach // The value controversy...— P. 75—129.*
- ¹⁴⁰ Критикуя последователей Сраффы и Стидмена, некоторые представители марксистского крыла леворадикалов высказываются в то же время против того, чтобы зачислять их в ряды рикардianцев, ибо «сраффианский анализ составляет часть вульгарной политэкономии, тогда как рикардianский — отнюдь нет» (*Himmelweit S., Mohun S. Real abstractions and anomalous assumptions // The value controversy...— P. 250*). Думается, однако, что в нынешних условиях актуализация идейного наследия Рикардо без учета вклада в развитие политэкономии, внесенного Марксом (а именно таков смысл неорикардianства), неминуемо оборачивается вульгаризацией трудовой теории стоимости. В этом смысле рикардianство и сраффианство суть синонимы.
- ¹⁴¹ См., например: *Préteceille E. Capitalism, consumption, and needs.— Oxford, 1985; Science, technology and the labour process: Marxist studies / Ed. by Les Levidow and Bob Young.— Vol. 1.— London; Atlantic Highlands, 1981, статьи Тессы Моррис-Судзуки, пытающейся с позиций трудовой теории стоимости осмыслить процесс кибернетизации и роботизации капиталистического производства (Morris-Sudzuki T. Robots and capitalism // New Left Review.— 1984.— No. 147; Capitalism in the computer age // Ibid.— 1986.— No. 160), и др. Более подробно о так называемой «неомарксистской» экономической социологии см.: Алиева Д. Я. «Второе открытие» наследия Карла Маркса // Социологические исследования.— 1987.— № 3.*
- ¹⁴² *Morishima M. Marx's economics...— P. 53—55.* О тех допущениях, на которых построена математическая формализация «фундаментальной теоремы» у Моришимы, уже говорилось выше.
- ¹⁴³ Подробнее см.: *Bose A. Marx on exploitation and inequality: An essay in Marxian analytical economics.— Delhi e. a., 1980.— P. 1—91.*
- ¹⁴⁴ См., например: *Bowles S., Gintis H. Structure and practice in the labor theory of value // Review of Radical Political Economics.— 1981.— No. 4.— P. 1—26; Roemer J. A general theory of exploitation and class.— Cambridge (Mass.); Harvard, 1982; Wolff R. A. Critique and reinterpretation of Marx's labor theory of value // Philosophy and Public Affairs.— 1981.— Vol. X. No. 2.— P. 89—120, и др.*
- ¹⁴⁵ Удачный обзор дискуссий 70 — начала 80-х гг. по данной про-

блеме в немарксистских кругах дан, например, в статье: *King J. E. Value and exploitation: some recent debates // Classical and Marxian political economy.*— London; Basingstoke, 1982.— P. 157—187.

- 146 Эта линия активно разрабатывается в последние годы и является «последним словом» леворадикальной мысли в лице таких ее авторитетов, как Джон Элстер, профессор политических наук Чикагского университета и научный директор Института социальных исследований в Осло (см., например, его работу: *Making sense of Marx.*— Cambridge (Mass.), 1985), профессор политической экономики Калифорнийского университета (Дэвис) Джон Рёмер и др.
- 147 «Объяснить существование прибыли — значит объяснить эксплуатацию...» — полагает Стивмен (*The value controversy...*— P. 17). Между тем прибыль может быть легко вычислена, если известны «физические величины затрат и выпуска, включая рабочее время...» (*ibid.*— P. 15). Раз так, то «концепция излишка (the surplus approach) экономистов-классиков и Маркса может быть освобождена от влияния «трудовой теории стоимости», включает появившийся реформатор учения Маркса (*ibid.*— P. 19). Необходимо отметить, что натурализм и антиисторизм, вульгарный характер подобных воззрений подверг критике даже такой противник «ортодоксального марксизма», как Пол Суизи (*Sweezy P. Marxian value theory and crises // The value controversy...*— P. 22, 26). Однако точка зрения Стивмена и его последователей является все же доминирующей в леворадикальной литературе.
- 148 *Cohen G. A. The labour theory of value and the concept of exploitation // The value controversy...*— P. 202.
- 149 *Ibid.*— P. 218.
- 150 *Ibid.*— P. 219.
- 151 *Ibid.*— P. 221.
- 152 Соответствующее высказывание Маркса в «Капитале» выше уже приводилось (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*— Т. 23.— С. 52). Ср. там же.— Т. 19.— С. 13.
- 153 Там же.— Т. 25, ч. 2.— С. 393.
- 154 «В принципе,— откровенно высказывается на этот счет убежденный неорикардиец, сотрудник редакции нью-йоркского марксистского журнала «Science and Society» Прадип Бандионадьяй,— практически все, что говорится в I томе «Капитала» относительно процесса труда, можно проанализировать при помощи соответствующей сложности сраффьянской модели... поскольку изменения в социальных отноше-

ниях процесса труда влияют на изменения в социотехнических показателях и (или) реальной заработной плате и могут быть определены или измерены последними, постольку они поддаются исследованию в рамках сраффианской модели» (*Bandyopadhyay P. In defence of a post-Sraffian approach // The value controversy...— P. 128*). Автор, по-видимому, проглядел, что в «Капитале» рассматривается отнюдь не абстрактный, внеисторически понимаемый «процесс труда» сам по себе, а процесс капиталистического производства в единстве обеих его сторон — вещественной и социальной. Эта последняя не поддается сугубо технологической трактовке, о чем недвусмысленно — и доказательно — писал Маркс.

- 155 «Что Стидмен (добавим, и не только он один.— А. Ч.) стремится отсечь, так это концепцию прибавочной стоимости, а не концепцию прибавочного труда. Последняя носит более фундаментальный и творческий характер и является обоснованием как марксистского анализа способов производства, так и теории общественных классов и их отношений», — пишет Бапдионадьяй, полагая, что тем самым он примирил неорикардизм с марксизмом (op. cit.— P. 121).
- 156 См.: Современная буржуазная экономическая мысль: Критика теории и методологии...— С. 197.
- 157 *Cohen G. A. Freedom, justice and capitalism* (цит. по: *Roemer J. Should Marxists be interested in exploitation? // Analytical Marxism...— P. 266*).
- 158 *Elster J. An introduction to Karl Marx.— Cambridge e. a., 1986.— P. 79.*
- 159 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 19.— С. 16, 20—21.*
- 160 *Wood A. Marx and equality // Analytical Marxism.— P. 284—285, 302.*
- 161 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 19.— С. 255.*
- 162 Там же.— С. 373—374.
- 163 Там же.— Т. 21.— С. 506.
- 164 *Elster J. An introduction to Karl Marx...— P. 92.*
- 165 Ibid.— P. 95.
- 166 См., например: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 185—198.*
- 167 Там же.— Т. 23.— С. 600.
- 168 Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 195.
- 169 *Elster J. An introduction to Karl Marx...— P. 98.*

- ¹⁷⁰ *Hodgson G.* Capitalism, value and exploitation: A radical theory.— Oxford, 1982.— P. 11, 12.
- ¹⁷¹ *Ibid.*— P. 10.
- ¹⁷² *Ibid.*— P. 85.
- ¹⁷³ *Ibid.*— P. 79.
- ¹⁷⁴ *Roemer J. E.* A general theory of exploitation and class.— Cambridge (Mass.); London, 1982.— P. 19—20. Критику концепции Рёмера см. в статье: Гальчинский А. «Ренессанс» Маркса в современной буржуазной политической экономии...— С. 101—103.
- ¹⁷⁵ Этот момент, судя по всему, до сих пор ускользает от внимания некоторых советских специалистов по критике буржуазных и немарксистских экономических теорий, о чем свидетельствует прочное убеждение, что «в поисках путей «уничтожения» общественной собственности на средства производства советологи прибегают к фальсификации марксистских взглядов на собственность, пытаясь утверждать, будто она, согласно этим взглядам, не является определяющей чертой общественно-экономической формации» (Цага В. Прочная опора на труды классиков марксизма-ленинизма — необходимая основа для критики буржуазных, ревизионистских и реформистских теорий социализма // Экономические науки.— 1986.— № 7.— С. 77).
- ¹⁷⁶ *Hodgson G.* Op. cit.— P. 100.
- ¹⁷⁷ *Ibid.*— P. 112.
- ¹⁷⁸ *Roemer J.* New directions in the Marxian theory of exploitation and class // Analytical Marxism...— P. 94.
- ¹⁷⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 197.
- ¹⁸⁰ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 4.— С. 35.
- ¹⁸¹ Бурная дискуссия велась, в частности, в СССР в конце 20-х гг. в связи с «Очерками по теории стоимости Маркса» И. И. Рубина и его докладом в Институте экономики на тему «Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса» (1928). Ходжсон, наверное, очень удивился бы, узнав, что с весьма близких ему позиций выступали представители... так называемого механистического направления в политической экономии (см., например: *Шабс С. С.* Проблема общественного труда в экономической системе Маркса: Критика «Очерков по теории стоимости Маркса» И. Рубина.— М.; Л., 1929).
- ¹⁸² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 55.
- ¹⁸³ Такое понимание данной категории аргументированно отстаивают представители марксистского крыла в леворади-

кальной экономической теории (см., например, статьи М. Де Вройя, а также С. Химмелвайт и С. Моана в упоминавшемся выше сборнике «The value controversy»).

¹⁸⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 40—41.

¹⁸⁵ Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса.— М., 1968.— С. 73—74.

¹⁸⁶ Правильнее, конечно, в данной связи было бы говорить о самом человеке, живом индивиде, владельце рабочей силы. Ходжсон, однако, хотя и заявляет, что различает «труд» и «рабочую силу», на практике часто употребляет эти термины как синонимы.

¹⁸⁷ Hodgson G. Op. cit.— P. 170—177.

¹⁸⁸ Ibid.— P. 182.

¹⁸⁹ Ibid.— P. 208—209 а. о.

¹⁹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 109—110, 112—113.

¹⁹¹ Hodgson G. Op. cit.— P. 211, 212.

¹⁹² Ibid.— P. 212. Это определение, впрочем, хотя и банально, но не противоречит марксизму — в отличие от того, что предлагает Рёмер. «...Эксплуатируемым,— пишет он,— является производитель, который не может в результате обмена своего дохода на товары распоряжаться такой величиной трудовой стоимости, которая соответствовала бы количеству труда, затраченного им на производство, а эксплуататором — тот, кто благодаря обмену товаров явно распоряжается большим рабочим временем, причем не имеет значения, как он распределяет свой доход. Это — генерализация классического Марксова определения» (Roemer J. New directions in the Marxian theory of exploitation and class...— P. 96). Такое «Марксово определение» фактически не выходит за пределы кругозора вульгарной буржуазной политической экономии, которая если и говорит об эксплуатации, то ограничивает ее именно сферой обмена. Трудно даже поверить, что эта восходящая к многократно опровергнутому Марксом представлению о «прибыли от отчуждения» версия в наши дни выдается за вершину «подлинно» марксистской теоретической мысли!

¹⁹³ Hodgson G. Op. cit.— P. 116.

¹⁹⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 19.— С. 16—21.

¹⁹⁵ Roemer J. New directions in the Marxian theory of exploitation...— P. 94—95.

¹⁹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 23.— С. 187.

- ¹⁹⁷ Из таблицы, которая приведена на с. 214 его книги, явствует, что эта форма эксплуатации существовала во всех докапиталистических формациях и... сохраняется при социализме!
- ¹⁹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 23.— С. 342—347.
- ¹⁹⁹ См. там же.— Т. 49.— С. 74—93.
- ²⁰⁰ Шкредов В. П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса.— М., 1973.— С. 79.
- ²⁰¹ Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA), Bd. IV/2.— S. 316. Этот же вывод был повторен и развернут в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»: «Политическая экономия исходит из факта частной собственности. Объяснения ее она нам не дает. Материальный процесс, продельваемый в действительности частной собственностью, она укладывает в общие, абстрактные формулы, которые и приобретают для нее затем значение законов. Эти законы она не осмысливает, т. е. не показывает, как они вытекают из самого существа частной собственности» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 42.— С. 86).
- ²⁰² Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 3.— С. 20.
- ²⁰³ Там же.— Т. 4.— С. 168 (курсив мой.— А. Ч.).
- ²⁰⁴ Там же.— Т. 27.— С. 406.
- ²⁰⁵ Там же.— Т. 13.— С. 7 (курсив мой.— А. Ч.).
- ²⁰⁶ К сожалению, в советской литературе можно встретить с непониманием внутренней диалектики развития взглядов Маркса на содержание отношений собственности. Утверждается, например, что «уже в ранних работах К. Маркса 40-х годов было четко сформулировано основополагающее методологическое положение о том, что отношения собственности *определяют* все общественные отношения в данной формации (все стороны общественного производства — производство, распределение, обмен и потребление)» (Цага В. Цит. статья.— С. 78). Иными словами, возникновение марксистской концепции собственности как *экономической* категории фактически относится к тем временам, когда Маркс как экономист делал лишь первые шаги. Или же анализ этапов развития воззрений Маркса подменяется некритическим сопоставлением различных определений собственности, отражавших разный уровень зрелости марксистской теории: «Можно... руководствуясь указаниями К. Маркса, обосновать по крайней мере следующие представления о собственности. Собственность есть: а) отдельное отношение, причем даже не между людьми, а отношение человека к вещам, к продуктам природы и труда; б) отдельное отношение, могущее трактоваться и как экономическое, и как волевое — правовое;

в) чисто правовое отношение — юридическое признание и оформление принадлежности с правом владения и распоряжения, т. е. юридический титул; г) юридическое выражение производственных отношений; д) совокупность, система производственных отношений способа производства; е) совокупность, система всех общественных отношений производства» (Мкртчян А. Собственность — вопросы трактовки // Экономические науки.— 1987.— № 1.— С. 20—21).

- 207 На значение данной рукописи для разграничения экономических и правовых форм справедливо указал западногерманский исследователь Фред Шрадер (*Schrader F. E. Marxens Abstraktionskritik: Differenzierung und Funktionswandel 1843—1858* // *Marx: Au lendemain d'un centenaire. I. Critique de la politique et de l'économie politique.*— Grenoble, 1984.— Р. 86—87).
Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 191.
- 208 Там же.— С. 194.
- 209 Там же.— С. 188—189.
- 210 Там же.— Ч. 2.— С. 443.
- 211 Там же.— С. 444.
- 212 Там же.— С. 457.
- 213 Там же.— Ч. 1.— С. 446.
- 214 См. там же.— Т. 23.— С. 592—601.
- 215 Подробнее см.: Шкредов В. П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса.— М., 1973.
- 216 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*— Т. 16.— С. 26.
- 217 Там же.— Т. 2.— С. 34.
- 218 Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 29.— С. 8.
- 219 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*— Т. 16.— С. 25.
- 220 Там же.— Т. 25, ч. 1.— С. 479.
- 221 См. там же.— С. 484—485.
- 222 *Hodgson G. Op. cit.*— Р. 216.
- 223 *Hodgson Th. The natural and artificial right of property contrasted.*— London, 1832.— Р. 98, 99. В рукописи 1861—1863 гг., обращая внимание на это высказывание, свидетельствующее о растерянности Годскина, который не может объяснить столь разительную метаморфозу в общественных отношениях, Маркс выписывает его — без всякого комментария (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*— Т. 26, ч. 3.— С. 330—331).
- 224 *Hodgson G. Op. cit.*— Р. 234.
- 225 См. материалы дискуссии о проблемах национализации и ре-

приватизации в журнале «Мировая экономика и международные отношения» (1986, № 11, 12), особенно выступление: *Перегудов С.* Дело не только в формах собственности // МЭМО.— 1986.— № 12.— С. 102—104.

²²⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 21.— С. 515—516.

²²⁸ *Stern.*— 1982.— N 43.— S. 102.

²²⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 18.— С. 377.

²³⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 22.

РАЗДЕЛ II

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 19.

² *Wroblewski V.* Diskussion in Frankreich um die Logik bei Marx // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie.*— 1977.— Н. 9.— С. 1123. Наибольшее воздействие на дискуссии по философско-методологическим проблемам «Капитала» на Западе оказали, бесспорно, идеи франкфуртской школы. О специфической интерпретации марксизма «критической теорией» см., например: *Социальная философия франкфуртской школы.*— 2-е изд., доп.— М.; Прага, 1978; *Feenberg A.* Lukacs, Marx and the sources of critical theory.— Oxford, 1986.

³ Это и характер связи между деньгами и товаром в «Капитале», и значение учения о товарном фетишизме для понимания отчуждения и механизма формирования обыденного сознания в буржуазном обществе, и проблема «выведения» государства из внутренней структуры капиталистической экономики, и некоторые другие вопросы. Западногерманский исследователь Фред Шрадер, говоря о литературе, созданной участниками этих дискуссий, характеризует ее как «вторую интерпретацию Гегеля» в рамках послевоенного «новогегелевского прочтения Маркса», причем весьма критически оценивает полученные научные результаты (*Schrader F. E.* *Marxens Abstraktionskritik: Differenzierung und Funktionswandel 1843—1858...*— Р. 59—60).

⁴ Подробнее см.: Первоначальный вариант «Капитала»...— Гл. 13.

⁵ «...«Новая левая» отличается от классической франкфуртской школы именно тем,— отмечала философ из ГДР Камилла Варнке,— что теперь речь идет не об «оккупации» «молодого Маркса» и его противопоставлении «старому Марксу-экономисту». Скорее, замысел заключается в том, чтобы сделать экономическую теорию «старого Маркса» предметом интерпре-

- тации (прежде всего, на методологическом уровне.— А. Ч.) и усвоения» (*Warnke C. Lenins Dialektik-Konzept und linksradikale Imperialismus-Deutungen // Deutsche Zeitschrift für Philosophie.*— 1979.— Н. 3.— С. 288).
- ⁶ Нужно сказать, что в этой дискуссии участвовали и участвуют, внося в нее заметный вклад, и марксистские исследователи Франции, Италии, ФРГ, ряда других капиталистических стран.
- ⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*— Т. 23.— С. 21.
- ⁸ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*— Т. 29.— С. 162.
- ⁹ Там же.— Т. 4.— С. 74—75.
- ¹⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*— Т. 23.— С. 22.
- ¹¹ Философ из ГДР Петер Рубен данное направление определил как ««Капитал»-логическое», охарактеризовав таким образом основной предмет изысканий его приверженцев (*Ruben P. Über Methodologie und Weltanschauung der Kapitallogik // Sozialistische Politik.*— 1977.— Nr. 42; *Ruben P., Schnauss G. Zur Kritik neuerer Versuche, die Methode des «Kapitals» in der bürgerlichen Wissenschaftstheorie zu «rekonstruieren» // Deutsche Zeitschrift für Philosophie.*— 1981.— Н. 1).
- ¹² *Backhaus H.-G. Zur Dialektik der Wertform // Beiträge zur marxistischen Erkenntnistheorie / Hrsg. A. Schmidt.*— Frankfurt a. M., 1969; *Krahl H.-J. Bemerkungen zum Verhältnis von Kapital und Hegelscher Wesenslogik.*— Frankfurt a. M., 1970; *Ders. Zur Wesenslogik der Marxschen Warenanalyse // Konstitution und Klassenkampf / Hrsg. O. Negt.*— Frankfurt a. M., 1971; *Reichelt H. Zur logischen Struktur des Kapitalbegriffs bei Karl Marx.*— Frankfurt a. M., 1970.
- ¹³ Термин «Seminar marxismus» удачно характеризует то направление в левых академических кругах ФРГ и Западного Берлина, которое сложилось вокруг журнала «Социализм» и оформилось в «Социалистические исследовательские группы» (СОСТ). Хотя отнюдь не по всем вопросам СОСТ занимают последовательно марксистские позиции, в целом, однако, это серьезные исследователи.
- ¹⁴ См., например: *Backhaus H.-G. Zur Marxschen «Revolutionierung» und «Kritik» der Ökonomie: die Bestimmung ihres Gegenstandes als Ganzes «verrückter Formen» // Mehrwert. Beiträge zur Kritik der Politischen Ökonomie.*— 1984.— Н. 25.— С. 7—35; *Ders. Zum Problem des Geldes als Konstituens oder Apriori der ökonomischen Gegenständlichkeit // Probleme des Klassenkampfes (PROKLA).*— 1986.— Н. 63.— С. 23—61.

- ¹⁵ *Backhaus H.-G. Materialien zur Rekonstruktion der Marxschen Werttheorie // Gesellschaft. Beiträge zur Marxschen Theorie 1.— Frankfurt a. M., 1974.— S. 61.*
- ¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 23.— С. 57; ср. там же.— Т. 19.— С. 372.*
- ¹⁷ Исследование стоимости в «Капитале» «носит характер, скорее, пояснения, чем доказательства. Дело сводится к тому, чтобы показать, как труд воплощается (в стоимости.— А. Ч.), а не выяснить, почему это происходит,— утверждает, например, Алан Кэрлинг.— Это особенно отчетливо проявляется в анализе последовательности форм стоимости... Маркс сконцентрировал внимание на формах стоимости, чтобы подчеркнуть дистанцию, отделяющую его от внеисторических концепций стоимости экономистов-классиков...» (*Carling A. Observations on the labor theory of value // The theory of value: a symposium...— P. 417*).
- ¹⁸ Идея о «логическом» (в смысле совпадения с внутренней диалектикой развитого буржуазного способа производства) характере метода Маркса к тому времени была уже — правда, с некоторым налетом гегельянства — обоснована в упомянутых выше работах Бакхауза, Краля, Райхельта и некоторых других авторов.
- ¹⁹ *Backhaus H.-G. Materialien zur Rekonstruktion der Marxschen Werttheorie 2 // Gesellschaft. Beiträge zur Marxschen Theorie 3.— Frankfurt a. M., 1975.— S. 122—123.*
- ²⁰ *Backhaus H.-G. Materialien zur Rekonstruktion der Marxschen Werttheorie 3 // Gesellschaft. Beiträge zur Marxschen Theorie 11.— Frankfurt a. M., 1978.— S. 19.*
- ²¹ *Ebenda.*
- ²² *Ebenda.— S. 23.* Данную точку зрения разделяют сегодня многие «неомарксисты» на Западе. См., например: *Albritton R. A Japanese reconstruction of Marxist theory.— Houndmills a. o., 1986.— P. 29—32.*
- ²³ *Backhaus H.-G. Materialien...— 11...— S. 43.*
- ²⁴ См., например, материалы международного colloquium, организованного редакцией западноберлинского «неомарксистского» журнала «Das Argument» в 1983 г., в особенности: *Pietilä V. The logical, the historical and the forms of value — once again // Rethinking Marx / Ed. by S. Hänninen and L. Paldán.— Berlin (W.), 1984.— P. 62—67.*
- ²⁵ Марксовед из ГДР Рольф Хеккер показал, что первоисточником этой концепции является книга Каутского «Экономиче-

- ское учение Карла Маркса», вышедшая 1-м изданием в Штутгарте в 1887 г. (*Hecker R. Die Entwicklung der Werttheorie von der 1. zur 3. Auflage des ersten Bandes des «Kapitals» von Karl Marx (1867—1883) // Marx-Engels-Jahrbuch 10.— Berlin, 1987.— S. 194—195. Anm. 154*).
- ²⁶ В советской литературе данный вывод обоснован, в частности, в коллективных трудах: История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа / Отв. ред. М. М. Розенталь.— М., 1971.— Гл. 8; Методология «Капитала» К. Маркса и современная наука / Под ред. Ф. Ф. Вязкевича.— Л., 1984.— Гл. 5, 6, а также в работах экономистов В. В. Куликова, И. К. Смирнова, В. М. Цветаева, В. П. Шкредова, философов В. А. Вазюлина, В. В. Голобокова, В. С. Добряннова (НРБ), В. П. Кохановского, К. Н. Любутина, Е. Ф. Молевича и др.; аналогичную позицию занимают ученые из ГДР Эва Альтман, Ульрике Галандер, Рольф Хеккер, Вольфганг Ян, многие марксисты в ФРГ, Франции, Италии, Японии.
- ²⁷ Среди наиболее заметных работ последних десятилетий следует назвать: *Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса.*— М., 1968.— С. 270—293; *Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории.*— 2-е изд.— М., 1984.— С. 238—257.
- ²⁸ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*— Т. 29.— С. 128.
- ²⁹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*— Т. 46, ч. 1.— С. 44, 45.
- ³⁰ Там же.— Т. 23.— С. 157 (курсив мой.— А. Ч.).
- ³¹ Там же.— Т. 47.— С. 345 (курсив мой.— А. Ч.).
- ³² Впрочем, имеются и попытки сблизить Гегеля в данном вопросе не с Марксом, а с Энгельсом. «У Гегеля, но также и у Энгельса,— читаем в одной из работ о логике «Капитала»,— идентичность логического и исторического развития... выражена значительно сильнее, нежели, по-видимому, у Маркса» (*Zur Logik des Kapitals / Projektgruppe zur Kritik der politischen Ökonomie.*— 2., neu bearb. Ausg.— Berlin (W.), 1973.— S. 30).
- ³³ *Голобоков В. Г. Проблема соотношения логического и исторического и метод Д. Рикардо // Вестник Московского университета. Философия.*— 1976.— № 3.— С. 70—71.
- ³⁴ *Добряннов В. С. Методологические проблемы теоретического и исторического познания.*— М., 1968.— С. 230.
- ³⁵ См., например: *Backhaus H.-G. Zur Marxschen «Revolutionierung» und «Kritik» der Ökonomie.*

- ³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 13.— С. 497.
- ³⁷ См. там же (курсив наш.— А. Ч.).
- ³⁸ См. там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Backhaus H.-G. Materialien...— 3...— S. 49—50.
- ⁴¹ Bischoff J. Gesellschaftliche Arbeit als Systembegriff. Über wissenschaftliche Dialektik.— Berlin (W.), 1973.— S. 110 u. a. Развернутую критику концепции Й. Бишоффа см.: Holzkamp K. Die historische Methode des wissenschaftlichen Sozialismus und ihre Verkenntung durch J. Bischoff // Das Argument 84.— 1974.— Н. 1-2.— S. 1—43.
- ⁴² Единство и различие двух этих аспектов проблемы исторического и логического было подробно проанализировано Э. В. Ильенковым в вышедшей еще в 1960 г. книге «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса».
- ⁴³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 13.— С. 489.
- ⁴⁴ Кухановский В. П. Историзм как принцип диалектической логики. Автореф. дис. на соискан. ученой степени доктора филос. наук.— Ростов-на-Дону, 1979.— С. 19.
- ⁴⁵ Там же.— Т. 23.— С. 75 (см. также с. 79, 80).
- ⁴⁶ См. там же.— С. 12; Т. 31.— С. 257, 260. Ср. текст приложения, опубликованный в 49-м томе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (с. 139—164).
- ⁴⁷ Сообщая Энгельсу о структуре написанного по его совету приложения о форме стоимости, Маркс после пункта «IV. Денежная форма» в скобках заметил: «О денежной форме пишу здесь только ради связности изложения. Будет, быть может, меньше половины страницы» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 31.— С. 269).
- ⁴⁸ См., например: Глыбовский Ю. И. Форма стоимости в первом издании «Капитала» К. Маркса: (К 110-летию со дня выхода в свет первого тома) // Вестник Белорусского государственного университета. Серия III.— 1977.— № 2; Ермакова А. В. О логическом и историческом при анализе формы стоимости в «Капитале» Маркса // Философские науки.— 1977.— № 2; Шкредов В. П. Анализ формы стоимости в I томе «Капитала» // Очерки по истории «Капитала» К. Маркса.— М., 1983.— С. 274—280; Schwarz W. Die Geldform in der 1. und 2. Auflage des «Kapital». Zur Diskussion um die «Historisierung» der Wertformanalyse // Internationale Marx-Engels-Forschung / hrsg. vom IMSF.— Frankfurt a. M., 1987.— S. 200—213; Wagner H. Die Darstellung der Wertformanalyse und Wertformentwicklung

- durch Marx und ihre methodologische Bedeutung in der Gegenwart // Deutsche Zeitschrift für Philosophie.— 1980.— Н. 2.— S. 197—211.
- ⁴⁹ Очерки по истории «Капитала» К. Маркса.— С. 280.
- ⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 50.— С. 34.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.— Т. 23.— С. 19—22.
- ⁵³ Там же.— С. 21 (курсив наш.— А. Ч.).
- ⁵⁴ «Разграничение логики — существенных, внутренних закономерностей капитала — и эмпирии, т. е. чувственно воспринимаемых форм проявления последних на поверхности явлений, является... конститутивным моментом для понимания «Капитала», — читаем в одной из первых работ «Проектной группы по критике политической экономии» (Zur Logik des Kapitals... — S. 7).
- ⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 23.— С. 6.
- ⁵⁶ Там же.— Т. 30.— С. 528.
- ⁵⁷ Характер этих аналогий очевиден в свете недвусмысленных высказываний, содержащихся во 2-й главе — «Процесс обмена». «Непосредственный обмен продуктов, — подчеркивает здесь Маркс, имея в виду исторически предшествующую товарному обращению ступень развития обмена, — с одной стороны, имеет форму простого выражения стоимости, а с другой стороны, еще не имеет ее» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 23.— С. 97, курсив наш.— А. Ч.). (См. также там же, подстрочн. примеч. 41.) Позднее Маркс специально отмечал, что он «при исследовании стоимости имел дело с буржуазными отношениями...» (Там же.— Т. 19.— С. 375).
- ⁵⁸ Изучать литературу о деньгах Маркс начал еще в середине 40-х гг., о чем свидетельствуют, в частности, манчестерские эксерптные тетради (июнь — август 1845 г.), которые войдут в MEGA, Bd. IV/4.
- ⁵⁹ См.: MEGA.— Bd. IV/7.
- ⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 4.— С. 110—111. См. также: Васина Л. Л. О месте эксерптных тетрадей Маркса первой половины 50-х гг. XIX в. в истории формирования марксистской теории денег // Очерки по истории «Капитала» К. Маркса.— С. 28—29.
- ⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 13.— С. 134.
- ⁶² За пределы такой постановки вопроса не выходят и сегодняшние представители буржуазной экономической мысли Дж. Гэлбрейт, П. Вилар, Р. Триффин, М. Фридмен и др.

- ⁶³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 57.
- ⁶⁴ См.: Первоначальный вариант «Капитала».— С. 363—435.
- ⁶⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 44.— С. 141—149.
- ⁶⁶ Подробнее см. указ. статью Л. Л. Васиной, с. 29—33.
- ⁶⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 13.— С. 49.
- ⁶⁸ См. там же.— Т. 31.— С. 260.
- ⁶⁹ См. там же.— Т. 23.— С. 5—6.
- ⁷⁰ См. там же.— Т. 34.— С. 145.
- ⁷¹ Ср. там же.— С. 300.
- ⁷² Подробнее см.: *Чепуренко А. Ю.* Изложение вопроса о форме стоимости в брошюре И. Моста «Капитал и труд» под редакцией К. Маркса // К 160-летию со дня рождения Карла Маркса.— М., 1978.— С. 42—45. Напомним, что и Ленин в рецензии на популярный курс политической экономики А. А. Богданова считал вполне правомерным в дидактических целях проиллюстрировать развитие формы стоимости историей развития товарообмена (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 4.— С. 36).
- ⁷³ *Schwarz W.* Die Geldform in der 1. und 2. Auflage des «Kapital». Zur Diskussion um die «Historisierung» der Wertformanalyse...— S. 212.
- ⁷⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 43.
- ⁷⁵ Винффрид Шварц подчеркивает, что серия статей Баххауза в данной связи сыграла даже положительную роль в активизации дискуссии по методологическим проблемам «Капитала» (см., например: *Schwarz W.* Die Geldform in der 1. und 2. Auflage des «Kapital»: Zur Diskussion um die «Historisierung» der Wertformanalyse...— S. 201, 202).
- ⁷⁶ На это обстоятельство справедливо обращает внимание западногерманский исследователь Дитер Вольф (*Wolf D.* Ware und Geld. Der dialektische Widerspruch im «Kapital».— Hamburg, 1985.— S. 131 и. а.).
- ⁷⁷ Хотя в каком же иначе смысле Баххауз говорит о «*дедуктивном*, или *логическом*, элементе» развитого в «Капитале» метода? (Backhaus H.-G. Materialien... 3...— S. 78).
- ⁷⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 21, 22.
- ⁷⁹ *Göhler G.* Die Reduktion der Dialektik durch Marx: Strukturveränderungen der dialektischen Entwicklung in der Kritik der politischen Ökonomie.— Stuttgart, 1980.
- ⁸⁰ Впрочем, Гёлер отказывается от употребления термина «метод»: в литературе он зачастую трактуется как нечто внеш-

нее, безразличное к предмету, что, согласимся с автором, никак не соответствует пониманию, которое вкладывал в данный термин Маркс (Op. cit.— S. 36). Сам Гёлер предпочитает термин «реконструкция». Точно так же автор избегает говорить о «логике» Маркса, дабы не вызвать ненужных аналогий с формальной логикой, и использует (как синоним диалектической логики) понятие «структура».

⁸¹ Göhler G. Op. cit.— S. 7, 21.

⁸² Подробнее см., например: *Смирнов И. К.* Метод исследования экономического закона движения капитализма в «Капитале» К. Маркса.— Л., 1984.— С. 9—12.

⁸³ Göhler G. Op. cit.— S. 23. «...«Рациональное зерно» гегелевской диалектики... в «Капитале» по сравнению с «К критике...»... редуцировано»,— пишет автор в другом месте (S. 31).

⁸⁴ Ebenda.— S. 24; см. также с. 123 и др.

⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 29.— С. 126—127.

⁸⁶ Göhler G. Op. cit.— S. 25—26.

⁸⁷ Ebenda.— S. 24 (курсив мой.— А. Ч.).

⁸⁸ Ebenda.— S. 45. В данной связи Гёлер говорит также о «частичной» и «совокупной» структурах (см. с. 78).

⁸⁹ Ebenda.— S. 54.

⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 13.— С. 28.

⁹¹ См. там же.— Т. 23.— С. 44, примеч. 4; С. 90, примеч. 31.

⁹² Göhler G. Op. cit.— S. 57.

⁹³ Ebenda.— S. 55.

⁹⁴ Ebenda.— S. 63.

⁹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 38.

⁹⁶ Göhler G. Op. cit.— S. 67.

⁹⁷ Ebenda.— S. 41 и а. Напомним, что «логическое» у Гёлера всюду означает *формально-логическое*.

⁹⁸ Отметим, что не одному Гёлеру свойственно одностороннее противопоставление внутренней диалектики предмета системе суждений об этом предмете, построенной в соответствии с законами формальной логики. С 50-х гг. дискуссия вокруг этой проблемы ведется некоторыми японскими учеными. Если Секисукэ Мита и Йошихиро Ниджи, ссылаясь на Гегеля и Маркса, утверждают, что противоречие предмета непременно должно обнаружить себя как формально-логическое противоречие, то Капуто Мацумура и Минору Китамура справедливо возражают, что в таком случае было бы невозможно

всякое вообще познание, всякое суждение о предмете. Но и они, в свою очередь, приходят к весьма уязвимому выводу о том, что объективная реальность и мышление управляются собственными законами, между которыми нет в их трактовке необходимой связи. Отсюда — прямой путь к кантианской «вещи в себе». (Подробнее о позициях обеих сторон см.: *Niji Y. Zum Widerspruch in der objektiven Realität. Unter besonderer Berücksichtigung des Austauschprozesses der Ware* // Hannan Ronshu.— Osaka, 1983.— Vol. 19.— Nr. 1.— S. 25—36.)

⁹⁹ *Göhler G.* Op. cit.— S. 110.

¹⁰⁰ *Ebenda.*— S. 82.

¹⁰¹ *Wolf D.* Ware und Geld. Der dialektische Widerspruch im «Kapital»...— S. 189—203.

¹⁰² *Шкредов В. П.* Анализ формы стоимости в I томе «Капитала» // Очерки по истории «Капитала» К. Маркса.— М., 1983.— С. 286.

¹⁰³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 31.— С. 260.

¹⁰⁴ См. там же.— Т. 23.— С. 6.

¹⁰⁵ С этой точки зрения не только примечательно, но и вполне объяснимо то обстоятельство, что, перерабатывая для 2-го немецкого издания I тома «Капитала» параграф о форме стоимости, Маркс внес исправления и уточнения и в параграф «Мера стоимостей» главы о деньгах (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 12).

¹⁰⁶ В данном вопросе с Марксом полностью согласны те исследователи на Западе, которые стоят на последовательно материалистических и диалектических позициях,— из работ последнего времени укажем, наряду с уже упоминавшейся книгой Дитера Вольфа, монографию: *Arndt A. Karl Marx. Versuch über den Zusammenhang seiner Theorie.*— Bochum; 1985.— S. 146—153, 181—187.

¹⁰⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 31.— С. 260.

¹⁰⁸ *Göhler G.* Op. cit.— S. 114.

¹⁰⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 95.

¹¹⁰ *Schwarz W.* Die Geldform in der 1. und 2. Auflage des «Kapital»...— S. 205—206.

¹¹¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 29.— С. 256.

¹¹² Там же.— С. 265.

¹¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 38.

¹¹⁴ Там же.— С. 94.

¹¹⁵ *Göhler G.* Op. cit.— S. 125, 130.

- ¹¹⁶ Göhler G. Op. cit.— S. 124, 125.
- ¹¹⁷ Ebenda.— S. 148.
- ¹¹⁸ Wolf D. Ware und Geld.— S. 186—189.
- ¹¹⁹ Очерки по истории «Капитала» К. Маркса.— С. 282. Поэтому отнюдь не случайно архитекtonика параграфа о форме стоимости, само движение мысли Маркса обнаруживает столь много общего с гегелевским учением о суждении в «Науке логики» (на что обратил внимание Ниджи в ст.: Hegels Theorie vom Urteil und Marx' Theorie von der Wertform // Hannan Ronshu.— 1983.— Vol. 19.— Nr. 2.— S. 1—25): ведь этот раздел гегелевского учения о понятии, пожалуй, и является прототипом «субъективной» диалектики «Капитала».
- ¹²⁰ Очерки по истории «Капитала» К. Маркса.— С. 265.
- ¹²¹ Методология «Капитала» К. Маркса и современная наука...— С. 19.
- ¹²² Такое именно понимание субъективной диалектики и дает нам основание заключить этот термин в кавычки, с тем чтобы показать, что субъективной она является отнюдь не в расхожем представлении.
- ¹²³ Для марксистско-ленинской философии вопрос о единстве и различии объективной и субъективной диалектики хотя и является дискуссионным, но отнюдь не становится камнем преткновения. Так, Д. П. Горский и И. С. Нарский, доказывая, что субъективная диалектика есть совокупность диалектических закономерностей самого процесса познания, отмечают, что в данной сфере действуют специфические законы, «в которые вообще не включены характеристики, фигурирующие в формулировках общих законов диалектики... Таковы законы *переходов* от относительной истины к абсолютной, движения от конкретного к абстрактному и последующего восхождения от абстрактного к конкретному, «оборачивания» в методе... В. И. Ленин имел в виду закономерности данной группы, когда писал о способе образования Марксом исходной «клеточки» в «Капитале» и о разных соотношениях абстрактного и конкретного» (Горский Д. П., Нарский И. С. О функциях и структуре диалектической логики как науки // Философские науки.— 1976.— № 1.— С. 37. Ср. также: Диалектика научного познания: Очерк диалектической логики.— М., 1978.— С. 5, 22—23).
- ¹²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 248 (курсив наш.— А. Ч.).
- ¹²⁵ Göhler G. Op. cit.— S. 162.

- 126 Как подчеркивает, например, В. А. Вазюлин, «в гегелевской логике отсутствует характеристика форм явления», поэтому «детальный логический анализ форм явления составляет одну из величайших заслуг К. Маркса в области логики» (*Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса.*— М., 1968.— С. 93); см. также: *Очерки по истории «Капитала» К. Маркса.*— С. 251.
- 127 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 29.— С. 248.
- 128 Шварц — при несогласии с выводами Гёлера — считает его заслугой то, что в центр дискуссий в западногерманской литературе вокруг теории стоимости он выдвинул проблему диалектического противоречия (*Schwarz W. Zu neueren Diskussionen um die Wertformanalyse im «Kapital» von Marx in der BRD // Beiträge zur Marx-Engels-Forschung.*— Berlin, 1987.— Nr. 21.— S. 102).
- 129 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 6.
- 130 Там же.— Т. 32.— С. 448.
- 131 С некоторыми оговорками можно назвать лишь: *Aramaki M. Tendenzen und Aufgaben der Marxismus-Leninismus-Forschung in Japan // Beiträge zur Marx-Engels-Forschung.*— Berlin, 1984.— Н. 15.— S. 117—124; *Fukuzawa H. Aspekte der Marx-Rezeption in Japan.*— Bochum, 1980; *Itoh M. The development of Marxian economics in Japan // Itoh M. Value and crisis.*— New York, 1980; *Yuici O. Marxian economics in Japan: its heritage and perspective // Marx and Marxism / Ed. by A. Jain, A. J. Matejko.*— New York, 1984.— P. 181—208.
- 132 Оба многотомных издания выпущены токийским издательством «Оцуки».
- 133 Особенно плодотворно в этом направлении работала группа марксоведов, сложившаяся вокруг покойного ныне профессора университета Хосеи (Токио) Самезо Курумы, усилиями которой было подготовлено издание вышеупомянутого «Лексикона».
- 134 Подробнее см.: *Otani T., Sekine I. Beschäftigung mit Marx und Engels in Japan: Forschungen über die Methode der politischen Ökonomie und die Entstehungsgeschichte des «Kapitals» // Internationale Marx-Engels-Forschung / hrsg. vom IMSF.*— Frankfurt a. M., 1987.— S. 245—256.
- 135 *Albritton R. A Japanese reconstruction of Marxist theory.*— Houndmills a. o., 1986.— P. 2. Роберт Олбриттон — восторженный почитатель идей Уно (воспринятых им от ученика Уно, Томохико Сэкине), один из представителей «Исследовательской группы Уно», работающей в университете Онтарио (Канада), — в цитируемой книге популяризирует и стремится до

некоторой степени развить основные положения своего учителя. Поэтому ниже мы еще не раз обратимся к его монографии.

- ¹³⁶ В настоящей работе не рассматривается весьма своеобразная, спорная и противоречивая концепция диалектики «Капитала», сформулированная покойным французским мыслителем в его книгах «Pour Marx» (Paris, 1965) и «Lire le 'Capital'» (Т. 1—2. Paris, 1965). Разумеется, это делает проведенный автором анализ современных дискуссий вокруг Марксова труда неполным, ибо идеи Альтюссера оказали и продолжают оказывать определенное влияние как на марксистскую, так и на «неомарксистскую» литературу на Западе. Чтобы до некоторой степени компенсировать этот пробел, отошлем читателя к очерку: Автономова Н. С. Этапы идейной эволюции Л. Альтюссера // Современные зарубежные концепции диалектики: Критические очерки / Отв. ред. В. А. Лекторский. — М., 1987. — С. 187—234.
- ¹³⁷ Albritton R. Op. cit. — P. 1, 4.
- ¹³⁸ Uno K. Principles of political economy: Theory of a purely capitalist society. — Brighton; Atlantic Highlands (New Jersey), 1980. Эта книга, опубликованная в Японии в 1964 г., представляет собой полностью переработанный и сокращенный вариант выпущенного в 1950—1952 гг. двухтомного труда Уно под тем же названием («Кэйдзай генрон»). Переработать свое исследование, видимо не в последнюю очередь, побудила Уно критика со стороны японских марксистов. Подробнее см.: Otani T., Sekine I. Beschäftigung mit Marx und Engels in Japan... — S. 248, 249.
- ¹³⁹ Именно такую оценку его творчества дает справочное издание: Biographical dictionary of Marxism / Ed. by R. A. Gorman. — Westport (Conn.); London, 1936. — P. 339.
- ¹⁴⁰ Sekine T. Translator's foreword // Uno K. Principles of political economy... — P. XVI—XVII.
- ¹⁴¹ Sekine T. An essay on Uno's dialectic of capital // Uno K. Principles of political economy... — P. 150. Гегель, правда, сформулировал принцип саморазвития предмета как источника научного познания четче и короче, нежели Уно и Сэкине. «Истинное познание предмета должно быть... таким, чтобы он сам определял себя из самого себя, а не получал свои предикаты извне» (Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. — М., 1974. — Т. 1. — С. 136—137).
- ¹⁴² Sekine T. An essay on Uno's dialectic of capital // Uno K. Principles of political economy... — P. 135.

- ¹⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 43.
- ¹⁴⁴ Там же.— С. 207.
- ¹⁴⁵ Там же.— С. 448.
- ¹⁴⁶ См. там же.— Ч. 2.— С. 332.
- ¹⁴⁷ *Sekine T.* An essay on Uno's dialectic of capital // *Uno K.* Principles of political economy...— P. 139.
- ¹⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 23.— С. 187.
- ¹⁴⁹ *Uno K.* Principles of political economy...— P. XXVIII.
- ¹⁵⁰ *Ibidem.*— P. 34. Маркс, обосновывая свое понимание содержания категории стоимость, писал во втором черновом варианте «Капитала» (1861—1863 гг.) нечто прямо противоположное: «...само по себе понятие товара — т. е. стоимость товара — исключает труд как процесс; труд как процесс... есть субстанция и мера стоимости, а не стоимость. Таковой он является лишь в качестве овеществленного труда... в процессе производства это опосредствование исчезает» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 47.— С. 595. Ср. там же.— С. 69—71, 85, 149 и др.).
- ¹⁵¹ *Haug W. F.* Vorlesungen zur Einführung ins «Kapital».— Köln, 1974.— S. 17—18, 20.
- ¹⁵² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 22—23.
- ¹⁵³ Там же.— С. 42. Ср. там же.— Т. 29.— С. 254, 257.
- ¹⁵⁴ Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 173.
- ¹⁵⁵ Там же. Здесь Маркс фактически резюмирует главную идею, подробно развитую им во «Введении» (см. там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 24—36).
- ¹⁵⁶ См. там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 88—89, 100—102 и др.
- ¹⁵⁷ Там же.— С. 199.
- ¹⁵⁸ Там же.— С. 207.
- ¹⁵⁹ См. там же.— С. 250, 274—275, 326.
- ¹⁶⁰ Там же.— Ч. 2.— С. 393.
- ¹⁶¹ См. там же.— Ч. 1.— С. 256—257.
- ¹⁶² См. там же.— Т. 29.— С. 304.
- ¹⁶³ См. там же.— Т. 23.— С. 46.
- ¹⁶⁴ *Albritton R.* Op. cit.— P. 45 (курсив мой.— А. Ч.). В данном вопросе, впрочем, Сэкине и Олбриттон лишь более отчетливо формулируют идею, содержащуюся у самого Уно (см. с. 5—6 его книги).
- ¹⁶⁵ Подробнее о роли «человеческого фактора» в экономической теории Маркса см.: Азз А. Мир человека как субъекта произ-

- водства: Критика К. Марксом концепции человека в буржуазной политической экономии / Сокр. пер. с венг.— М., 1984.
- ¹⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 464.
- ¹⁶⁷ См. там же.— Ч. 1.— С. 35—36.
- ¹⁶⁸ Прямым предшественником Уно в данном вопросе является И. И. Рубин (см., например: Рубин И. Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса // Под знаменем марксизма.— 1927.— № 6.— С. 90).
- ¹⁶⁹ Уно К. Principles of political economy...— P. 3.
- ¹⁷⁰ Ibidem.— P. 16.
- ¹⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 21.
- ¹⁷² Заметим попутно, что здесь обнаруживается еще одно противоречие в концепции Уно. С одной стороны, он рассматривает капиталистический процесс производства как «производство вообще», т. е. по существу как процесс создания потребительных стоимостей. С другой стороны, он утверждает, что «абстракция от потребительной стоимости товара... становится конкретной реальностью только в процессе производства, когда выясняется, что капиталу безразлично, какую потребительную стоимость ему производить» (Уно К. Principles of political economy...— P. 32).
- ¹⁷³ Уно К. Principles of political economy...— P. 32.
- ¹⁷⁴ Eldred M., Hanlon M., Kleiber L., Roth M. Value-form analytic reconstruction of «Capital» // Eldred M. Critique of competitive freedom and the bourgeois-democratic state. Outline on a form analytic extension of Marx's uncompleted system.— København, 1984.— P. 365—366. Впрочем, Т. Сэкине идет еще дальше, по существу отождествляя абстрактный труд с простым (Sekine T. A glossary of technical terms // Уно К. Principles of political economy...— P. 182). Выше мы уже встречались с подобной трактовкой — в работах современных неорикардианцев.
- ¹⁷⁵ Eldred M., Hanlon M., Kleiber L., Roth M. Op. cit.— P. 366.
- ¹⁷⁶ Данный тезис особенно подробно обосновывается в вышеупомянутой книге Р. Олбриттона (см. с. 10, 16—18, 30 и др.).
- ¹⁷⁷ Уно К. Principles of political economy...— P. XIX, XX е. а.
- ¹⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 42.
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ Там же.— Т. 48.— С. 115.
- ¹⁸¹ Там же.— Т. 23.— С. 157.
- ¹⁸² Буржуазная политэкономия в лице Дж. М. Кейнса и Й. Шум-

петера, напомним, предприняла сознательную попытку решения этой проблемы, по сути, лишь в середине нынешнего столетия, перед лицом необратимых революционных изменений в мире.

- ¹⁸³ В то же время не следует забывать, что первые ростки, предвестники монополистического перерождения капитализма, были распознаны Марксом достаточно рано. Об этом свидетельствует, в частности, пристальное внимание, которое он уделял, например, причинам расцвета и крушения финансовой империи «Crédit mobilier», или, по его выражению, одной из «самых последних форм буржуазного общества», — акционерным компаниям (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* — Т. 46, ч. 1. — С. 45), как и некоторые высказывания об особенностях развития американского капитализма после Гражданской войны (см. там же. — Т. 21. — С. 172; Т. 23. — С. 783; Т. 25, ч. 1. — С. 482; Т. 34. — С. 278, 290, 291 и др.).

¹⁸⁴ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* — Т. 27. — С. 343.

¹⁸⁵ См.: *Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается.* — М., 1987. — С. 47, 48.

¹⁸⁶ См., например: *Куликов В. Общекоммунистические начала социализма и экономическая стратегия партии // Коммунист.* — 1985. — № 18; *Мелентьев А. Ленинская методология исследования империализма и новые задачи изучения развивающегося социализма // Научные доклады высшей школы. Экономические науки.* — 1987. — № 7.

¹⁸⁷ *Uno K. Principles of political economy...* — P. XXII, XXIII.

¹⁸⁸ *Ibidem.*

¹⁸⁹ *Sekine T. Translator's foreword...* — P. XIV.

¹⁹⁰ В то же время, подчеркнем еще раз, эти наиболее абстрактные категории имеют конкретное историческое «наполнение» лишь при определенных общественных условиях. «Мы исходим из товара как наиболее общей категории буржуазного производства, — писал Маркс. — Такой всеобщей категорией он становится лишь в результате изменения, которому под воздействием капитала подвергается сам способ производства» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* — Т. 47. — С. 324). Становление диалектического взгляда на исходные абстракции теоретической системы подробно прослежено в монографии: *Абдильдин Ж. М. Проблема начала в теоретическом познании.* — Алма-Ата, 1967.

¹⁹¹ Такая идея высказывалась и в советской литературе (см., например: *Мансилья А. Проблема соотношения способа произ-*

- водства и стадий его развития в «Капитале» К. Маркса // Научные доклады высшей школы. Экономические науки.— 1975.— № 1).
- ¹⁹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 43 (курсив мой.— А. Ч.).
- ¹⁹³ «Между различными моментами (буржуазного производства.— А. Ч.) имеет место взаимодействие. Это свойственно всякому органическому целому» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 36).
- ¹⁹⁴ Там же.— Т. 23.— С. 6.
- ¹⁹⁵ Uno K. Principles of political economy...— P. XXVI.
- ¹⁹⁶ Ibidem.— P. XIV.
- ¹⁹⁷ Отказ от проверки теории практикой является одним из самых уязвимых мест концепции Уно, по мнению японских марксистов (Otani T., Sekine I. Op. cit.— S. 246—247).
- ¹⁹⁸ Профессор университета Хосеи (Токио) Тейносукэ Отани — на наш взгляд, небезосновательно — обращает внимание на близость концепции «чисто капиталистического общества» в методологическом плане веберовскому учению об идеальных типах.
- ¹⁹⁹ Uno K. Principles of political economy...— P. XXIII.
- ²⁰⁰ Sekine T. An essay on Uno's dialectic of capital...— P. 153. Cp.: Albritton R. Op. cit.— P. 78.
- ²⁰¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 48.— С. 3—33; Т. 49.— С. 74—93. См. также: Первоначальный вариант «Капитала»... — С. 268—272.
- ²⁰² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 45; Т. 29.— С. 254, 257—260, 449, 451, 468; Т. 13.— С. 5. Подробнее о плане шести книг и его методологическом и теоретическом значении см.: Коган А. М. В творческой лаборатории Карла Маркса: (План экономических исследований 1857—1859 гг. и «Капитал»).— М., 1983; Первоначальный вариант «Капитала»: (Экономические рукописи К. Маркса 1857—1859 гг.).— М., 1987.— Гл. XI, разд. 2; Гл. XIV, разд. 2; Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1986.— Н. 20.
- ²⁰³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 30.— С. 527. Здесь же — т. е. в письме, отосланном Л. Кугельману 28 декабря 1862 г., когда второй, во многом близкий к окончательному вариант «Капитала» был близок к завершению,— Маркс указал, что в него «не включена конкуренция капиталов и кредит» (там же).

- 204 Коган А. М. Указ. соч.— С. 19.
- 205 Albritton R. Op. cit.— P. 31.
- 206 В 1-й главе уже обращалось внимание на то — зачастую упускаемое из виду и советскими исследователями — обстоятельство, что в III томе «Капитала» рыночные цены приравнены к рыночным стоимостям товаров. Это означает, что реальное воздействие конкуренции на процесс ценообразования там не рассматривается.
- 207 Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 164.
- 208 Там же.— Т. 25, ч. 2.— С. 39.
- 209 Там же.— Ч. 1.— С. 482.
- 210 Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 32.— С. 279.
- 211 Подробнее об этом см.: Коган А. М. Указ. соч.— С. 68—141.
- 212 В одном из набросков общего плана своего труда Маркс расшифровал их следующим образом: «Государство вообще: Колонии. Внешняя торговля. Вексельный курс. Деньги как международная монета.— Наконец, мировой рынок. Выход буржуазного общества за рамки государства. Кризисы. Разложение способа производства и формы общества, основанных на меновой стоимости. Реальное превращение индивидуального труда в общественный и vice versa» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 213).
- 213 Речь идет о главах IV—VI («Вывоз капитала», «Раздел мира между союзами капиталистов», «Раздел мира между великими державами»).
- 214 «...Те явления «системы буржуазной экономики», которые Маркс предполагал рассмотреть после исследования внутренней структуры капиталистических производственных отношений, а именно «государство, внешняя торговля, мировой рынок», были рассмотрены Лениным в его книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» (Мрачковская И. М. К истории ленинского этапа в политической экономии.— М., 1987.— С. 204).
- 215 Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 27.— С. 385.
- 216 Sekine T. Translator's foreword.— P. XIII—XIV; Albritton R. Op. cit.— P. 95, 98.
- 217 Albritton R. Op. cit.— P. 98. Нужно отметить, что вопрос о методе ленинского исследования империализма не прояснен до конца в советской литературе. Ряд авторов трактует его как своеобразный синтез логического (теоретического) и исторического исследования (см., например: Розенталь М. М.

- Диалектика ленинского исследования империализма и революции.— М., 1976.— Гл. 4—6; Оруджев З. М. и др. Основные категории ленинской теории империализма и их взаимосвязь // Философские науки.— 1978.— № 4), причем характер этого синтеза раскрывается, на наш взгляд, недостаточно; другие же полагают, что речь идет о сугубо историко-экономическом исследовании (см., например: Руденко Г. Ф. О ленинской методологии исследования империализма.— М., 1961.— С. 24—25).
- ²¹⁸ Albritton R. Op. cit.— P. 95.
- ²¹⁹ Примечательно, что сам Уно в своем фундаментальном труде дальше теории «чисто капиталистического общества» не пошел. Не сделали этого и его последователи. Как пишет Олбриттон, «...соединенные усилия представителей японской школы Уно сфокусировались в первую очередь на выяснении проблем того наиболее абстрактного уровня политической экономики, который Уно характеризовал как «теорию чисто капиталистического общества»... вместо того, чтобы разрабатывать посредствующие звенья между внутренней логикой капитала и историческим анализом, они по большей части снова и снова вели дебаты по чрезвычайно тонким аспектам теории формы стоимости или некоторым другим специальным вопросам теории чисто капиталистического общества» (Op. cit.— P. 2).
- ²²⁰ Albritton R. Op. cit.— P. 73, 78, 80 (ср. также стр. 87).
- ²²¹ Ibidem.— P. 78, 116.
- ²²² Ibidem.— P. 120.
- ²²³ Sekine T. Translator's foreword...— P. XIV.
- ²²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 27.— С. 344 (курсив мой.— А. Ч.).
- ²²⁵ Sekine T. Translator's foreword...— P. XIV.
- ²²⁶ Данный тезис подробно обоснован в указанном сочинении А. М. Когана (см. особ. с. 26—31).
- ²²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 27.— С. 387.
- ²²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 491.
- ²²⁹ Там же.— С. 155.
- ²³⁰ Albritton R. Op. cit.— P. 2. Та же тенденция характерна, как представляется, и для самого Олбриттона.
- ²³¹ Sekine T. An essay on Uno's dialectic of capital...— P. 163, note 29.
- ²³² На данное обстоятельство обращали внимание и оппоненты Уно в Японии (Otani T., Sekine I. Op. cit.— S. 248, 249).

- ²³³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.—Т. 37.—С. 351. Ср. там же.—Т. 22.—С. 86.
- ²³⁴ *Киссель М. А.* О некоторых особенностях идеалистической диалектики//Идеалистическая диалектика XX века.—Л., 1978.—С. 27.
- ²³⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.—Т. 29.—С. 90.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.—Т. 3.—С. 634—635.

² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.—Т. 26, ч. 3.—С. 65—336.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

Раздел I

СТОИМОСТЬ И ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ: ФУНДАМЕНТ МАРКСОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ИЛИ «ОКОЛЬНЫЙ ПУТЬ»?

Глава 1. Трансформация марксизма вместо решения «проблемы трансформации»	19
1. Марксов подход к превращению стоимости в цену производства	24
2. Предтечи неорикардianской ревизии марксизма: Л. Боржевич и П. Сраффа	37
3. Нужна ли замена трудовой теории стоимости?	50
Глава 2. Альтернативные концепции капиталистической эксплуатации	71
1. Новый вариант «морализирующей критики» капитализма	74
2. Основа «неомарксистской» теории эксплуатации: ответственность вместо стоимости	83
3. Диалектика экономических отношений и формы собственности у Маркса	94

Раздел II

МАРКСИСТСКАЯ ДИАЛЕКТИКА ИЛИ ГЕГЕЛЕВСКАЯ ЛОГИКА? О МЕТОДЕ «КАПИТАЛА»

Глава 3. Тезис об «историзации» диалектического метода в «Капитале»	113
---	-----

1. Соотношение исторического и логического у Маркса и Энгельса и некоторые его трактовки	116
2. «Форма стоимости... очень бессодержательна и проста»?	124
Глава 4. О подлинной и мнимой «редукции» диалектики . .	133
1. Снова Маркс против Маркса?	136
2. Еще раз о форме стоимости и процессе обмена в «Капитале»	142
Глава 5. Что такое «теория чисто капиталистического общества»?	154
1. Буржуазное общество как «реальный субъект» (Маркс) и диалектика производства и обращения по Уно	157
2. «Капитал», ленинское учение об империализме и «теория стадий»	170
Заключение	193
Примечания	198

Александр Юльевич Чепуренко

**ИДЕЙНАЯ БОРЬБА
ВОКРУГ «КАПИТАЛА» СЕГОДНЯ**

Художник И. И. Суслов

Художественный редактор О. Н. Зайцева

Технический редактор Л. К. Уланова

ИБ № 7456

Сдано в набор 21.01.88. Подписано в печать 31.05.88. А10556. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 11,2. Уч.-изд. л. 11,66. Тираж 24 000 экз. Заказ № 3497. Цена 80 коп.

Политиздат.

125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

**Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».** 103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Erster Band.

Buch I: Der Produktionsprocess des Kapitals.

Hamburg

Verlag von Otto Meissner.

1867.

New-York: L. W. Schmidt, 24 Barclay-Street.

80 коп.

Издательство
политической
литературы